

89.21(2-190)5
Жорес Трофимов

776

Жил и умер
джентльменом - поэтом

11067354

83.3/2-Рус)с

ТРОФИМОВ Жорес Александрович Т76

*Жил и умер
джентльменом-поэтом*

Документальные очерки о
Д.П. Ознобишине

Ульяновск
2005

Ульяновская областная
научная библиотека
им. В.И. Ленина

7067354

ББК 83.3 (2=Рус) 5
Т 76

Трофимов Ж.А.

Т 76 Жил и умер джентльменом-поэтом. Документальные очерки о Д.П. Ознобишине. — Ульяновск: ОГУП “Обл. типография “Печатный двор”, 2005. — 232 с.: ил. и фото

Историк и публицист Жорес Трофимов известен своими документальными книгами о В.И. Ленине и семье Ульяновых, а также книгами и очерками: “Симбирск и симбиряне”, “Симбирск литературный”, “Симбирские дни Пушкина”, “Родня по вдохновенью”, “Поэт-симбирянин Николай Языков”, “Николай Благов, поэт и гражданин” и другими произведениями о выдающихся деятелях Симбирска-Ульяновска.

В книге “Жил и умер джентльменом-поэтом” Ж.А. Трофимова, написанной к 200-летию со дня рождения Д.П. Ознобишина, основное внимание уделено освещению симбирских страниц жизни и творчества этого выдающегося поэта, переводчика, этнографа, просветителя и общественного деятеля.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, всех, кто интересуется историей нашего края.

ISBN 5-7572-0146-0

ББК 83.3 (2=Рус) 5

© Трофимов Ж.А., 2005

ОТ АВТОРА

В славной плеяде симбирян-литераторов почетное место принадлежит Дмитрию Петровичу Ознобишину. Еще воспитанником Благородного пансиона Московского университета он в 1820 году увидел плоды своего пера в пансионском альманахе, а в 1821-м — и в журнале “Вестник Европы”. В последующее десятилетие переводные и оригинальные стихи нашего земляка публиковались во многих периодических изданиях Москвы и Петербурга. Положительный отклик общественности получили изданные Д. Ознобишиным в 1823 и 1827 годах альманахи “Новые Аониды” и “Северная лира” (в содружестве с С.Е. Раичем).

Довольно широкая известность Дмитрия Петровича как поэта нашла отражение в знаменитой статье В.Г. Белинского “Литературные мечтания”, появившейся в 1834 году в № 9 журнала “Молва”. Здесь “неистовый Виссарион”, отмечая недостатки литературного процесса в России, заявил: “Теперь Баратынских, Подолинских, Языковых, Туманских и Ознобишиных сменили гг. Тимофеевы, Ершовы; на поприще их замолкнувшей славы венчаются гг. Брамбеусы, Булгарины и Гречи...”.¹ Жизнь покажет, что молодой критик поторопился “списать”

¹ Белинский В.Г. Собр. соч. в 9 т. — Т. 1. — М., 1976. — С. 48.

с поэтического Олимпа Баратынского, Языкова и Ознобишина и шесть лет спустя, высоко отозвавшись о “Сочинениях в стихах и прозе Дениса Давыдова”, в числе “дарований, действовавших в одно время и под влиянием одного общего светила — Пушкина”, вновь выделил наших земляков Языкова и Ознобишина.¹ Коснувшись успеха “Отечественных записок” А. Краевского, Виссарион Григорьевич объясняет это участием в этом журнале Лермонтова, Кольцова, Вяземского, Баратынского, Ознобишина, Полежаева.

И еще один отзыв Виссариона Григорьевича: “Аристократические альманахи украшались стихами Пушкина, Жуковского и щеголяли стихами гг. Баратынского, Языкова, Дельвига, Козлова, Подолинского, Ознобишина, Ф. Глинки, Хомякова и других модных тогда поэтов...”² Конечно, к середине 1840-х годов Ознобишин перестал быть “модным” поэтом и престижные альманахи уже не щеголяли его стихами. С одной стороны — это закономерно, ибо мода на поэтов меняется, как, впрочем, всякая мода. Следует также иметь в виду, что в 1846 году, еще совсем молодой, скончалась жена Дмитрия Петровича. Понятно, что поэт в своем неутешном горе теперь творил не столько для публики, сколько для себя и своих близких.

Не перестав быть лириком, поэт, начиная с времен Крымской войны 1853—1856 годов, выступает в печати с патриотическими, а затем и сатирическими произведениями. Подобно Николаю Некрасову, Дмитрий Петрович следовал принципу “по-

¹ Белинский В.Г. Указ. соч. — Т. 3 — М., 1976. — С. 152.

² Там же.

этом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан". Он принимал активное участие в подготовке и проведении крестьянской реформы, а также в деятельности симбирского земства, особенно в становлении народной школы. Невозможно переоценить вклад Д. Ознобишина в собирание народных песен, в том числе чувашских, мордовских и татарских. Достойны памяти и уважения публицистические выступления Дмитрия Петровича в местной печати, а также в столичных журналах. Несомненную пользу для массового читателя имели исторические труды поэта, в частности, "Исторический очерк Симбирска" 1863 года. Наконец, и в 1850—1870-х годах он продолжал плодотворно трудиться как блестящий переводчик поэтических шедевров с французского, немецкого и английского языков, а также классиков Востока.

Так уж получилось, что наш выдающийся земляк, чья литературная деятельность протекала более полувека, так и не издал при жизни хотя бы тома избранных поэтических произведений. Поэтому я был рад появлению в 1972 году двухтомного сборника "Поэты 1820—1830-х годов", вышедшего в Ленинграде в престижной серии "Библиотека поэта". Автор-составитель 2-го тома (куда вошло 41 стихотворение Д. Ознобишина) В.С. Киселев-Сергенин доброжелательно отнесся к творчеству молодого поэта. Но его утверждение, что литературный путь Ознобишина "как оригинального поэта в сущности завершился в середине 40-х годов", — необоснованно и порождено главным образом тем, что часть поэтических произведений 1850—1870-х годов осталась в личном архиве поэта

и неизвестна литературоведам. Не могу согласиться и с утверждением В. Киселева-Сергенина о том, что Д. Ознобишин был в пореформенное время “типичным деятелем либерального толка”.¹

Я разделяю мнение авторов книжечки “Семья Ульяновых в Симбирске (1869—1887 гг.)” В. Алексеева и А. Швера, изданной в 1925 году в Ленинграде под редакцией и с примечаниями А.И. Ульяновой-Елизаровой, что в числе “немногих светлых личностей”, которых дал Симбирск, был и поэт Д.П. Ознобишин. Небезынтересно, что он оказался названным в славной плеяде симбирян — таких, как: просветитель И.П. Тургенев и его сын-декабрист Николай (автор книги “Россия и русские”), историкограф Российского государства Н.М. Карамзин, баснописец И.И. Дмитриев, декабрист В.П. Ивашев, поэт Н.М. Языков, отец и сын Минаевы, певец Волги Д.Н. Садовников.

Почин В. Алексеева и А. Швера был продолжен Н. Варламовым, опубликовавшим 6 января 1940 года в ульяновской газете “Пролетарский путь” статью “Друзья библиотеки”. Основываясь на рукописных фондах Дворца книги им. В.И. Ленина, Варламов ввел в научный оборот письма Д.П. Ознобишина 1840—1860-х годов о пожертвовании поэтом Карамзинской общественной библиотеке своих произведений, части личного книжного собрания и о готовности оказывать всяческую поддержку симбирской публичке.

Большое внимание уделяла пропаганде жизни и творчества Дмитрия Петровича заведующая

¹ Поэты 1820—1830-х годов. — Т. 2. — Л., 1972. — С. 69.

библиографическим отделом Ульяновского Дворца книги Елена Васильевна Ложкина, которая составила в 1951 году брошюру из серии “Люди нашего края” о поэтах И.И. Дмитриеве, А.А. Коринфском, Д.И. и Д.Д. Минаевых, Д.П. Ознобишине, Д.Н. Садовникове и Н.М. Языкове. Кроме того, она подготовила для читателей разработку “Редкая книга”, в которой рассказала об ознобишинской брошюре “Шуточные реляции в стихах о французско-прусской войне 1870—1871-х годов”, вышедшей небольшим тиражом в Петербурге в 1875 году и подаренной поэтом Карамзинской общественной библиотеке. Наконец, именно Е. Ложкина выявила в фондах Дворца книги ряд других изданий с автографами Д.П. Ознобишина, сделав, таким образом, первые шаги к воссозданию его богатейшей личной библиотеки.

Добрым словом отзывались в своих публикациях о Дмитрие Петровиче доцент пединститута П.С. Бейсов и заслуженный учитель РСФСР К.А. Селиванов, который в своей книге “Литературные места Ульяновской области” (Саратов, 1967, с. 133) в справке о селе Троицкое Инзенского района отмечал работу Ознобишина по сбору местного фольклора, а также его заботу о благоустройстве своих крестьян. А вот как уважительно выглядела справка о Дмитрие Петровиче в сборнике “Край Ильича” (Саратов, 1980, с. 180): Опубликовал большое количество статей по вопросам краеведения, этнографии, народного образования, кустарной промышленности и др. Деятельный собиратель фольклора. Первым начал записывать чувашские и мордовские народные песни. Автор широко известной песни “По Дону гуляет казак молодой”.

Время от времени в областной и районной печати появлялись заметки, посвященные очередному юбилею Д.П. Ознобишина. Но справедливости ради следует признать, что ни один из местных литераторов и краеведов глубоким изучением его жизни и творчества не занимался. Зато в далеком Душанбе, столице Таджикской ССР, в 1964 году вышла книжечка "Сердце брата", написанная выпускницей МГУ журналисткой Татьяной Матеосовной Гольц. Литератор Д. Дудкин во вступительном слове "Очерк о поэте-переводчике" характеризовал Д.П. Ознобишина как переводчика, "сделавшего достоянием русской литературы и читающей России жемчужины таджикско-персидской поэзии". Приветствуя выход в свет очерка "Сердце брата", он заметил, что эта первая работа Т. Гольц, естественно, не претендует на полноту и исчерпывающее освещение биографии своего героя.

И Татьяне Матеосовне понадобилось еще четверть века, чтобы очерк "Сердце брата" вышел вторым изданием в Душанбе в 1991 году, а главное, чтобы выпустить в 1992-м в московском издательстве "Советская Россия" сборник "Стихотворения" Д.П. Ознобишина, предназначенный для детей старшего школьного возраста. Завершающей работой Т. Гольц, ее дочери-филолога Н.Н. Холмухамедовой и литературоведа А.Л. Гришунина стал двухтомник "Д.П. Ознобишин. Стихотворения. Проза", вышедший в издательстве "Наука" в 2001 году (тиражом 1550 экземпляров). К сожалению, в разгар подготовки двухтомника к изданию скоростно скончалась в 1999 году дочь Т.М. Гольц, а 28 мая

2001 года и она, проживая в г. Инза Ульяновской области, ушла из жизни.

Трудно переоценить вклад Татьяны Матеосовны в публикации произведений Д. Ознобишина и в освещение его творческой деятельности, особенно как переводчика поэтов Запада и Востока. Несомненно, что при более благоприятных житейских условиях она смогла бы подготовить и полное собрание сочинений Дмитрия Петровича, а биографический очерк расширить до научной биографии. Заодно были бы исправлены досадные ошибки и неточности, вкравшиеся даже в двухтомник 2001 года (на некоторых из них я остановлюсь ниже).

Весьма ценной является публикация в 79-м томе “Литературного наследства” (М., 1968) 29 народных песен, записанных Д.П. Ознобишиным, и вступительной статьи к ним Т.Г. Динесман, раскрывающая работу поэта по сбору фольклора Поволжья, а также Владимирской и Олонецкой губерний. Сохранившиеся в личном архиве Ознобишина 229 песен свидетельствуют, что поэт-симбирянин являлся одним из виднейших вкладчиков в знаменитую коллекцию П.В. Киреевского.

Среди заметного пополнения ознобишинианы 1980-х годов следует отметить две публикации И.Я. Заславского — “Три сюжета из ознобишинского архива” в Лермонтовском сборнике 1985 года и “Путевой дневник Дм. Ознобишина” в академическом сборнике “Памятники культуры. Новые открытия” (М., 1987).

С начала 1990-х годов изучением творческого наследия поэта и судьбой его библиотеки активно

занимаются сотрудники отдела редких книг Ульяновской областной научной библиотеки. Так, Л.Ю. Ивашкина в 1992 году во время посещения Франции убедила наследника ознобишинской библиотеки, Н.Н. Ознобишина, передать часть книжной коллекции в УОНБ музею “Карамзинская общественная библиотека”. В это время В.В. Морозова начала составление каталога библиотеки Д.П. Ознобишина. Просматривая томики “Месяцеслова” 1830—1860-х годов, принадлежавших поэту, она обратила внимание на запись Дмитрия Петровича, что днем его именин является 21 сентября, а днем рождения — 4 октября 1804 года. В статье “Несколько новых источников к родословию Ознобишиных”, опубликованной в 1996 году в 3-м выпуске историко-краеведческого сборника “Симбирский вестник”, В.В. Морозова привела также любопытные сведения о родственниках и знакомых поэта, его поездках в Симбирск, другие города и веси.

Полезным пособием для ознобишиноведов стал “Обзор архива Д.П. Ознобишина” Н.А. Хохловой, появившийся в “Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год”, вышедшем в свет в 1994 году. К сожалению, в обстоятельно составленном “Обзоре” имеются досадные оплошности, вроде того, что родовое село Троицкое находится “недалеко от Казани” или что “Д.П. Ознобишин похоронен в Кисловодске”. Н. Хохлова ошибочно полагала и будто “Биография Д.П. Ознобишина” 1878 года написана А.П. Горизонтовым.

19 апреля того же 1994 года в Ульяновской областной библиотеке им. В.И. Ленина состоялись краеведческие чтения “Мой поэт и полиглот”

(К 190-летию со дня рождения Д.П. Ознобишина), на которых присутствовала и прибывшая из Инзы Т.М. Гольц. Эти чтения побудили меня к более энергичному поиску документов и материалов о нашем выдающемся земляке. Правда, к этому времени в моей папке “Д.П. Ознобишин” были любопытные раритеты. Под №1 значился оттиск очерка Н. Державина “Забытые поэты. Тургенев, Ознобишин и Тимофеев. (Из симбирской хроники)” из №9 журнала “Исторический вестник” за 1910 год. Этот оттиск мне подарил старожил Ульяновска чемпион по шахматам Сергей Павлович Храмцов, который, в свою очередь, получил его из рук Н. Державина.

Лично для меня дорог и листок-требование, заполненный 14 сентября 1966 года, согласно которому я получил дела из личного фонда Д.П. Ознобишина в читальный зал Института русского языка и литературы (ИРЛИ), более известного как “Пушкинский Дом”. Несколько позже мне довелось знакомиться с автографами Д.П. Ознобишина в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина и Центральном государственном историческом архиве СССР. В 1993 году я вновь получал дела из ознобишинского архива в Пушкинском Доме, и в их числе “Исторический очерк г. Симбирска”, составленный Дмитрием Петровичем для цесаревича Николая Александровича, посетившего Симбирск 12 июля 1863 года.

Первая же моя публикация о поэте — “Д.П. Ознобишин как историк Симбирска” — появилась 10 июля 1997 года в “Ульяновской правде”. Опуская подробности публикации, ибо очерк включен в

настоящую книгу, подчеркну лишь, что исторические произведения Дмитрия Петровича навсегда останутся ценным историческим источником.

В очерке “Жил и умер джентльменом-поэтом” (“Ульяновская правда”, 1997, 16 августа), приуроченном к 120-летию со дня его гибели, я опроверг утвердившуюся в литературе версию о том, что автором брошюры “Биография Д.П. Ознобишина” (СПб, 1878) якобы являлся А.П. Горизонтов, известный в Симбирске деятель. Более того, я привел весомые аргументы в пользу того, что действительным автором был сам поэт, и, следовательно, “Биография Д.П. Ознобишина” — это автобиография. Внес я еще и уточнение относительно домашнего учителя Дмитрия Ознобишина “барона Бодэ” — им был не “французский эмигрант”, а его сын Александр, родившийся уже в России. Кроме того, я ввел в научный оборот некролог князя-симбирянина В.И. Баюшева о Д.П. Ознобишине, появившийся 14 сентября 1877 года в “Московских ведомостях”. Именно в этом некрологе сказано, что тело Дмитрия Петровича “из Кисловодска привезено в имение его, Карсунского уезда, село Троицкое, где и погребено в сооруженной им церкви”. Тем не менее, и в 2004 году в печати появляются утверждения, что прах Д.П. Ознобишина покоится в Кисловодске...

195-ю годовщину со дня рождения поэта, то есть 16 октября 1999 года, я отметил публикацией очерка “Поэт и полиглот” в “Ульяновской правде”. Среди новых фактов, приведенных в очерке, особый интерес представляли дополнительные сведения об Александре Бодэ: оказывается, прежде чем прибыть в поместье Ознобишиных, он имел при-

станции в московском доме Сергея Львовича Пушкина и помогал его сыну Александру в подготовке к поступлению в Царскосельский лицей. Вечером этого же дня, 16 октября 1999 года, в “голубой гостиной” нашей областной библиотеки состоялись краеведческие чтения, посвященные юбилею Д.П. Ознобишина.

Следующий мой очерк, тоже поискового характера, под названием “17-й псевдоним Дмитрия Ознобишина” появился в “Ульяновской правде” 21 декабря 1999 года. Новизна очерка состояла в том, что в нем назван действительный автор перевода “Светило гарема” из поэмы “Лалла Рук” Т. Мура, опубликованного в хрестоматии Н.В. Гербеля “Английские поэты в биографиях и образцах” (СПб, 1875) и подписанного литерой “Б”: это первая буква псевдонима “Борисов”, который Д.П. Ознобишин неоднократно использовал в печати. Весьма важно, что эта находка опровергает утвердившееся мнение, будто перевод “Светило гарема” так никогда и не был завершен поэтом. Наконец, в очерке я привел отрывки из писем к поэту, переводчику и издателю Н.В. Гербелю, которые содержат новые подробности о земской деятельности Д. Ознобишина в 1870-х годах.

Очерк “Николай Языков и Дмитрий Ознобишин” был написан мной к 200-летию со дня рождения Н.М. Языкова, но обнародование его в “Ульяновской правде” задержалось (в связи со сменой редакторов), и по просьбе редактора майнской районной газеты “Ленинец” В. Кузьмина очерк появился 28 июля 2003 года в этом издании.

К этому времени я заканчивал работу над большим очерком “Дмитрий Петрович Ознобишин”, посвященным 199-й годовщине со дня рождения поэта, сокращенный вариант которого (объемом в печатный лист) был помещен в “Календаре знаменательных дат на 2004 год”, изданном областной научной библиотекой им. В.И. Ленина. Тогда же этот текст попал в районные библиотеки области и стал основным пособием для проведения бесед с читателями, особенно с учащимися средних учебных заведений.

Осенью того же года, к 200-летию со дня рождения Ф.И. Тютчева, которое широко отмечалось в России, я написал очерк “Единомышленники” (Д. Ознобишин и Ф. Тютчев), но, к сожалению, он уже опоздал к публикации в журнале “Мономах”, и только во 2-м номере “Мономаха” за 2004 год читатели смогли познакомиться с ним. Поклонники творчества этих поэтов, общавшихся в юношескую пору в одном литературном сообществе, а впоследствии встречавшихся и в Петербурге, и в Германии, найдут в моем очерке небезынтересные эпизоды, подтверждающие единство их взглядов на Крымскую войну 1853—1856 годов, франко-пруссские баталии 1870—1871 годов и на борьбу славян против османского ига и объединение братских народов Европы.

В этом же номере “Мономаха”, посвященном 200-летию со дня рождения Дмитрия Петровича, опубликован мой очерк “В лучах солнца русской поэзии”, в котором рассматривается проблема “Дмитрий Ознобишин и Александр Пушкин”. Не вдаваясь в подробности, замечу, что версия, утвер-

дившаяся в справочнике “Пушкин и его окружение” Л.А. Черейского, в различных “Пушкинских энциклопедиях”, а также в статье Т.М. Гольц “Поэт и полиглот” 2001 года, — о встречах А.С. Пушкина с Д.П. Ознобишиным в Петербурге на музыкальных вечерах М. Виельгорского — основана исключительно на вымыслах симбирянина В.П. Юрлова. Зато в своих произведениях Ознобишин не раз свидетельствовал свое глубочайшее уважение к личности Александра Пушкина и преклонялся перед его поэтическим гением.

Главный редактор “Мономаха” Ольга Георгиевна Шейпак так расщедрилась, что поместила в этом номере журнала и мою “Прогулку по городу с Д.П. Ознобишиным”, причем с иллюстрациями симбирских домов, в которых поэт бывал. Даже опытные краеведы удивляются, что добрый десяток таких построек стоят и сейчас. Это здания бывшего Дворянского собрания с Карамзинской общественной библиотекой, городской управы (музыкальное училище), бывших мужской (ныне гимназия № 1 им. В.И. Ленина) и женской (ныне гимназия № 3), присутственных мест на Венце (сельхозакадемия), удельной конторы (фармучилище), Александровской больницы (корпус областной клинической больницы № 1), особняки Ермоловых (облвоенкомат) и Бычковых (гарнизонная поликлиника).

Нашлось-таки место в “Мономахе” юбилейного года и для публикации “Автобиографии Д.П. Ознобишина” с моим обоснованием этого открытия.

При подготовке очерков к изданию книгой были убраны повторы, исправлены неточности. Так, по-

слание Николая Языкова Дмитрию Ознобишину, начинающееся хрестоматийными строками “Где ты странствуешь? Где ныне “Мой поэт и полиглот”, оказывается, было отправлено не в 1834 году, как это указывалось в академическом Полном собрании стихотворений издания 1934 года (под редакцией М.К. Азадовского), а в 1835 году. Верная дата послания была установлена мною на основании изучения личного фонда Д.П.Ознобишина в Пушкинском Доме.

Документы этого же фонда позволили внести и такое важное уточнение. Если ранее считали, что после окончания учения в Благородном пансионе Московского университета Дмитрий Петрович продолжал жить в белокаменной, то из его писем к М.П. Погодину 1823—1824 годов выяснилось, что, в связи со смертью своего брата-поручика Ивана Ознобишина, он отправился в родовое имение Троицкое и находился там целый год.¹

Для такого опытного биографа Дмитрия Петровича, каким являлась Т.М. Гольц, Д.П. Ознобишин — прежде всего — “восточник”, то есть поэт и переводчик, знакомящий русских читателей с литературой народов Востока. И это закономерно. Но в предлагаемой мной книге, претендующей на последовательное жизнеописание героя, необходимо всестороннее освещение его личности, служебной и общественной деятельности, протекавшей в Сибирском крае чуть ли не полвека. Естественно, что особое внимание уделено кругу друзей и знакомых Дмитрия Петровича во время его пребывания в

¹ ИРЛИ (Пушкинский Дом), ф. 213, оп. 1, д. 147, л. 39.

1067354
родовом Троицком и в Симбирске, деятелям, с которыми ему приходилось общаться во время исполнения обязанностей почетного попечителя мужской гимназии, члена губернского по крестьянским делам присутствия, участия в дворянских выборах, в деятельности карсунского уездного и симбирского губернского земств, губернских статистического комитета и училищного совета, Общества сельского хозяйства, во время выступлений на городских торжествах, а также в местной печати, при оказании содействия Карамзинской общественной библиотеке.

Безусловный интерес представляют подробности личной жизни поэта в Троицком, руководство обширным поместьем, или, как он выражался, его "хозяйственная механика", наблюдения за погодой, пополнение периодическими изданиями и книжными новинками домашней библиотеки, общение с соседями, проведение досуга на природе, деловые поездки в Петербург, а для лечения желудка — на Кавказские минеральные воды.

Главным источником в воссоздании симбирских страниц жизни и творчества Дмитрия Ознобишина стали документы и материалы областных госархива и научной библиотеки им. В.И. Ленина, научные и публицистические труды поэта, а также коллекция его "Месяцесловов", подшивки "Симбирских губернских ведомостей" и "Симбирской земской газеты", календари и памятные книжки 1860—1870-х годов, мемуары современников и т.п.

В результате исследовательской работы, которая проводилась в течение десятилетия и в обеих столицах, в целом удалось представить общую кар-

тину жизни и деятельности Дмитрия Петровича в отчем крае, внести немало конкретных уточнений в описания тех или иных событий и фактов. Так, ознакомление с журналами заседаний губернского по крестьянским делам присутствия за первую половину 1860-х годов показало, что поэт в это время постоянно жил не в Троицком, а в Симбирске. Из этих журналов видно, что ему не довелось сотрудничать в проведении крестьянской реформы с известным либеральным деятелем А.Н. Татариновым, как это принято считать, но зато выяснилось, что Ознобишин тесно общался с вице-губернатором П.П. Косаговым, которому после переезда в Петербург он послал несколько дружеских стихотворных писем.¹ Совместная работа в этом присутствии сблизила Дмитрия Петровича с отставным штабс-капитаном губернским предводителем дворянства А.И. Ермоловым — родственником знаменитого однофамильца-полководца и поэта Н.М. Языкова. Наконец, на заседаниях этого же присутствия поэт не раз сидел за одним столом с управляющим казенной палатой Александром Михайловичем Щепкиным — сыном великого актера.

Еще при изучении обстоятельств вступления Д. Ознобишина в должность почетного попечителя мужской гимназии я заметил, что предшественником поэта на этой должности до 1838 года был Александр Алексеевич Столыпин, бывший адъютант А.В. Суворова, родной брат бабушки М.Ю. Лермонтова. Из документов же губернского земского собрания 1860—1870-х годов выяснилось, что Дмит-

¹ Ознобишин Д.П. Стихотворения. Проза. — Т. 2. — С. 194.

рий Петрович на протяжении десятка лет был особенно близок с Петром Петровичем Мещериновым — родственником и другом детства М.Ю. Лермонтова. В число близких знакомых Ознобишина входили и гимназический преподаватель, редактор неофициальной части “Симбирских губернских ведомостей” Николай Александрович Гончаров — старший брат знаменитого романиста, и мировой посредник Николай Александрович Крылов (отец советского академика-кораблестроителя), и владелец любимой симбирянами Киндяковской рощи подполковник в отставке Александр Львович Киндяков, видный земский деятель и руководитель комитета по восстановлению после пожара 1864 года Дома дворянского собрания, и инспектор мужской гимназии и секретарь статистического комитета Владимир Александрович Ауновский, и руководитель народных школ губернии Илья Николаевич Ульянов, и другие передовые деятели края.

По мере накопления новых материалов изменялось содержание некоторых ранее публиковавшихся в печати очерков и появлялись совершенно новые, что предопределило структуру предлагаемой читателям книги.

Первая часть — это документальное повествование, охватывающее жизнь Дмитрия Петровича от рождения до его кончины. И в первых пяти главах читатель найдет для себя нечто новое, а в остальных основное содержание построено на результатах моих исследований, поисков и находок, представляющих особый интерес для всех, кто интересуется историей нашего края и ролью поэта в социальной и экономической жизни Симбирска 1830—1870-х годов.

Во вторую часть книги включены три очерка поискового жанра, публиковавшиеся в сокращенном виде в журнале “Мономах” (Основное содержание очерка “Единомышленники” (Д. Ознобишин и Ф. Тютчев) использовано в главах первой части). Включен сюда и новый очерк, освещающий отношения Д. Ознобишина с братьями Н.А. и И.А. Гончаровыми.

Завершается книга указателем имен, встречающихся в тексте, а также подборкой иллюстраций.

К сожалению, не все “белые пятна” жизни и деятельности поэта удалось расшифровать. До сих пор приходится догадываться об обстоятельствах смерти его родителей в Астрахани. По-прежнему авторы статей допускают преувеличения, утверждая, что Дмитрий Петрович владел 12, 14 и даже 16-ю языками: на самом деле он знал латынь, греческий, немецкий, французский, английский, арабский, персидский и староиндийский. Переводы же со шведского, сербского и других языков он делал с помощью подстрочников.

Далее. Известно, что поэт имел свой дом на Панской (ныне Энгельса) улице, который сгорел в 1864 году. А каким был этот дом, кто жил рядом — неизвестно. Между тем, в Комсомольском переулке на доме №4 в 2003 году появляется мемориальная доска, безосновательно утверждающая, что это — дом поэта.

Надеюсь, что мои очерки о Д.П. Ознобишине, рассчитанные на широкий круг читателей, будут полезными и для исследователей.

¹ Трофимов Ж.А. Симбирск литературный. — Ульяновск, 1999. — С. 87.

Часть I

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Предки поэта по отцу — выходцы из Польши, поступившие на ратную службу в России при великом князе Василии Ивановиче Темном (1425—1462). Одни из них были потом воеводами и стольниками, а в 1612 году, за “крепкое сидение в Москве” во время осады поляками, были пожалованы вотчинами. Другие Ознобишины, по словам самого Дмитрия Петровича, “сложили головы при царе Алексее Михайловиче на стенах крепости смоленской, охраняя от осаждающих поляков башни оной, из которых одна и поныне (в 1860-х годах — Ж.Т.) носит название Ознобишинской”.¹

В Симбирском крае представитель одной из ветвей этого рода стольник и воевода Сава Иванович Ознобишин упоминается в документах, датированных 5 марта 1705 года.² Конечно, он имел здесь поместья, но в связи с неоднократным изменением административных границ предки поэта оказались в числе дворян Пензенского края. Прадед поэта секунд-майор Иван Михайлович Ознобишин служил в лейб-гвардии Преображенском полку, выполнял личные поручения Екатерины II по пресечению контрабанды на китайской границе, а после выхода в отставку обосновался в селе Сумароково

¹ Биография Дмитрия Петровича Ознобишина. — СПб, 1878. — С. 1.

² Поливанов В.Н., Красовский В.Э. Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца. Т. VI. — Симбирск, 1902. — С. 44.

Мокшанской округи Пензенского наместничества. Примечательно, что еще во время службы в гвардии Иван Михайлович стал собирать книги для личной библиотеки, положив тем самым начало известного семейного собрания.

Свою любовь к печатному слову Иван Ознобишин привил своим детям. Сын его, Никанор, будучи офицером того же Преображенского полка, увлекался даже переводами французской беллетристики, один из которых вышел в 1764 году в Москве книгой под названием “Несчастный француз, или Жизнь кавалера Беликурта”. Увидел свет и его автобиографический роман “Неизвестный Никанор”. По выходе в отставку Никанор Иванович с женой Анной Ивановной, шестью сыновьями и шестью дочерьми поселился в родовом Сумарокове.

Впрочем, он являлся землевладельцем и Симбирского края. Из документов госархива Ульяновской области (ГАУО) видно, что подпоручик Никанор Ознобишин отдавал своих крепостных в рекруты в 1771 и 1778 годах. В это и последующее время (4 и 5 ревизий 1782 и 1795 годов) он владел крестьянами в “селе Архангельском, Сюксюм тож”, и в деревне Красная Слободка Карсунского уезда. После его смерти, наступившей в 1788 году, имение перешло его супруге и детям: капитанам Сергею и Ивану, майору Петру, мичману Аполлону, гардемарину Николаю и девицам Софье, Ольге и Наталье. Дочери Варвара, Вера и Екатерина получили свои доли при выходе замуж. “Майор Петр” — это отец поэта. В конце 1790-х годов судьба забросила его в Астрахань, где после отставки он занял должность директора коммерческого банка. Дела по службе

шли успешно, а как человек честный, образованный и начитанный Петр Ознобишин был принимаем в лучших домах города, в том числе и Ивана Андреевича Варвация. Этот грек-миллионер прославился тем, что в 1770 году присоединился к зашедшей в Греческий архипелаг эскадре русских кораблей и своим брандером (судном, начиненным взрывчаткой) уничтожил турецкий фрегат, способствуя, таким образом, победе в Чесменской битве, одержанной над турками графом Алексеем Орловым (ставшим после этого Орловым-Чесменским). Екатерина II, по словам Д.П. Ознобишина, “истинно по-царски” наградила Варвация, пожаловав ему чин поручика русской службы, а взамен конфискованного у него турками миллионного состояния наделила и астраханскими рыбными ловлями”.¹

Привилегированная торговля рыбой, солью и вином приносила немалые доходы, значительную часть которых Варваций жертвовал на благотворительные цели города, а также на оказание помощи греческим патриотам, продолжавшим борьбу за освобождение родины от османского ига. Дом Ивана Андреевича, когда там стал бывать Петр Ознобишин, охотно посещала интеллигенция, и в непринужденной обстановке обсуждались злободневные вопросы, новинки литературы. В этих беседах принимала участие и любимая дочь хозяина Александра, хорошо образованная и начитанная девушка. Ее любовь к чтению особенно импонировала 30 летнему Петру Никаноровичу, который регулярно снаб-

¹ Биография Дмитрия Петровича Ознобишина. — СПб, 1878. — С. 2

жал ее литературными новинками. Ивану Варвацию пришлось по душе дружеские отношения дочери с бывшим гвардейским офицером, и когда дело дошло до просьбы Петра Ознобишина руки Александры, он без колебаний дал согласие на этот брак по любви. Молодожены, в свою очередь, назвали своего первенца Иваном. Рубежным в их жизни стал 1801 год, когда императорский престол занял Александр I. Иван Варваций в составе астраханской почетной делегации отправился на коронацию в Петербург, и, наверное, вместе с ним поехала чета Ознобишиных, чтобы остаться в Симбирском крае и жить там самостоятельно.¹

Как бы то ни было, а в областном архиве сохранился документ от 12 января 1802 года, из которого видно, что Анна Ивановна Ознобишина передала сыну Петру Никаноровичу и “его жене Александре Ивановне, урожденной Варваций, наследственное владение в Симбирской губернии, Карсунского уезда, село Троицкое”. В числе свидетелей значились офицеры-моряки Аполлон и Николай Ознобишины и их сестры-девицы Ольга и Наталья.² В селе Троицком, Сюзском тож, 4 (16) октября 1804 года и родился второй сын Петра и Александры Ознобишиных, которого нарекли Дмитрием. День этот был близок к отмечаемому в святцах дню греческого великомученика Дмитрия Салунского — 21 сентября. Поэт в будущем и будет отмечать свои именины 21 сентября. К сожалению, современные

¹ Марков А. Неугомонный корсар // Волга (Астрахань). — 1991. — 23 марта.

² ИРЛИ (Пушкинский Дом), ф. 213, оп. 1, д. 148, л. 2.

почитатели Д.П.Ознобишина в печатных публикациях утверждают, что Дмитрий Петрович “крещен 21 сентября”, а 4 октября — это, мол, по новому стилю.¹ В 1806 году семья Ознобишиных пополнилась дочерью Елизаветой, а в последующие годы — Варварой и Александрой.

Будущий поэт по возрасту был ближе всего к Ивану и основы чтения и письма, арифметики и географии, французского и немецкого языков получал от тех же учителей, что и старший брат. Судя по дарственной надписи на книге “Житие славных генералов”, сделанной отцом 26 сентября 1811 года (“Сыну Ивану (неразб.) полезен был Отечеству”), Петр Никанорович связывал его будущее со службой в гвардии. Что касается Дмитрия, то в этом же году его обучение было вверено родителями “французскому эмигранту Боде”. Так поэт назвал его в автобиографии спустя полвека и допустил при этом оговорку, ибо учитель-француз Александр Карлович Боде был сыном эмигранта, и Россия для него уже была родиной.

Но главное состояло не в этом уточнении. Меня больше занимало само упоминание Ознобишиным в автобиографии имени Боде. Поэт, видимо, считал этот факт небезынтересным. И, в конце-концов, при просмотре литературы о молодом Пушкине я обнаружил сенсационный для себя факт. Оказывается, незадолго до того, как стать учителем в троицком доме Ознобишиных, 20-летний Александр Карлович Боде, по его словам, имел пристанище в Москве... у Сергея Львовича Пушкина, старший сын

¹ Шкунов В. Д.П. Ознобишин // Вперед (Инза). — 2002. — 3 августа; Мономах. — 2004. — №2 (37). — С. 4.

которого готовился к поступлению в Царскосельский лицей! Выходит, Александр Боден мог быть общим учителем и Александра Пушкина, и Дмитрия Ознобишина. Заметим, что и отец Александра Карловича, немало потрудившийся над реставрацией достопримечательностей Московского Кремля, и сам учитель были неординарными личностями. Александр Карлович был не только педагогом, достойным памяти своих учеников, но и сам недурно писал стихи, составлял руководства по управлению имениями и разведению лесов.

Как и в других помещичьих семьях, у Дмитрия, помимо нанятых учителей и гувернеров, был и дядька из крепостных, обучавший его верховой езде, обращению с охотничьими собаками, ужению рыбы в речке Сюксюмке и пруде на господской усадьбе, другим премудростям жизни. Дядька наблюдал за играми барчонка с детворой дворовой прислуги.

Была у Дмитрия и своя Арина Родионовна, и спустя десятилетия он с глубокой благодарностью припомнит златые времена детства, когда его внимание “приковано было к рассказам домашнего оратора — старой няни, вокруг которой теснились дети умом, но уже люди сердцем чувствующим, и, можно сказать, ловили на воздухе каждое слово ее, принимая живое, деятельное участие в судьбе какого-нибудь Ивана-царевича, в Бородке с локоток, а сам с ноготок и проч. — Страх, печаль, радость, — продолжал поэт, — и тогда уже сильно умели волновать нашу грудь, а торжество Яги-бабы было единственным горем, нередко вырывавшим слезы у многих внимательных слушателей и слушательниц”¹.

¹ Ознобишин Д.П. Стихотворения. Проза. В двух книгах. Кн. 2. М., 2001. — С. 221.

Рассказы дядьки и няни, странников и паломников, исполнение сельчанами различных обрядов, их песни и танцы, произносимые ими пословицы и поговорки — все это являлось одним из прекраснейших источников поэзии. А другим для Дмитрия была живописная природа села Троицкого, протянувшегося вдоль мелководной и извилистой речки Сюксюмка. За полями и лугами, начинающимися на окраине села, виднелись лесные чащи, населенные всяким зверьем и птицами, богатые грибами и ягодами.

О своей малой родине наш поэт помнил всегда и везде. Правда, он воспевал ее меньше, чем, скажем, Пушкин Михайловское или Языков свое Языково. Но и по четверостишию из стихотворения “Тоска по родине”, написанному в 1839 году на Кавказе, можно представить глубину любви Ознобишина к отчему краю:

О, дайте ж зреть мне блеск родных небес!
Увижу ль вновь мое уединенье,
Плеск светлых волн, живую сень деревьев,
И свежее, как утро, вдохновенье!¹

Когда будущему поэту было около девяти лет, из Астрахани пришло горестное известие о смерти его родителей, гостивших у деда Варвация. Заботы об осиротевших детях — Дмитриии, Елизавете и Варваре — взяли на себя пензенские тетушки Ознобишины, а официальным опекуном внуков был назначен И. Варваций. Уже в 1814 году он везет Дмитрия в Петербург, чтобы поместить в Горный кадетский корпус (в это время там учились Петр и Алек-

¹ Ознобишин Д.П. Стихотворения. Проза. — Т. 2. — С. 352.

сандр Языковы и поступал их одиннадцатилетний брат Николай, соседи по карсунскому имению). Но бывший командир кадетского корпуса и хороший знакомый Варвация Александр Васильевич Казадаев предпочел взять внука Варвация к себе в дом, чтобы он учился вместе с сыновьями Петром и Владимиром и дочерью Софьей под руководством частных преподавателей.

Такому исходу дед мог только радоваться, ибо А.В. Казадаев (1781—1854) был известной уважаемой личностью. Отличный офицер-артиллерист, он пользовался доверием прославленного генерала Отечественной войны 1812 года А.П. Ермолова и его двоюродного брата поэта-партизана Дениса Давыдова. Как писателя и переводчика А.В. Казадаева ценили И.И. Дмитриев, другие видные писатели. Небезынтересно, что во время проживания Дмитрия Ознобишина у Казадаевых, Александр Васильевич получил из Москвы письмо от И.И. Дмитриева с выражением признательности за присылку переведенных с немецкого “Новых исторических записок о семилетней войне” Рецова.¹ Примечательно, что Казадаев занимался составлением фундаментального “Словаря, содержащего биографии ученых, литераторов и других знаменитых людей России”. Подстать Александру Васильевичу была его миловидная и прекрасно образованная супруга (дочь известного военного деятеля 1812 года генерала Резвого).

Современники-знаменитости бывали и в доме Казадаевых. Так, в качестве преподавателя сюда

¹ Сочинения И.И. Дмитриева. — Т. 2. — СПб, 1893. — С. 237.

приходил Константин Иванович Арсеньев — профессор, автор популярных учебников по географии, истории и статистике, будущий академик. А выдающийся актер Александринского театра Иван Иванович Сосницкий, обладавший опытом обучения танцам, музыке, рисованию и декламации, приобщал Дмитрия Ознобишина к этим видам искусства. Если учесть, что Сосницкий был знаком с А.С. Грибоедовым и в 1815 году исполнял роль Ариста в его комедии “Молодые супруги”, то можно полагать, что именно Иван Иванович привил Дмитрию Ознобишину любовь к творчеству автора бессмертного “Горя от ума”. Забегая вперед, отмечу, что наш поэт творчески усвоил уроки И.И. Сосницкого по рисованию и сам создавал недурные пейзажи, вполне профессионально судил в печати о той или иной картине или скульптуре. Весьма квалифицированными будут суждения поэта о музыке разных народов, о тех или иных композиторах и певцах. И даже в зрелые годы, выступая в Симбирске на торжественных актах, Дмитрий Петрович будет поражать слушателей искусством декламации.

После разносторонней и основательной подготовки в доме Казадаевых 15-летний юноша, следуя семейным традициям, должен был определиться на военную службу. Но, словно сговорившись с Николаем Языковым, который по окончании в 1819 году учения в общеобразовательных классах Горного кадетского корпуса не пожелал заниматься в офицерских классах и приступил к подготовке к поступлению в Петербургский университет, Дмитрий Ознобишин отправился в Москву для продолжения своего образования в Благородном пансионе при тамошнем университете.

Это известное и привилегированное учебное заведение располагалось в самом центре города, по соседству с главным корпусом университета. Согласно Уставу 1818 года, в пансионе имелось три отделения, из которых Дмитрию Ознобишину пришлось более всего по душе историко-филологическое, куда, после дотошного проверочного собеседования, он был принят сразу в 3-й класс. Но ему пришлось изучать начала высшей математики (дифференциальное и интегральное исчисления), механики и физики (куда входили и минералогия, ботаника, зоология), юриспруденцию, дипломатику, статистику, политическую историю государств мира, военные науки (инженерное дело, тактику и стратегию, артиллерию).

Весьма насыщенной была программа по латинской словесности, в которой были указаны корифеи поэзии (Виргилий, Овидий, Гораций, Катул, Ювенал), прозы (Ю. Цезарь, К. Непот, Саллюстий, Т. Ливий, Тацит), красноречия (Цицерон), философии (Сенека), архитектуры, медицины, юриспруденции, сельского хозяйства, естествознания, математики.

История немецкой словесности охватывала период от средневековья до новейшего времени, причем обязывала пансионеров разбирать "лучшие немецкие стихотворения, в особенности Шиллера". Курс французской словесности включал в себя краткую историю красноречия (разбор французских классиков) и хронологический обзор литературных памятников от эпохи возрождения до середины 1820-х годов. Вместо курса русской литературы старшеклассники изучали курс под назва-

нием “Красноречие”, состоявший из сведений по теории словесности (о слоге, родах поэзии, формах драмы, комедии, трагедии и т.п.).

Конечно, при такой многопредметности, как отмечал биограф М.Ю. Лермонтова профессор Н.Л. Бродский, большинство курсов проходило поверхностно, и этот недостаток сглаживался индивидуальным подходом педагогов к интересам пансионеров.¹ И если одни предпочитали заниматься математическими науками, то другие — юридическими, а третьи, в том числе Дмитрий Ознобишин, посвящали себя словесности. И уж по этим, избранным юношами наукам, спрос был строже, чем по другим. Кроме ежемесячных экзаменов, в конце года производились публичные испытания; весной на актах отличившиеся пансионеры удостоивались наград — медалей, книг. Само собой разумеется, что юноши группировались во внеучебное время по склонностям к любимым наукам.

Степан Шевырев, будучи уже известным профессором и литератором, в связи с этим писал о пансионской поре: “С тех пор, как я принялся серьезно за ученье и обнаружилась во мне самостоятельность и стихами, и прозой, в сочинениях и переводах, — я уже принадлежал литературному обществу, которое мы учредили втроем: поэт Ознобишин Дмитрий Петрович, Перцов Эраст Петрович... Мы сходились по субботам вечером и, тихо притаясь в уголке, читали друг другу то, что приготовлено было в течение недели. Председателя у нас не было, а каждый по очереди бывал им¹.”

¹ Бродский Н.Л. М.Ю. Лермонтов. Биография. — Т. 1. — М., 1945. — С. 69.

Из этого замкнутого кружка Дмитрий вместе с С. Шевыревым, В. Титовым, В. Одоевским и другими преуспевающими и одаренными юношами вступает в основанное еще В.А. Жуковским литературное "Собрание", где регулярно и публично обсуждались пробы пера всех желающих. И уже в 1820 году Д. Ознобишин публикует в пансионском альманахе "Каллиопа" свой перевод с французского — стихотворение "Трубадур", а в следующем году, уже в журнале "Вестник Европы", — оригинальные стихотворения "Старец", "Утренний гимн" и "Послание к Титову".

Учебное начальство благосклонно относилось к выступлениям в печати пансионеров, и на торжественных актах 1821 и 1822 годов Дмитрию Ознобишину выпала честь выступать перед публикой (среди которой бывал симбирянин-баснописец И.И. Дмитриев) со своими сочинениями, которые затем тоже публиковались. В конце 1822 года он вступает в создаваемое магистром Семеном Егоровичем Рачичем "Общество друзей", в котором тесно общается с М.А. Дмитриевым (племянником баснописца), М.П. Погодиным, С.П. Шевыревым, В.Ф. Одоевским, Ф.И. Тютчевым, другими воспитанниками университета и пансиона, желавшими участвовать в обсуждении "по законам эстетики" оригинальных сочинений своих товарищей, а также их переводов творений классиков Востока и Запада.¹

Наш поэт был одним из самых молодых членов "Общества друзей", и тем не менее именно его из-

¹ Московский университетский благородный пансион... — М., 1858. — С. 77.

бирают секретарем. Это доверие вдохновило Дмитрия на составление и издание солидного альманаха “Новые Аониды”. Само название наглядно свидетельствовало, что кумиром юного Ознобишина был великий земляк Николай Карамзин, выпускавший в 1796—1799 годах в Москве альманах “Аониды” (Аониды — одно из названий муз, обитавших, по преданию, в Аонии — части древней Греции, где находились горы Геликон и Парнас). В “Новых Аонидах”, вышедших в январе 1823 года, были представлены творения В. Жуковского, И. Крылова, А. Пушкина, Д. Давыдова, П. Вяземского, Н. Гнедича, Е. Баратынского и некоторых других известных авторов. Но успеху альманаха содействовали и стихи Ф. Тютчева, М. Дмитриева, С. Раича, да и самого Ознобишина, который, правда, не ставил под ними подписи. Появление “Новых Аонид”, в той или иной мере, подтолкнуло других литераторов, в том числе В. Одоевского и В. Кюхельбекера, на создание своих альманахов (“Мнемозина”, “Уrania” и др.).

В апреле того же 1823 года Д. Ознобишин окончил курс обучения в благородном пансионе и на выпускном акте был удостоен серебряной медали и чина 10 класса (губернский секретарь). Такой блестящий финиш открывал перед юношей, являвшимся по закону еще несовершеннолетним, широкие возможности для служебной карьеры. Тем не менее Дмитрий решает оставить Москву, дорогих друзей и отправиться в Симбирский край. Этот нелегкий шаг обуславливался тем, что дед его Иван Варваций в 1822 году отбыл в Грецию, чтобы лично участвовать в борьбе за освобождение родины своих предков от османского ига. Покидая свою вто-

рую родину — Россию, Варваций оформил документы, согласно которым его внуки Иван и Дмитрий Ознобишины становились владельцами недвижимого имения в Пензенской и Симбирской губерниях. Увы, в начале 1823 года поручик Ревельского полка Иван Ознобишин, состоя на службе, скоропостижно скончался. Поэтому Дмитрию Петровичу как владельцу родового имения надлежало отправиться в Симбирское село Троицкое, Сюзюм тож, чтобы ознакомиться с состоянием поместья, определить порядок управления им и уж потом заниматься собственной службой.

10 мая Д. Ознобишин собрал на прощальный обед друзей-литераторов, оказавшихся в Москве: С. Раича, В. Титова, В. Оболенского, А. Томашевского и М. Погодина. Это было и прощание с беспечной юностью.

ПОЭТ И ПОЛИГЛОТ

Недвижимое имение, унаследованное Дмитрием Ознобишиным в Карсунском уезде, оказалось довольно сложным. Согласно 7-й ревизии (1825 года), в нем значилось крепостных душ: “в селе Троицком-Сюзюм тож — 158, Рождественском — Труслейка тож — 6, Красной слободке — 48 и деревне Дубенки — 81, а всего 323 души”.¹ Размеры всех земельных угодий (усадебных, пахотных и лесов) составляли около 450 десятин. Так что по симбирским меркам Дмитрий Петрович являлся

¹ ИРЛИ (Пушкинский Дом), ф. 213, оп. 1, д. 147, л. 39.

помещиком средней руки и ему понадобится целый год для решения хозяйственных дел, часть которых придется оформлять в присутствиях уездного Карсуна и губернского Симбирска. Но после окончания полевых работ, зимой, молодой хозяин пришел к твердому убеждению, что помещик из него не получится. Да к тому же (и это хорошо видно из посланий к Михаилу Погодину) Дмитрий Петрович трудно переживал разлуку с товарищами по Парнасу.¹ И уже летом 1824 года, подобрав из крестьян грамотного и толкового управляющего, поэт едет в Москву.

Обладая доходами, которые обеспечивали ему безбедную жизнь, поэт мог себе позволить службу, которая не принуждала прислуживаться начальству и не мешала литературному творчеству. С помощью друзей такое место нашлось — должность цензора французской печати при почт-директоре И.А. Рутковском, известном лингвисте. Так, спустя десятилетие сказались на практике уроки французского, полученные у барона Бодэ в симбирском Троицком. И не только на службе: в часы досуга Ознобишин с увлечением переводил стихи французских лириков, особенно Э.—Д. Парни, которые потом в списках, без указания имени переводчика, ходили по рукам любителей поэзии.

В конце этого же 1824 года Дмитрий Петрович приступает к изучению восточных языков, знакомится с арабской антологией и индийской мифологией. Затем осуществляет перевод “Персидской грамматики” и “Краткого персидского словаря”

¹ ИРЛИ (Пушкинский Дом), ф. 213, оп. 1, д. 147, л. 39.

Лумедена. Наконец, по его собственному признанию, целых два года он занимался под руководством ученого муллы арабским и персидским языками и слушал лекции по арабскому языку профессора Алексея Васильевича Болдырева. В это время поэт публикует свои переводы великих персидских литераторов и мыслителей Гафиза (1325—1390) и Саади (1203—1292), обычно без указания своего авторства. С.Раич горячо одобрял это увлечение, назвав “благороднейшим, прекраснейшим трудом”, обогащающим российскую словесность новыми темами, образами и литературными приемами. В письме к Ознобишину от 17 июня 1826 года он заявил: “Дышите, дышите им (Востоком. — Ж.Т.) — он ваша слава, ваша жизнь в полном значении слова”.¹

Вместе с тем, по словам самого Дмитрия Петровича, была еще одна заветная причина увлечения Востоком: “намерение при содействии своего дяди сенатора Гр. Апол. Хомутова, отца атамана казачьих войск (Войска Донского. — Ж.Т.), участвовать в посольстве А.С. Грибоедова в Персии”...² Такое же сокровенное намерение было и у близкого друга Ознобишина поэта Дмитрия Веневитинова, и лишь его нелепая смерть в начале 1827 года помешала воплощению этого замысла.

Тяжкие переживания, связанные с кончиной всеми любимого Веневитинова, а также настойчи-

¹ Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском гос. университете им. В.И. Ульянова — Ленина. — Казань, 1929. — Т. 34. Вып. 3—4. — С. 179.

² Биография Дмитрия Петровича Ознобишина. — СПб, 1878. — С. 5.

вые увещевания почтдиректора А.И. Рутковского и заманчивые перспективы издания журнала вместе с С. Раичем удержали Дмитрия Петровича от дальнейших попыток попасть в дипломатическую миссию Александра Грибоедова.

Произведения нашего поэта охотно печатали в "Урании" М. Погодина, "Северных цветах" А. Дельвига, "Сыне отечества" Н. Греча, "Московском вестнике" М. Погодина. Но Ознобишин и Раич в 1826 году пытаются наладить выпуск своего журнала, в котором можно было широко представить творчество и свое, и Федора Тютчева, других членов "Общества друзей", однако министерство народного просвещения отклонило их заявку. Тогда они составили солидный том альманаха "Северная лира", в котором преобладали произведения единомышленников — С. Шевырева, М. Максимовича, В. Туманского, В. Титова, Ан. Муравьева, Абр. Норова, М. Дмитриева, В. Одоевского, Д. Веневитинова, В. Оболенского, П. Вяземского, Е. Баратынского. Больше всех же Раич и Ознобишин уделили внимания творчеству Федора Тютчева, поместив шесть его стихотворений. Не были забыты московские ориенталисты Н. Коноплев и А. Бюргер.

Фамилии самих составителей тоже фигурируют в альманахе: Раича — 4 раза, а Ознобишина — 2 раза (как переводчика "Еврейских мелодий" Д. Байрона и "Нееры" А. Шенье). Под переводами восточных классиков Дмитрий Петрович, как правило, подписывался полюбившимся псевдонимом "Делибюрадер" (в переводе с персидского это означало "сердце брата"). Этим же псевдонимом подписана большая статья "Отрывок из сочинения об

искусствах”, привлекая внимание серьезных критиков. Князь П. Вяземский в рецензии на “Северную лиру” тоже особо выделил эту статью, считая, что в ней “довольно искусно и живо” показано могущество музыки разных народов.¹ А. Пушкин в критических заметках на альманахах отметил: “Несколько приятных стихотворений, любопытные прозаические переводы с восточных языков, имя Баратынского, Вяземского ручаются за успех “Северной лиры”, первенца московских альманахов”. Правда, в этих же заметках Александра Сергеевича говорится, что “Абр. Норову не должно было бы переводить Данте, а г-ну Ознобишину — Андрея Шенье”, но оценку переводов г-на Делибюрадера Пушкин предоставил “арабским журналистам”. А переводы с восточных языков ему все-таки понравились.²

Небезынтересно и то, что в статье Ознобишина внимание Пушкина привлекла история древнегреческого барда (певца и поэта) Ариона, чудесная сила искусства которого спасла от смерти. По мнению литературоведов прочтение статьи Ознобишина в “Северной лире” оживило в памяти Александра Сергеевича античный миф и в той или иной мере подвело его к созданию такого декабристского стихотворения как “Арион”.³ С удовлетворением отмечу, что в 1984 году в Москве (в серии “Литературные памятники”) вышла подготовленная

¹ Вяземский П.А. Критика и эстетика. — М., 1981. — С. 228—229.

² Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10 томах. — Т. 7. — Л., 1978. — С. 35.

³ Пушкин. Исследования и материалы. — Т. XI. — Л., 1983. — С. 10.

Т.М. Гольц и А.Л. Гришуниным книга “Северная лира” на 1827 г.”.

Замечу, что Дмитрий Петрович в это время был не только даровитым поэтом и неординарным лингвистом, но и ревностным поклонником музыки истории Клио. Об этом ведали друзья, и когда издатель “Русского зрителя” — журнала истории, археологии, словесности и сравнительных костюмов Константин Федорович Калайдович (1792—1832) серьезно заболел, то материалы первых шести номеров “Русского зрителя” редактировал М. Погодин, а следующих два, тоже 1828 года, — Д. Ознобишин. Причем в № 7 он поместил свой перевод латинского исследования профессора Копенгагенского университета Я. Расмуссена “Арабско-персидская торговля с Россией” (по существу это был перевод труда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 911—912 годах). Признанием творческих заслуг Дмитрия Петровича стали дипломы об его избрании в 1828 году членом Московского и Казанского Обществ любителей российской словесности, а затем и членом “Датского королевского Общества северных антиквариев”.¹

Небезынтересным штрихом деятельности Д. Ознобишина как издателя и гражданина является выпуск им в Москве в 1828 году книги “Андрей, князь Переяславский”: ведь автором этой повести в стихах являлся находившийся в Олонецкой ссылке известный писатель-декабрист А.А. Бестужев-Марлинский.

¹ Биография Д.П. Ознобишина. — СПб, 1878. — С. 5.

В том же году, 24-м в своей жизни, Дмитрий Ознобишин полюбил миловидную девушку из дворянской семьи Елизавету Мальшину и, поверив, что она благосклонно относится к его серьезным намерениям, посватался официально. Увы, родители Лизы сочли ее брак преждевременным. Нежданно нагрянула на поэта другая беда: сестра Александра, проживавшая в Троицком, опасно заболела психическим расстройством. Поэтому 24 октября 1828 года он уходит в отставку в чине титулярного советника и мчится в симбирское имение. Но и вдалеке от Москвы нет-нет да рождались стихи, отражавшие переживания неудачного сватовства. Вот характерное стихотворение из этого цикла, помеченное 15 января 1829 года:

К ней

Прелестный друг, на долгую разлуку
Теперь с тобой расстаться должен я!
Души моей постичь ты ль можешь муку?..
Нет, нет, тебе чужда тоска моя!
Он не придет — желанный час свиданья!
Когда, когда тебя увижу вновь?..
Моей груди что исцелит страданья?
На ней лежит тоска воспоминанья
И — безответная любовь.¹

Тем не менее в созданном в эти месяцы стихотворении “Поэт и светский человек” Дмитрий Петрович с оптимизмом заявил: “Кто понял дум высоких сладость, тот обнял счастье в полноте”. И в преодолении грусти и печали немалую роль сыграло общение поэта с Николаем Тимофеевичем Ак-

¹ Ознобишин Д.П. Стихотворения. Проза. — Т. 1. — М., 2001. — С. 136.

саковым, обитавшим неподалеку от Троицкого — в селе Репьевка, расположенном на левом берегу реки Инза. (Н.Т. Аксаков — его старший брат служил в Москве цензором и печатался в тех же журналах, что и Д. Ознобишин, — “Галатее” С. Раича, “Московском вестнике” М. Погодина и др.). Николай Аксаков был старше Ознобишина на семь лет и успел отслужить поручиком в гвардии, приобщиться к литературным кругам обеих столиц, найти верную спутницу жизни — Елизавету Алексеевну Панову, обустроить усадьбу в Репьевке и создать богатейшую библиотеку.

В память о дружеском общении Дмитрий Петрович 10 марта 1829 года посвящает Николаю Аксакову большое стихотворение “Север”. Это к нему относились строки:

Как сладостно в мороз трескучий
Камин веселый оживить,
Глядеть на огонек летучий
И чай душистый с другом пить.
Какими райскими мечтами
Тогда душа упоена,
Все в доме розовым пред нами,
И жизнь — как светлый призрак сна.¹

И как жизнерадостны строки, относящиеся к наступлению весны, когда раздаются сладкие звуки свирели, слышится веселый плеск прибрежных волн и первых птиц дубровных пенье, чувствуется запах лип, и листьев шум — все это “тревожит вдохновение и пламень усыпленных дум”. Да, в родных пенатах Дмитрию Петровичу легче дышится и лад-

¹ Ознобишин Д.П. Стихотворения. Проза. — Т. 1. — М., 2001. — С. 184.

нее работается. В 1829 году он завершил составление своего первого поэтического альбома, а также рукописи двух книжек: “Гинекион” и “Селам, или Язык цветов”. Летом следующего года, под его наблюдением обе эти книжечки, изящно оформленные, вышли в свет.

“Гинекион” (в переводе с греческого — женская половина) — это сборник вольных переводов древнегреческих стихотворных эпиграмм эротического характера (с приложением текстов на языке подлинника). Изящная малоформатная книжечка выпускалась Д. Ознобишиным “в малом числе экземпляров”, без означения имени автора. Разрешение на ее издание давал председатель Московского цензорского комитета Сергей Тимофеевич Аксаков.¹ Открывалась книжечка посвящением, в котором Дмитрий Петрович, имея в виду девушку своей мечты, подчеркнул:

И не искал, не жду награды:
Надеждой сладкой упоен,
Быть может робко бросит взгляды
Она на мой Гинекион.²

Источником книжечки “Селам, или Язык цветов” стала подобная анонимная брошюра, вышедшая в 1823 году в Берлине. В начале своего варианта наш поэт повествует о пленной черкешенке Заре, сплетающей букет цветов селам (привет для возлюбленного). После этого пролога приводился словарь цветов (на русском и латинском языках), до-

¹ Пушкинский Дом, ф. 213, оп. 1, д. 20, л. I.

² Ознобишин Д.П. Стихотворения. Проза. — Т. 2. — М., 2001. — С. 338.

полненный Дмитрием Петровичем многими новыми названиями. В обращении к читателям он выразил надежду, что его книжечка оживит интерес “русских стихотворцев к народным преданиям, в которых цветы играют лицо столь важное; так, например, в наших народных праздниках Красная Горка, Кума, Семик, Троицын день и проч.!”

Среди отзывов на эту книжечку особенно благожелательным оказался отклик в журнале “Галатея”, написанный С. Раичем: “В “Селаме”, кроме других достоинств, мы нашли еще и то, что он знакомит нас со многими растениями. Это коротенькая дамская Ботаника в прелестной стихотворной форме... Как жаль, что наши поэты до сих пор не обращали внимания на Ботанику! От этого наши цветы по большей части не стихотворны...”¹

Д. Ознобишин был убежден, что народные предания и поверья являются “одним из прекраснейших источников поэзии русской, сохранившим в себе древний быт наших предков, нравы и образ мыслей”. И во время странствий по различным местностям России (в Чебоксарах, Казани, Пензе, на Северном Кавказе), а также далеко за ее пределами, он с глубоким интересом знакомится с народным бытом, записывает, главным образом в Поволжье, песни, сказания, былины. Причем как среди русских крестьян, так и среди мордвы, чувашей и татар. Свое собрание народных песен Дмитрий Петрович передал Петру Киреевскому, которого хорошо знал по Москве.

¹ Галатея. — 1830. — Ч. 16. — №28. — С. 370.

В 1833 году дворянство Карсунского уезда, возглавляемое добрым приятелем Ознобишина Андреем Ивановичем Бекетовым, избрало Дмитрия Петровича почетным смотрителем уездного училища. Как это положено, поэт делал ежегодные взносы в пользу училища, вникал во все его нужды, участвовал в приеме выпускных экзаменов, проявлял заботу о лучших питомцах, продолжавших учение в Симбирской гимназии. Но из формулярного списка Дмитрия Петровича выясняется и нечто большее: в 1835 году попечитель Казанского учебного округа объявил ему благодарность за то, что он разместил опекаемое училище в своем доме.¹ Но учебная служба не стала помехой для странствий, и поэт Николай Языков, поддерживавший и личное общение, и переписку с Дмитрием Петровичем, 2 сентября 1835 года по-дружески вопрошал в послании к нему:

Где ты странствуешь? Где ныне
Мой поэт и полиглот
Поверяет длинный счет?
Чать, в какой-нибудь пустыне,
На берегу бесславных вод,
Где растительно живет
Человек, где и в помине
Нет возвышенных забот!
Или кони резвоноги
Мчат тебя с твоей судьбой,
В день осенний, в тьме ночной
По извилинам дороги
Нелюдимой и лесной?
Иль на отдых миговой
Входишь ты под кров убогий
И гражданственность с тобой?

¹ Пушкинский Дом., ф. 213, оп. 1, д. 147, л. 39.

Языков имел основания назвать поэта-соседа “полиглотом”, ибо читал в печати его переводы с французского, английского, немецкого, латинского, греческого, шведского, арабского и персидского. Николай Михайлович писал послание Ознобишину в пензенском селе Елань, где гостил у родных и принимал курс лечения у врача-гомеопата. И он еще не ведал, что полиглот находился в свадебном путешествии. В июле этого, 1835 года, Дмитрий Петрович женился во Владимирской губернии на Елизавете Александровне Рогановской, очаровательной девушке, хорошо образованной, увлекавшейся музыкой, литературой и живописью.

По возвращении в Троицкое в ноябре 1835 года Дмитрий Петрович написал ответное послание Николаю Языкову. С грустью посетовав, что многое, о чем с воодушевлением мечталось в юности, уже миновало и “холодный опыт”, как вожатый, уводит в мир иной”, он с глубокой признательностью заявил собрату по Парнасу:

Но ты, Языков, пробудил
Тот огонь, что я в груди таил;
На вызов твой красноречивый,
Поэт, кому в святой тиши
Знакомы радости души,
Восторгов дивные порывы, —
На вызов твой я ожил вновь
Петь юность, дружбу и любовь.

Не считая возможным держать круглый год молодую жену в милом его сердцу, но глухом Троицком, Ознобишин приобрел дом в Симбирске, на тихой Панской улице, и теперь с наступлением холодов и до апрельского тепла молодожены имели возможность бывать на концертах, спектаклях и

балах, общаться с Языковыми, Аксаковыми, Столыпинными, другими интересными симбирянами. Словно второе дыхание получила и муза поэта. Достаточно сказать, что только в “Московском наблюдателе” 1835—1836 годов были напечатаны пять баллад в переводе Ознобишина со шведского, а также “Чудная бандура” (“По Дону гуляет казак молодой...”), которая превратится в русскую народную песню, популярную и в наши дни. Зримым свидетельством высокого авторитета Дмитрия Петровича в глазах просвещенного общества является избрание его в июле 1838 года дворянским собранием Симбирской губернии почетным попечителем губернской гимназии на очередное трехлетие. А сменил он бывшего адъютанта Суворова, двоюродного дедушку М.Ю. Лермонтова Александра Алексеевича Столыпина.

Поэт оказался прекрасным семьянином, а после того, как супруга подарила ему в мае 1837 года сына Ивана, он стал и примерным отцом. Отныне он и путешествует только со своими домочадцами. С ними он отправился летом 1839 года на Кавказские минеральные воды. Пребывание здесь ознаменовалось созданием прекрасных стихотворений (“Пятигорск”, “Кавказское утро”, “Машука и Казбек”, “Кавказский полдень и буря”, “Тоска по отчизне”, “Прости, Пятигорск”, “Нардзан”, “Кавказская ночь”, “Кисловодск” и др.), публиковавшихся в петербургских “Отечественных записках” А. Краевского и московском журнале “Галатея” С. Раича, которые принесли ему лестную репутацию “певца кавказских курортов”.¹

¹ Кавказская здравница. — 1965. — 26 ноября.

ПО ЗАКОНАМ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ

Неспроста языковский вопрос к Д.П. Ознобишину “Где ты странствуешь? Где ныне мой поэт и полиглот...” содержит среди предполагаемых мест его нахождения и такое: “Иль... входишь ты под кров убогий и гражданственность с тобой?” Его с полным основанием можно отнести и к общей для Николая Михайловича и Дмитрия Петровича преданности фольклорным разысканиям. Еще в 1826 году Ознобишин опубликовал в альманахе “Ура-ния” М.П. Погодина перевод записанной им украинской песни “Веют ветры, веют буйны”, а в следующем году в альманах “Северная лира”, составленный вместе с С.Е. Раичем, тоже вошли малороссийские песни в его переводе. Часть своих записей он передал своему старому знакомому профессору М.А. Максимовичу, который опубликовал их в альманахе “Денница” на 1830 год и в сборнике украинских песен. Так как наш поэт к тому времени не побывал в малороссийских губерниях, надо полагать, что эти песни он записал во время странствований по Поволжью, где было немало украинских поселений. К концу 1820-х — началу 1830-х годов относятся ознобишинские записи чувашских, мордовских и татарских песен, сделанные в Чебоксарах и других местах Казанской и Симбирской губерний.¹

Нетрудно представить, с каким воодушевлением воспринял Дмитрий Ознобишин появление 14 апреля 1838 года в “Симбирских губернских ведо-

¹ Литературное наследство — Т. 79. — М., 1968. — С. 520.

мостях” обращение ко всем любителям родного языка и словесности “О собирании русских народных песен и стихов” за подписями уважаемых им Петра Киреевского, Николая Языкова и Алексея Хомякова. Приветствуя от души этот благородный почин, Дмитрий Петрович с еще большей настойчивостью привлекает к фольклорным разысканиям и своего зятя Ивана Базилевского, и соседа по имени Николая Аксакова, других ревнителей русской культуры, причем не только Симбирской губернии, но и других регионов Поволжья, Владимирской и Олонецкой губерний. Результат не замедлил сказаться: в течение нескольких лет поэт подготовил для печати сборник “Русские песни”, в который включил 88 собственноручно переписанных текстов. Кроме того, он готовил к печати сборник русских народных сказок. К сожалению, в силу ряда обстоятельств эти труды не вышли в свет, а из сохранившейся ознобишинской коллекции в 229 песен, даже в 1968 году были напечатаны только 50¹.

Многолетнее увлечение фольклором не могло не сказаться и на собственном оригинальном творчестве Дмитрия Петровича: в середине 1830-х годов он успешно работает над стилизацией народных песен. Одна из них — это перевод шведской легенды “Сила арфы”, которую наш поэт превратил в “Чудную бандуру” (“По Дону гуляет казак молодой...”), а после публикации в 1836 году в “Московском наблюдателе” она вскоре превратилась в русскую народную песню, которую в различных вариантах распевают во многих городах и весях России и в наши дни.

¹ Литературное наследство. — Т. 79. — М., 1968. — С. 520.

Уже через год службы попечителем гимназии Дмитрий Петрович познал, что хотя должность эта и называлась "почетной", ему приходится выполнять немало прозаических обязанностей. А вот действительно важным был подбор преподавателей, и он испытывал глубокое удовлетворение, когда удавалось найти деятеля с высшим образованием, который согласился бы сменить службу в каком-нибудь ведомстве на учительскую с незавидным жалованьем. Такого бессребреника он встретил в особняке губернатора, где купеческий сын Николай Гончаров, выпускник филологического факультета Московского университета, исполнял должность помощника правителя канцелярии.

Можно представить, как Ознобишин и Гончаров вспоминали общих московских профессоров, обменивались впечатлениями о литературных новинках, включая и зарубежных авторов. Было о чем поговорить им и как лингвистам. Николай Александрович свободно владел французским, немецким и английским языками, знал древнерусский, латинский и греческий. Когда же выяснилось, что он не только навсегда отказался идти по пути отца-купца, но и не желает чиновничьей карьеры, Дмитрий Петрович поддержал стремление Николая Александровича перейти на службу в гимназию, для начала хоть младшим учителем русского языка.

Насколько быстро развивались события, можно судить по таким фактам: Ознобишин был избран почетным попечителем гимназии 23 июня 1838 года, и вскоре в Казань ушло ходатайство об определении Гончарова на учебную службу, а уже 13 февраля 1839-го состоялся приказ попечителя Казанс-

кого учебного округа, согласно которому Н. Гончаров допускался к должности младшего учителя русского языка в Симбирской губернской гимназии. С 12 декабря 1840 года, опять-таки при поддержке Д. Ознобишина, Николаю Гончарову было дозволено обучать воспитанниц Дома трудолюбия русской грамматике и словесности.¹

В стенах гимназии внимание Дмитрия Петровича не мог не привлечь старший учитель латинского языка в высших классах Иван (Ян) Антонович Верниковский. Вполне возможно, как это считают исследователи, Ознобишин общался с ним еще в Казани, где Верниковский, высланный из Вильны за участие в нелегальных кружках, боровшихся за независимость Польши, преподавал в 1-й гимназии персидский и арабский языки и посещал литературный салон Александры Фукс. Т.М. Гольц полагала, что знакомство Дмитрия Петровича с Иваном Антоновичем возобновилось в середине 1840-х годов, когда, мол, поляк-учитель попал в Симбирск.

Между тем, из личного дела И.А. Верниковского, хранящегося в госархиве Ульяновской области, видно, что Иван Антонович был назначен преподавателем в Симбирскую гимназию 7 февраля 1838 года, и, следовательно, летом того же года он представлялся Д. Ознобишину как своему новому начальнику. Таким образом, творческое сотрудничество между ними началось гораздо раньше, чем “в середине 1840-х годов”, и продолжалось и в 1846-м, когда Верниковский стал инспектором, и 5 декабря 1853-го, когда он удостоен был должности дирек-

¹ ГАУО, ф. 932, оп. 2, д. 191, л. 3.

тора гимназии и одновременно поста директора училищ Симбирской губернии. Одним из важных памятников творческого сотрудничества Ознобишина и Верниковского являются три варианта перевода с польского “Фариса” Адама Мицкевича, хранящиеся в Пушкинском Доме, с пометой Дмитрия Петровича, что один из них выполнен Верниковским.¹

Должность почетного попечителя гимназии обязывала Ознобишина ежегодно делать денежные взносы в пользу гимназии, посещать заседания педсовета, присутствовать на торжественных актах, выпускных экзаменах, подписывать отчеты и представления в Казанский учебный округ или симбирскому губернатору и т.п. Но, пожалуй, не меньше времени ему приходилось уделять благородному пансиону при гимназии, содержавшемуся на средства дворян. Так, согласно Уставу 1828 года, инспектор гимназии представлял директору и почетному попечителю ведомости о расходах по пансиону за каждый месяц. А по окончании учебного года Ознобишину представлялись “на ревизию” годовой отчет и “шнуровая книга”, а уж потом Дмитрий Петрович представлял оные документы в губернскую казенную палату. Кроме того, все финансовые документы по пансиону направлялись губернскому предводителю дворянства, а тот в свою очередь представлял их дворянскому собранию.

Было над чем задуматься Дмитрию Петровичу, столкнувшись с распорядком дня пансионеров: подъем в половине шестого утра, затем — туалет,

¹ Ознобишин Д.П. Стихотворения. Проза. — Т. 2. — С. 342.

завтрак, приготовление уроков. С 9⁰⁰ до 12⁰⁰ — классные уроки, с 13⁰⁰ до 15⁰⁰ — обед, отдых и приготовление уроков, с 18³⁰ до 20⁰⁰ — повторение уроков, затем ужин и отбой. На каждые десять пансионеров имелся служитель, а высшее наблюдение за пансионерами осуществляли комнатные надзиратели...

Повседневная одежда пансионеров состояла из синей куртки с красным суконным воротником и панталонами поверх сапог. Вне пансиона мальчики ходили в синем мундире с красным воротником и обшлагами с двумя белыми из серебряного галуна на воротнике петлицами. Пуговицы на куртках и мундирах — белые, в один ряд, с симбирским губерньским гербом; фуражка — синяя с красным околышем и выпушкой, с козырьком; шинель серая с таковым же воротником.¹

Конечно, кто-то из пансионеров отклонялся от жесткого распорядка: нарушал форму одежды, без спроса выходил прогуляться на Венец, читал недозволенные книги, вступал в пререкания с надзирателем и т.п. И почетному попечителю приходилось таки вникать в состояние дисциплины и принимаемые меры наказания. Дело кончилось тем, что Дмитрий Петрович по истечении установленного трехлетнего срока почетного попечительства отказался баллотироваться на второй срок. При этом он терял право на выслугу лет, а, следовательно, и на право получения очередного чина.

Были, конечно, и другие причины для ухода в отставку. Во-первых, почти каждый год в имении происходили события (эпидемии, падеж скота, по-

¹ Симбирские губерньские ведомости. — 1840. — 9 марта.

жары, градобития и пр.), которые требовали его личного присутствия в Троицком и окрестных селах. А во-вторых, и у него, и у жены были проблемы со здоровьем. Поэт страдал желудочными болями, и не случайно зимой 1842 года, вскоре после ухода в отставку, он отправился лечиться на Сергиевские минеральные воды (при р. Серге, притоке Уфы), где пробыл до начала весны.

Насколько серьезно было положение со здоровьем у Елизаветы Александровны, видно из ее дневниковой записи от 21 июля 1842 года: “Я с утра начала себя дурно чувствовать: прилив крови и замирание сердца было несносно, что я целый день не могла заняться; за все принималась и снова бросала, так несносно такое положение, и еще делается оно несноснее, когда стараешься скрывать его!”

Дмитрий Петрович замечал это и старался помочь жене всем, что было в его силах, прибегая и к услугам врачей, и к народным средствам для понижения кровяного давления, и к тонизирующим настоям. Все эти тревожения сказались и на творческой отдаче: в 1842 году в “Отечественных записках” увидели свет только два его стихотворения: “Кювье” и “Умиравший клефт”, тогда как в предыдущем году были напечатаны четыре в “Отечественных записках” да два в “Галатее”. Отраднее, что поэтическое мастерство не увядало: “Кювье”, прославляющее научный подвиг великого естествоиспытателя, вошло в “Сборник стихотворений для юношества”, в другие хрестоматии. А стихи, посвященные клефтам — греческим борцам за освобождение родины от османского ига, — волновали сердца многих читателей:

Бросься в море! Кинься смело!
Весл в замену — две руки!
Как ладья скользит пусть тело;
Грудью мощной и дебелой
Волн пучину рассеки!
Если Бог и Пресвятая
Путь пловца благословят;
Если брег родного края
Очи светлые узрят...

В этом же 1842 году поэт послал редактору "Отечественных записок" А. Краевскому стихотворение "Две могилы", в котором выразил благоговейное отношение к светлой личности и гениальному таланту Александра Пушкина и глубокую скорбь о преждевременной его кончине:

Сколько славы схоронил он!
Сколько ждать он мог венков!
И Россию как любил он!
Как громил клеветников!

Последующие строки Дмитрий Петрович посвятил погибшему в 1841 году поручику Михаилу Лермонтову:

Струны звонкие дышали,
Чудной музыкой полны,
И во звуки воплощали
Вдохновительные сны.

Увы, этот гимн во славу двух певцов, "светлой мысли исполинов", из-за цензурных препонов увидел свет лишь в 1972 году, в сборнике "Поэты 1820 — 1830-х годов", вышедшем в Ленинграде.

О высокой гражданственности Дмитрия Петровича в определенной мере свидетельствует его перевод в 1843 году стихотворения "Муза" французского поэта Анри Барбье, творчество которого пользовалось популярностью у членов петербургского

кружка М.В. Петрашевского. Вместе с Барбье Д. Озобишин обращается к Музе (а в действительности — к деятелям литературы и искусства), вопрошая:

О, дева юная! Ты жрица неги новой,
Зачем ты сбросила волнистые покровы!
На ветошь грязную ты променяла их,
По рынкам бегаешь, в лохмотья стыд сокрыв,
Обезображенна... В устах твоих прекрасных
Не слышно более напевов сладкогласных;
В устах твоих исчез медоточащий звук,
Восторгами небес упоевавший слух!
Увы! в устах твоих лишь площадные речи,
И убегают все с бесстыдницею встречи.

Примечательно и другое стихотворение, которое в это же время перевел Дмитрий Петрович, — “К маргаритке, которую сам в 1786 году срезал неосторожно плугом (Из Роберта Борнса)”. Этот знаменитый шотландец Бернс (так сейчас его у нас называют), трогательно выразив глубокое сожаление, что неосторожно срезал нежный стебелек розового цветка, затем сравнил его и с судьбой молодой девушки, испытавшей обманную любовь, и с уделом, который может достаться одинокому поэту, и с участью бедняка:

Такая ж участь ждет певца,
Когда с беспечною пловца,
Он с песнью средь житейских волн
Один плывет,
Вал набежит, — и утлый челн
В пучине вод.
Таков и бедняка удел,
Кому томиться рок велел;
Кто жизнь ведя средь слез и бед
Все уповал,
И снесть не мог, и в цвете лет —
Бессильный пал.

Это стихотворение в переводе Дмитрия Петровича было опубликовано весной 1844 года в погодинском журнале "Москвитянин".

Сам поэт, большую часть года проводивший в Троицком, не замыкался в кругу своей семьи и поддерживал добрые отношения с окрестными соседями, обмениваясь с ними и книжно-журнальными новинками, и урожайными сортами зерновых и овощных культур, и более производительными предметами инвентаря, и машинами. Трудно переоценить вклад Дмитрия Петровича и в ведение метеонаблюдений на своей усадьбе. Начиная с середины 1830-х годов, он с завидной пунктуальностью записывал в "Месяцесловы" сведения о температуре воздуха, всех важных атмосферных явлениях, о состоянии посевов, видах на урожай в будущем году и предсказаниях "староверов", отлетах диких гусей. Среди этих записей есть выписки из "Земледельческой газеты" 1843 года, сведения о прошедших ярмарках в Симбирске и Карсуне, о собственных поездках в эти города, а также в Сызрань, Пензу и Сумароково (родовое имение Ознобишиных). Очень важными для биографов поэта являются его записи в "Месяцеслове" за 1844 год о днях рождения и именин своих родных и близких знакомых. Благодаря им и стало известно, что Дмитрий Петрович родился 4 октября 1804 года, а 21 сентября является днем его именин. А вот запись от 25 августа о том, что "мороз побил все георгины", напоминает о привязанности поэта к разведению цветов.

Одним из ближайших помощников поэта стал карсунский уездный землемер Александр Павлович Яровой. Начиная с 1842 года, этот выходец с

Украины, получивший там и среднее образование, после знакомства с Д. Ознобишиным помогал ему вести метеонаблюдения, а затем стал и фактическим управляющим его имением. Постепенно Яровой тоже увлекся краеведением и записью в селах народных песен. С таким энергичным, начитанным и любознательным человеком, не лишенным к тому же и литературных способностей, Дмитрию Петровичу было о чем поговорить и легче вводить усовершенствования в хозяйство.

ТЯЖКИЙ УДАР СУДЬБЫ

В самой Симбирской гимназии мало что изменилось за прошедшие три года. А вот местность вокруг учебного корпуса преобразилась: около Нового Венца был разбит сад, названный в честь императора Николаевским. Севернее сада заканчивалась постройка Дома дворянского собрания. На месте снесенных дворянских усадеб, напротив парадного крыльца гимназии, был разбит сквер, в центре которого планировалось возвести памятник Н.М. Карамзину. Наконец, в южной части гимназического двора по проекту академика И.А. Бензема начиналось сооружение трехэтажного здания гимназического пансиона, рассчитанного на проживание 70 воспитанников.

Педагогический коллектив остался в основном прежним — директор Н.А. Пикторов, инспектор И.Ф. Грацианский, на своих местах трудились И.А. Верниковский и Н.А. Гончаров, большинство других преподавателей. Убедившись, что учебно-воспитательный процесс идет по установленному порядку, Дмитрий Петрович сразу же после окончания

1843—1844 учебного года возвращается с женой и Ванюшей в Троицкое, чтобы они подольше воспользовались прелестями природы.

Но с погодой в это лето не повезло. Как это видно из записей поэта в “Месяцеслове”, в июне с 8 по 20 число шли сильные дожди, лили и с 8 по 28 июля, а 25 августа были уже заморозки на почве.¹ Неурожай поломал планы Дмитрия Петровича по улучшению “хозяйственного механизма”. Согласовав с управляющим насущные вопросы, он везет семью в Симбирск для советов с тамошними врачами. В случае надобности он готов был везти жену к столичным докторам медицины.

С начала 1845 года и без того небогатое здоровье Елизаветы Александровны заметно ухудшилось, и Дмитрий Петрович проводил ее с сыном в Петербург на лечение к лучшим медикам. По возвращении домой он сильно тосковал и после весенних полевых работ из Троицкого перебрался в Симбирск. Один из добрых приятелей, у которых поэту случилось обедать, пригласил его на вечернюю прогулку на тарантасе в пригородное село Поливна, славившееся живописной природой, а оттуда на волжской лодке на экскурсию на “конноводную машину”. Поэт, говоря его словами, “Баратаевку с ее садами и Киндяковку с ее веселой рощей” знал только понаслышке и с удовольствием принял приглашение на эту прогулку.

Прогулка оказалась настолько замечательной, что Дмитрий Петрович под свежими впечатлениями написал прекрасный очерк “Поливна”, кото-

¹ Месяцеслов на 1844 год. — С. 19.

рый отослал в “Москвитянин” М. Погодину, а тот немедленно отправил текст в набор. В этом весьма занимательном и с юмором написанном очерке просматривались и сатирические нотки в описании Симбирска.

Вот один из примеров: “Город, которого я не назову вам, лежит между двух рек: эти реки в малом расстоянии друг от друга, текут одна против другой, и долго, очень долго между собою не сходятся; при всем том изобилии воды, город, однако ж, почти всегда нуждается в хорошей воде для питья. В этом городе есть два публичных сада, в которых никто не гуляет... Один из них без тени (Николаевский. — Ж.Т.), а другой (Александровский. — Ж.Т.) окружен лазаретами. В нем есть два собора, которые на зло перспективе стоят почти рядом; один (Николаевский. — Ж.Т.) тепел, но стар, другой (Троицкий. — Ж.Т.) великолепен, но холоден. В нем есть два Губернских собрания, один (б. дом Пустынникова. — Ж.Т.) разрушается, а другой (старый корпус нынешней областной научной библиотеки. — Ж.Т.) не кончен постройкою. Говорят, есть и два ...но этому можно не верить: это городские сплетни...”¹

В середине июня Дмитрий Петрович отправился в Юдиху, владимирское имение жены, чтобы решить накопившиеся там проблемы. За те недели, что поэт один провел в Юдихе, он написал стихотворение “Ковыль”, в котором нарисовал картину печальной судьбы стебелька ковыля, сорванного

¹ Ознобишин Д.П. Стихотворения. Проза. — В двух книгах. — Кн. 2. — М., 2001.

ямщиком и прикрепленного на облучок удалой тройки. Вот заключительные строки:

Одинокый, в чистом поле,
Серебром ковыль блистал;
На чужбине и в неволе
Он безвременно завял.

Зная о скором открытии в Симбирске памятника Историографу Российского государства, здесь, на владимирщине, Ознобишин создал известное стихотворение “Памяти Карамзина”.

Вскоре после возвращения в родное Троицкое он по настойчивому приглашению Николая Аксакова 24 июля побывал вместе с ним на охоте на диких птиц близ Забалуйского болота.¹ Не исключено, что Аксаков, состоявший в родстве с Карамзиными, посоветовал отослать последнее творение поэта в “Москвитянин”.

Ранним утром 21 августа 1845 года Ознобишин и Аксаков отправились в одной коляске в Симбирск для участия в дворянских выборах, а главное, — в торжественном открытии памятника великому земляку. Вечером следующего дня в доме губернатора Н.М. Булдакова, где собралась верхушка местного общества и почетные гости, а среди них — Андрей и Александр Николаевичи Карамзины, Дмитрий Петрович имел удовольствие слушать “Похвальное слово” о знаменитом симбиряnine, произнесенное своим другом академиком Михаилом Петровичем Погодиным.

Суть заслуг Н.М. Карамзина в области русского языка и словесности маститый академик изложил

¹ Месяцеслов на 1845 год, с. 21.

в одной, но очень емкой фразе: “Он очистил русский язык, освободил его из-под классического влияния, указал ему настоящее течение, обработал слог, обогатил словесность, представил сочинения во всех родах: письма, повести, рассуждения, похвальные слова, разговоры; возбудил участие к сочинениям знаменитых писателей, познакомил с иностранными литературами, перевел множество образцовых произведений со всех новых языков, привел в движение словесность, распространил охоту к чтению; умел возбудить любовь к знаниям, коснулся до всех современных вопросов, учил рассуждать политически, наконец, начал возбуждать участие к Русской старине; и познакомил с древними иностранными путешественниками”.¹

Этих трудов и заслуг, по мнению Погодина, достаточно, чтобы прославить несколько писателей на всю их жизнь, а Карамзин рассматривал сделанное как приготовление к главному — написанию достоверной и вместе с тем занимательной Русской истории. Ему понадобилось более 20 лет исполинского и самозабвенного труда, чтобы справиться с этой задачей и создать великое произведение — “Историю государства Российского”.

Утром 23 августа, после богослужения в кафедральном Троицком храме, участники торжества — все начальство, дворянство, купечество, воспитанники гимназии и духовной семинарии и многочисленные простые обыватели — собрались на новой площади, где состоялось открытие монумента. Сразу же

¹ Симбирский юбилей Н.М. Карамзина. — Симбирск, 1867. — С. 199—200.

после заключительного слова архиепископа Фео-
дотия свое стихотворение “Памяти Карамзина”
прочел Дмитрий Ознобишин. Подчеркнув, что от-
крываемый памятник — это “дань признательной
России к трудам Карамзина”, он выразил твердую
уверенность:

Так русский юноша, теперь идущий мимо,
Взглянув на этот лик, сияющий в меди,
Любовь к отечеству, — сей огонь неугасимый
Восчувствует в груди.

В ней вдруг пробудится неведомая сила
Высоких подвигов, чем втайне мысль кипит,
И, как птенец орла, свои расширив крыла,
Он к солнцу взлетит!

Затем избранное общество направилось в муж-
скую гимназию, где в зале, соседних комнатах и в
коридоре собрались сотни слушателей. “Историчес-
кое похвальное слово” Карамзину прочел М. Пого-
дин, а затем, по просьбе публики, Дмитрий Петро-
вич повторил свои стихи и заслужил рукоплеска-
ния.¹

С 5 по 16 декабря этого года поэт снова нахо-
дился в Симбирске и, конечно же, посетил панихи-
ду по Н.М. Карамзину, прошедшую в зале гимна-
зии. А вскоре в Троицком случилась беда, которую
он обозначил в “Месяцеслове” словами: “сгорела
рига и машина”.

Как назло происходили задержки с прибытием
вестей от жены из Петербурга. В один из февраль-
ских дней 1846 года, когда с почты доставили пись-
мо от Елизаветы Александровны, Дмитрий Петро-

¹ Трофимов Ж.А. Симбирский памятник Н.М. Карамзину.
Известное и неизвестное. — М., 1992. — С. 23.

вич набросал ответное послание, начинающееся радостными строками:

Письмо! ее рукой начертанные строки!
Сто раз целую их. Умолкните упреки!
Нет тени мрачных дум, нет более тоски!
Я счастлив, не забыт! Письмо ее руки!

И далее:

Ты пишешь: “Камелек теперь горит у друга,
Он делит с музою досуги и печаль;
Стихами, полными любви и вдохновенья,
Он встретит вновь меня в тиши уединенья,
И в звуках сладостных его я буду жить!..”
Нет, друг мой, трудно песнь и горе согласить!

С грустью он рисует картину своего одиночества в их сельском доме:

Ищу одной тебя средь залы опустелой,
Где Виртовский рояль стоит осиротелый,
Звучавший сладко так рук беглых под игрой;
Где эхо вторило приятный голос твой,
Когда Варламова ты воскрешала звуки,
Или Титова песнь, исполненную муки,
Или Бетговена передавала мне...
Там все молчит теперь; и только на стене
Привычно маятник свершает ход урочный...

И заверяет:

Вдали я буду жить твоей любовью страстной;
Вблизи свиданья час с тобой благословлять.

О жизни поэта в Троицком в эти февральские дни 1846 года красноречиво свидетельствует его письмо к старому московскому знакомому — историку В.И. Оболенскому: “Я прозябаю в деревне, где для меня одно наслаждение — литература. Мертвые друзья с разных краев мира выглядывают на

меня с своих полок... Беседую с каждым из них по очереди, и время летит незаметно".¹

Столичные врачи не смогли спасти Елизавету Александровну, и в декабре 1846 года ее не стало. Свое неутешное горе он выразил в прекрасном стихотворении "Три розы на гробе", которое создал в три приема: начал 11 декабря в Троицком, а завершил уже вдали от него в следующем, 1847 году, вспоминая с безумною тоскою "жемчужину души" своей... Родные и друзья настояли на том, чтобы поэт взял десятилетнего сына и отправился для поправки здоровья на западноевропейские курорты. Дмитрий Петрович внял советам и 21 июня сделал в дорожной книжке первую и весьма любопытную запись: "Мы поплыли из Кронштадта на пароходе "Прусский орел"... Я встретил много знакомых: Ф.И.Тютчева с дочерью, Ал. Алек. Руднева с Анной Николаевной Козловой и профессора О.И. Сенковского, который ехал вместе с ними к благословенным берегам Италии, чтобы оттоле быть в Париже и Лондоне".²

В тот же день в его записной книжке появилось стихотворение "21 июня", пронизанное скорбью о почившей жене, которая уже не будет ожидать их возвращения... И заключает стихи обращением к Ванюше:

Нет! крепче жмись к моей груди, —
Родная в ней живет!
Прости, о родина, прости!
Лети, мой пароход!

¹ Ознобишин Д.П. Стихотворения. Проза. — Т. 2. — С. 319.

² Хохлова Н.А. Обзор архива Д.П. Ознобишина // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. — СПб, 1994. — С. 12.

Неси меня скорее вдаль
Чужбины к берегам!
Мою глубокую печаль
Сложу, быть может, там!¹

По прибытии в Германию, Дмитрий Петрович путешествовал с сыном отдельно от знакомой компании. Осмотрев достопримечательности Берлина и Лейпцига, он отправился на родину Гете, и здесь произошла приятная встреча, о которой он с удовольствием отметил в карманной дорожной тетради: “Здесь я случайно вновь встретился с Ф.И. Тютчевым, который пробыл лишний день в Веймаре и готовился ехать во Франкфурт, чтобы застать там Жуковского и Гоголя. Мы с ним о многом побеседовали. Действительно, замечание его справедливо; железная дорога уничтожила и постепенно будет уничтожать существование маленьких городков, находящихся на тракте; мелкая промышленность их уничтожится, и все это перейдет в большие города, которые чрез это будут жить двойной жизнью. Будет ли от этого польза целому государству и не будет ли это мешать развитию общественного благосостояния — вопрос этот разрешит время; но то уже верно и очевидно, что железные дороги скорее всего разовьют общежительность — быстрым сближением и обменом мыслей; иной никогда бы не заглянул в ту сторону, куда теперь соблазняет его отправиться железная дорога своей дешевизною и быстротою поездки. Это должно будет осуществиться и на нашей Московской дороге; это еще более будет заметно на дорогах, которые пойдут на Казань или на Саратов”.²

¹ Ознобишин Д.П. Стихотворения. Проза. — Т. 2. — С. 357.

² Памятники культуры. Новые открытия. — М., 1987/1988/. — С. 51.

После Веймара Дмитрий Петрович лечился и отдыхал с сыном на курортах, немецком Крейцнахе и швейцарском Веве, а в феврале 1848 года они добрались до средиземноморской Ниццы, где осели на полгода. В разгар революционных событий в Европе поэт возвращается с Ванюшей на родину (через Геную, Мальту, Смирну, Константинополь). В Одессе пришлось отбывать карантин, ибо в России вспыхнула холера. В свое симбирское Троицкое Ознобишины вернулись через Тамбов и Пензу уже летом.

В дорожной тетради поэта, хранящейся в Пушкинском Доме, немалый интерес представляют его пейзажные зарисовки, описания городов и селений, соборов, замков, парков, железных дорог, жизни и быта крестьян, купцов, дворян, военных, а также впечатления от посещений картинных галерей, музеев, театров, парков, курзалов. Примечательно, что черновые записи Дмитрия Петровича в дорожной книжке, как отметил литературовед И.Я. Заславский, “в основном являют собой хорошую русскую прозу с присущей ей предметной точностью, ясностью изложения, выразительной и экономной пейзажной живописью, тактом в отборе значащих подробностей”.¹

18 апреля 1848 года, незадолго до возвращения Д. Ознобишина из зарубежных странствований, в Симбирске была открыта Карамзинская общественная библиотека. Петр Михайлович Языков, первый председатель комитета первой в городе публички, 3 ноября обратился к Дмитрию Петровичу с

¹ Памятники культуры. Новые открытия. — М., 1987. — С. 53.

просьбой пожертвовать в ее фонды свои произведения. Не прошло и недели, как поэт из Троицкого выслал уважаемому П. Языкову свои четыре книги: “Новые Аониды”, “Андрей князь Переяславский”, “Гинекион” и “Селам, или Язык цветов”. Все другие издания, пояснил он, уже разошлись. “Что ж касается до стихотворений моих, — продолжал Ознобишин, — то они рассеяны по журналам, никогда не были, и едва ли когда-либо будут собраны и изданы особою книжкою. Для отечественной нашей литературы с этим нет никакой существенной потери”.¹ Трудно сказать, почему поэт, чьи стихи привлекали задушевностью, мелодичностью, а нередко и чеканной отделкой, не решился собрать лучшие образцы своей лирики и издать их сборником. Тем не менее Дмитрий Петрович по-прежнему постоянно занимался литературным творчеством и втайне от всех все же готовил избранное к изданию отдельной книгой.

Этим летом поэт много внимания уделял одиннадцатилетнему Ванюше. “Он должен быть образован не поверхностно, — объяснял он сестре Варваре Базилевской, — а солидно, чтобы со временем быть полезну обществу и отнюдь не быть ему в тягость, чтобы наука была для него не игрушкой, а верною подругою в жизни и утешением под старость. Я желал бы чтобы он смотрел на жизнь с той точки, как я гляжу на нее; это бы избавило его от многих печальных в последствии разочарований”².

¹ Варламов Н. Друзья библиотеки.// Пролетарский путь. — 1940. — 6 января.

² Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. — С. 12.

Как верно подметила Н.А. Хохлова, Дмитрий Петрович готовил сына к поступлению “в одно из привилегированных учебных заведений” и поэтому добился подтверждения своей принадлежности к “древним благородным дворянским родам” и внесения в VI часть дворянской родословной книги Симбирской губернии.¹ Но главной целью поэта было помещение Вани в Царскосельский лицей. И со свойственной ему настойчивостью он добивается этой заветной цели.

КРУТЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

Почти весь 1849 год Дмитрий Ознобишин провел в своем Троицком, отлучаясь лишь на несколько дней. В январе был на ярмарке в Карсуне, приобрел “балыку в двух рыбах 14 фунтов”, “сахара-рафинада лучшего 11 головок” общим весом в 190,5 фунтов” и других припасов. В Симбирске поэт побывал 4—10 мая, а 23—24 июля провел в Репьевке у гостеприимных Аксаковых. И хотя Николай Тимофеевич два года являлся губернским предводителем дворянства, теплые отношения, сложившиеся между ними полтора десятилетия назад, ничуть не изменились.

Николай Тимофеевич, будучи таким же страстным охотником и рыболовом, как и его старший брат-писатель, конечно, сводил и гостя порыбачить в речке Инза, показал свои цветочные и фруктовые оранжереи, поделился книжными новинками и литературными новостями, полученными из столицы.

¹ Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. — С. 13.

Супруга предводителя, Екатерина Алексеевна, была занята с семимесячной дочерью Оленькой, но вечерами присоединялась к беседам мужчин, развлекала игрой на фортепьяно. Понятно, что вспомнила и о семнадцатилетнем сыне Александре, который учился в Царскосельском лицее. Для Дмитрия Петровича эта тема была особо актуальной, ибо приближалось время определения в это знаменитое учебное заведение и его двенадцатилетнего Ванюши.

В связи с предстоящим отъездом в столицу поэт постепенно передавал управление своим имением завоевавшему его полное доверие Александру Никаноровичу Годовикову. Небезынтересно, что летом 1850 года по распоряжению Дмитрия Петровича навсегда был закрыт принадлежавший еще отцу винокуренный завод.¹

В августе этого же года Ванюша был определен в Царскосельский лицей, и поэт теперь месяцами обитал в Петербурге, в семье сестры Варвары и ее мужа Ивана Федоровича Базилевского, с которым его связывали товарищеские отношения.

С весны до осени 1851-го года Дмитрий Петрович находился в Троицком, а в октябре он снова в столице, где при каждом удобном случае проводил время с сыном-лицеистом. Но как бы ни проходил день, Дмитрий Петрович не забывал вести дневниковые записи, в том числе и о состоянии погоды ("ноября 6 дня. Стала Нева, и установился зимний путь" и т.п.).

Театрально-концертный сезон он старался использовать как можно полнее. Не пропускал он и

¹ ГАУО, ф. 401, оп. 1, д. 195, л. 3.

художественные выставки, а свои впечатления иногда выражал в стихах, которые охотно брали в журнал "Сын отечества". Так, 13 апреля 1851 года после концерта приезжей знаменитости Дмитрий Петрович написал стихотворение "Е.Н. Н-ской" с теплыми строками, обращенными к певице:

Ваш голос так душу чарует!
В нем юга вся прелесть слилась,
Что сердце невольно тоскует
К Италии думой несясь.

Но если б вы песню родную
Нам спели... я верю вполне,
Мы нашу бы Русь снеговую
Тогда б полюбили вдвойне...¹

После посещения "Художественной выставки в пользу бедных" он опубликовал в июльской книжке "Сына отечества" стихотворение "Портрет" (с пояснением: "Портрет К.П. Брюллова, написанный им самим, принадлежит Ф.И. Прянишникову"), в котором признался, что при каждом осмотре коллекции картин Карла Брюллова он особо пристально рассматривает именно этот автопортрет:

...Наскоро наброшенный, из рамки
Выходит он, болезненно худой;
Средь впалых щек едва румянец рдеет
И, мнится, грудь страдальца леденеет...
Как Прометей могучий, властью рока
Во цвете лет, прикованный к скале -
Склонился он усталый; но упрека
Нет на устах, ни гнева на челе...
Открытый взор пронзает даль глубоко...
Он думую парит не на земле;
Восторг власы кудрявые взвевает,

¹ Ознобишин Д.П. Стихотворения. Проза. — Т. 2. — С. 85.

И смерть над ним невидимо летает!..
Уже рука без силы опустилась;
Но бледный лик так светел, важен, тих,
Как будто мысль в нем дивно прояснилась:
“Я вечно жив в созданиях моих!
Недаром грудь призываю светлым билась;
Удел искусств высокий я постиг!
Пусть жребием мне рок сужден суровый,-
Гляжу на смерть, как на венец лавровый!”
Ты будешь жить, художник наш великий!
Помпеи день зарей твоею был!
Твоих святых так дивно дышат лики;
Италии нас с небом ты сроднил.
И ждут тебя России плеск и клики,
Когда с одра восстанешь, полный сил,
И кисть схватя рукою бойкой снова,
На суд векам отдашь Осаду Пскова!¹

В апрельском номере “Сына отечества” за 1851 год появилась заметка, которая не могла не порадовать Дмитрия Петровича. Ее автор, один из поклонников творца 200 романсов и популярного певца (тенора) Александра Егоровича Варламова, скоропостижно скончавшегося в 1848 году, сообщил читателям о выходе в свет роскошного “Музыкального сборника в память А.Е. Варламова”, в котором помещены творения А. Рубинштейна, М. Глинки, А. Даргомыжского, А. Алябьева, А. Львова и других видных композиторов России. Примечательна концовка заметки о “Музыкальном сборнике”: “К прекрасному изданию приложены очень схожий портрет Варламова и стихи Д.П. Ознобишина, согретые теплым чувством, невольно удерживаются памятью. Вот они:

¹ Ознобишин Д.П. Стихотворения. Проза. — Т. 2. — С. 88—89.

Много звуков, много песен
Наш Варламов нам дарил,
Мир поэта был чудесен,
В нем мечтой он светлой жил.

Грудь невольно трепетала,
Голос слушая родной...
Что ж цевница замолчала?
Где ж певец наш дорогой?

Он угас — избранник неба
Под ярмом земных забот.
Он угас! Семья без хлеба
Над могилой слезы льет!..

Верьте ж в дивное призванье!
Был тяжел, певец, твой рок.
Звучным песням в воздаянье
Брошен скудный лишь венок.

Но когда под звук рояля
Глас красавицы молодой,
Полный думы и печали
Нам романс напомнит твой.

Грудь поднимется высоко,
Заблестит слезою взор,
Будет внятен всем глубокий
Замогильный твой укор!

Первая строка в четвертой строфе подчеркнута мною, дело в том, что В.И. Музалевский в своей монографии “Русская фортепианная музыка” (М.—Л., 1949, с. 188) первым опубликовал стихотворение “Варламов”, но без указания фамилии автора-поэта. Точно также поступила Н. Листова в монографии “Александр Варламов. Его жизнь и песенное творчество” (М., 1963, с. 248). И только Т.М. Гольц в двухтомнике “Д.П. Ознобишин. Стихотворения. Проза.” (М., Т. 2, 2001, с. 555) опубликовала стихотворение “Варламов” как ознобишинское, причем

по автографу поэта, хранящемуся в Пушкинском Доме. Но по каким-то причинам в автографе стихотворения вместо слов первой строчки четвертой строфы стоят только точки, и приходилось гадать, что за ними скрыто...

В 1851 году нашему поэту довелось заниматься весьма прозаичным делом. Его свояк И.Ф. Базилевский увлекся откупным делом в Смоленске и, нуждаясь в крупных деньгах, необходимых в качестве залога, обратился к Дмитрию Петровичу с просьбой заложить в московском опекуном управлении часть симбирского имения “для обеспечения содержимых им в Смоленской губернии откупов” на 1851—1855 годы.¹ Поэт выполнил просьбу свояка, но сам-то он, вопреки утверждению Т.М. Гольц, В.Н. Шкунова и других авторов, в Смоленске не занимаясь “финансовыми операциями по откупам”.²

Что касается участия Дмитрия Петровича в общественной жизни Смоленска, где он находился большую часть 1851—1853 годов, то оно было гораздо шире, чем это представляется современным краеведам³: Д.П. Ознобишин был не только почетным членом “Попечительства детских приютов”, но и членом-корреспондентом губернского статистического комитета, а вместе с И. Базилевским — еще и одним из основных жертвователей Смоленской общественной библиотеки и автором статей в местных изданиях.

¹ ГАУО, ф. 401, оп. 1, д. 195, л. 3.

² Ознобишин Д.П. Стихотворения. Проза. — Т. 2. — С. 365.

³ Край Смоленский. — 1996. — №7. — С. 89.

Взволнованно, близко к сердцу воспринял Дмитрий Петрович события, связанные с началом Крымской войны. Ее началу, как известно, предшествовали столкновения России с Турцией, которая, под влиянием Англии и Франции, попыталась возвратить себе северное побережье Черного моря, Кубань и Крым. Однако после того, как 18 ноября 1853 года российская эскадра под командованием адмирала Николая Нахимова уничтожила турецкий флот в его порту Синоп, а войска генерала Василия Бебутова разгромили турецкую армию под Карсом, объединенные вооруженные силы Англии и Франции стали готовиться к вторжению в пределы России.

Д. Ознобишин той тревожной зимой находился в Петербурге и, подобно П. Вяземскому, Ф. Тютчеву, С. Шевыреву, другим литераторам-патриотам, написал стихотворение “Был век”, которое сначала появилось в “Пензенских губернских ведомостях” (1854, №14), а затем в “Москвитянине” (1854, № 5, кн. 1) и “Северной пчеле” (1854, март-апрель). В нем наш поэт с гневом обличал правительства Англии и Франции, пославшие эскадры в Черное море, и, как бы предупреждая о тяжких для них последствиях, уверял, что “Пожар Синопа не угас”:

Не нов в боях наш юный флот!
Под Чесмой помнят исполина!
И слава русская живет
В разгроме грозном Наварина!

.....

.....

С надеждой в промысел, с крестом
Навстречу вам пойдем мы смело!
Пусть много вас, — в бою сочтем!
За нас сам Бог и святость дела!¹

¹ Ознобишин Д.П. Стихотворения. Проза. — Т. 2. — С. 223.

Трудно сказать, встречались ли Тютчев и Ознобишин той зимой в столице, но Федор Иванович, словно проявляя солидарность с давно знакомым поэтом, в своем стихотворном “Спиритическом предсказании” заявил:

Дни настают борьбы и торжества,
Достигнет Русь завещанных границ,
И будет старая Москва
Новейшею из трех столиц.¹

Между тем вражеские эскадры атаковали Одес-су, Севастополь, Керчь, Петропавловск-на-Камчат-ке, Свеаборг и Кронштадт... Однако Дмитрий Пет-рович не падает духом и в апреле 1855 года поме-щает в “Москвитяине” стихотворение “Сподвиж-никам Луны” (под ними подразумевались союзни-ки Турции — Англия, Франция и Сардиния). И на сей раз поэт, восхищаясь героизмом защитников Севастополя, выражает уверенность, что:

Пройдут века... К морской твердыне
Паломник свой направит путь:
Воздать хвалу родной святыне,
В молитве храбрых помянуть.²

Любопытным свидетельством его патриотичес-кого настроения является альбом “Карикатуры на со-временную войну”, изданный в Москве летом 1855 года. В этом альбоме, поступившем недавно в Улья-новскую областную научную библиотеку из Пари-жа от Н.Н. Ознобишина, имеется 10 листов с лито-графическими рисунками и сатирическими подпи-сами под ними. Характерным листом альбома яв-

¹ Тютчев Ф.И. Сочинения в 2 томах. — Т. 1. — М., 1980. — С. 137.

² Ознобишин Д.П. Стихотворения. Проза. — Т. 2. — С. 223.

ляется карикатура, изображающая русскую крепость, перед которой огромный крест с надписью: “Под сим крестом лежат кости французов и два-надесяти язык в 1812 году. Разумейте языцы и покоряйтесь, яко с нами Бог”. Текст этот виден неприятелям, на знаменах которых надписи: “Англия”, “Франция”, “Сардиния”, “Турция”. Увы, крымская война кончилась поражением николаевской России. Под тяжким впечатлением от падения Севастополя возмущенный Ф. Тютчев в эпиграмме-эпитафии Николаю I, скончавшемуся 18 февраля 1855 года, набросал уничижительные строки:

Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые
Все было ложь в тебе, все призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей.¹

Эти обличительные строки будут опубликованы лишь в 1922 году, но недовольство прогнившей крепостнической системой, приведшей к военнотехнической отсталости России, было настолько широким, что отзвуки его проникали в печать и тогда. Даже Д. Ознобишин, реагируя на толки о том, что одной из причин поражения в войне стало отсутствие железнодорожного сообщения центра страны с Крымом, в марте 1855 года напишет басню “Почтовый колокольчик и дорога”. Передавая в аллегорической форме полемику между колокольчиком и шоссе, в ходе которой указывалось, что Запад и Новый Свет (США) уже “железных рельс

¹ Тютчев Ф.И. Сочинения в 2 томах. — Т. I. — С. 144.

оделися в корсет”, поэт-симбирянин завершил басню словами:

Боюсь, чтоб эту баснь не счел кто за упрек...

.....
А личности ничьей не задеваю.

Хвалы достоин труд, и честь тому, кто мог

Дорогой первую служить родному краю;

Но должно веку вслед идти.

Ошибка не беда! Не медли в исправленье!

Все сделать вовремя — великое уменье!

С ним прорицателей не встретить на пути.¹

Истечение четырехлетнего срока, на который Дмитрий Петрович оформлял закладную на свое симбирское имение в интересах И. Базилевского, совпало по времени с окончанием Крымской войны. Теперь поэт живет главным образом в Петербурге, поблизости с сыном-лицеистом. Но связи со Смоленском не оборвались: Дмитрий Петрович на долгое время останется членом “Попечительства о детских приютах” и губернского статистического комитета. И в “Памятной книжке Смоленской губернии на 1856 год” появится его “Листок из смоленского дневника”.

В Петербурге Дмитрий Петрович имел возможность следить не только за российской прессой, но и зарубежной. При просмотре откликов английских журналистов на поражение России в недавней войне его покорило пренебрежительный тон некоторых из них в отношении способности русских вернуть себе статус великой державы. В ответ на это Ознобишин написал стихотворение “Джон Буль”, в котором напомнил о драматических мо-

¹ Ознобишин Д.П. Стихотворения. Проза. — Т. I. — С. 530.

ментах нашей истории. После нашествия Батыя Россия долго томила под тягостным ярмом, но “встал Донской, — и отплатил на Куликовом поле”. Затем, воспользовавшись княжескими раздорами, в Москве оказались поляки, “но Минин глас возвысил свой, — и отплатил Пожарский”. Под Нарвой разгромил нас Карл и “затрубил победу... Не дрогнул Петр, — и заплатил Полтавой долг свой шведу”. Наполеон побывал в Москве в 1812 году, но через два года Александр I “отдал долг торжественно в Париже”. Заканчивается стихотворение задорно:

Теперь уверился ль ты, Джон,

Что платим мы исправно?

Платила Русь веков с покон

И вновь отплатит славно¹.

Вместе с тем поэт, как и все передовые деятели России, понимал, что стране, как воздух, нужны демократические преобразования и, прежде всего, ликвидация позорной системы крепостничества. Он разделял также заявление Александра II, что “гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу”, стремясь внести свою лепту в начавшиеся преобразования, Дмитрий Петрович в первые же дни 1858 года, когда сын Иван окончил курс учения в Царскосельском лицее, вместе с ним окончательно возвращается в родной Симбирский край.

ВКЛАД ПОЭТА В ПРОВЕДЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ 1861 ГОДА

В феврале 1858 года во всех 8 уездах Симбирской губернии прошли дворянские собрания, ко-

¹ Ознобишин Д.П. Стихотворения. Проза. — Т. I. — С. 530.

которые выразили желание “содействовать видам монарха” в освобождении крестьян от крепостной зависимости. И уже 9 марта последовал царский рескрипт симбирскому губернатору Е.Н. Извекову, разрешавший дворянству “открыть особый комитет для составления проекта положения об улучшении и устройстве быта помещичьих крестьян”.¹

На состоявшихся вскоре дворянских собраниях были избраны в губернский комитет 16 членов (по 2 представителя в каждом уезде). Кроме них вошли двое назначенных правительством, а 19-м членом, согласно узаконениям, стал губернский предводитель дворянства Н.Т. Аксаков, который 5 июля и возглавил комитет.

Как и в других земледельческих губерниях, большинство симбирского комитета составляли крупные помещики (граф В.П. Орлов-Давыдов, Д.Н. Шидловский и др.), которые, по отзыву одного из членов — П.А. Соловьева, стремились превратить его в “Комитет по улучшению быта помещиков”.² И даже симбирский губернатор был вынужден заявить, что мизерный надел (1,5 десятины), предлагаемый большинством комитета, “не обеспечит быт крестьян и выполнение повинностей в пользу помещиков и государства”.³

А.Н. Татаринов — автор проекта меньшинства членов комитета — предлагал большие наделы крестьянам (2—4 десятины) и на более льготных условиях выкупа усадеб и земельных наделов. Этот

¹ Симбирские губернские ведомости. 1858. — 29 марта.

² Там же.

³ Русская старина. 1882. — №12. — С. 146.

проект предусматривал также замену общинного земледелия частным и, конечно же, замену в “переходном периоде” барщины оброком. Проект А.Н. Татаринова — образованного либерального дворянина (он учился в одно время с поэтом Н.М. Языковым в Дерптском университете) — заинтересовал правительство, и его симбирский автор был назначен членом-экспертом столичных “Редакционных комиссий”.

Д.П. Ознобишин не участвовал в работе симбирского комитета, но был в курсе всего, что там происходило. Ведь комитет возглавлял его близкий друг Николай Тимофеевич Аксаков. В числе близких знакомых поэта в комитете заседали и такие либеральные деятели, как братья А.Н. и К.Н. Татариновы, Н.П. Ахматов. Многие ему рассказывал и сын, Иван Дмитриевич, который с аттестатом Царскосельского лицея и чином коллежского секретаря был зачислен чиновником особых поручений канцелярии симбирского губернатора (без жалованья).¹ А в мае 1861 года Иван Ознобишин стал мировым посредником 3 участка Карсунского уезда, то есть непосредственным участником составления уставных грамот, полюбовных соглашений между помещиками и сельским обществом, арбитром в спорах между ними и т.п.

Между тем “Положение 19 февраля 1861 года о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости”, а также “Местное положение о поземельном устройстве крестьян” были составлены так витиевато, что даже юристы толковали эти важнейшие

¹ ГАУО, ф. 45, оп. 2, д. 7, л. 14.

документы реформы по-разному. И тогда на помощь обществу пришел поэт Дмитрий Ознобишин: летом 1861 года в Петербурге он издал двухтомное "Руководство к изучению Высочайше утвержденного Его Императорским Величеством 19 февраля 1861 г. "Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости", занявшее 860 страниц!

В обращении "К читателю" поэт пояснил, что это "Руководство" первоначально не предназначалось для печати, но, изучая "Положение" от 19 февраля, понял, что "одного весьма внимательного чтения недостаточно... Память не могла сохранить в себе и десятую долю прочитанного. Чтобы пособить памяти, составитель "Руководства" решил предпринять труд более тяжелый. Десять раз перечитывал он каждую статью "Положений" и с пером в руке, уразумев совершенно ее смысл и содержание, постепенно излагал каждую в форме вопроса, не позволяя себе никакой литературной фантазии, которая могла бы придать вопросу форму более щеголеватую; напротив, он поставил себе незыблемым и неумолимым условием: выразить этот вопрос собственными словами "Положений", в самом простейшем его виде, вразумительно и ясно, и следуя параграф за параграфом. Ответ на каждый вопрос, сохранивший нумерацию статей "Положения", указан на страницах, где эта статья "Положения" находится".

Дмитрий Петрович подсказал читателям, как можно проверить качество его "Руководства": "Если кто, прочтя вопрос, может дать себе, не раскрывая "Положения", полный ответ на оный, не пропуская малейшей подробности, то ясно, что воп-

рос сей вполне обнял свой предмет. Но для этого предварительно нужно прочесть несколько раз “Положения” вместе с вопросами и прочесть внимательно... Вопрос, сделанный составителем “Руководства”, — продолжал Ознобишин, — указывает вместе с тем, в каком смысле следует строить внимание. Метода эта не новая: она была с величайшей пользою приложена Роберсоном и Оллендорфом к изучению языков английского и немецкого, каковое изучение преимущественно опирается на память”.

Отдавая себе отчет, что его труд может служить путеводной нитью к разрешению сомнений и встречающихся недоразумений, поэт без ложной скромности выразил надежду, что его “Руководство” будет “не лишним как для новых губернских присутствий (по крестьянским делам. — Ж.Т.), так и вообще для всех видов устанавливаемых учреждений, мест и лиц. Оно необходимо для владельца (помещика. — Ж.Т.) и для поселянина и особенно нужно для каждого мирового посредника, в звание коих поступает цвет нашего дворянства с высшим образованием”.

В отделе редких книг и рукописей областной научной библиотеки мне довелось держать в руках этот труд поэта в отлично сохранившемся кожаном переплете, украшенном тисненным орнаментом на обложке, с золоченым обрезом, на веленовой бумаге. На лицевой обложке тома — тисненная овальная печать с надписью по окружности: “Дмитрий Петрович Ознобишин” и фамильным гербом посредине овала.

Небезынтересно взглянуть на первые главы 1-го раздела 1-го тома (сохранившие формулировки правительственного документа):

1. О правах личных и по состоянию.
2. Об определении размера выкупных сумм за усадебную оседлость.
3. О порядке выкупа усадебной оседлости.

А вот как Дмитрий Петрович формулировал некоторые вопросы:

— Какие повинности относятся к мирским?

— С какого времени дворовые люди приобретают все права личные, семейственные и по имуществу?

— Кому крестьяне могут приносить жалобу на воспрещения им, сделанные помещиком, пользоваться водами? (прудом или протекавшей по селу речкой. — Ж.Т.).

Просматривая уникальное во всех отношениях “Руководство”, не можешь не удивляться гражданской ответственности и громадному трудолюбию поэта (небогатого здоровьем, со слабым зрением), стройности системы изложения, логичности рассуждений и доступному слогу, которым оно написано, его бескорыстному стремлению помочь десяткам тысяч людей разобраться в правах и обязанностях, которые провозглашались верховной властью России. “Руководство”, составленное Дмитрием Ознобишиным для своих современников, в наши дни (и для всех грядущих поколений) представляет бесценный исторический источник, ключ к пониманию существа и всех деталей ликвидации крепостнической системы в царской России. Отрывки из ознобишинского “Руководства” полезно включить

в школьные хрестоматии по истории России, использовать на уроках краеведения.

Неизвестно, выразил ли кто-нибудь из власть предержащих благодарность поэту за столь необычный творческий труд. Но можно полагать, что в правительстве отнеслись к нему, в общем, благожелательно, если вскоре после скоропостижной смерти А.Н. Татаринова симбирский губернатор М.И. Анисимов, возглавлявший губернское по крестьянским делам присутствие, на заседании от 22 сентября 1861 года зачитал присутствию предписание министра внутренних дел от 11 сентября, извещавшее, что с Высочайшего соизволения “приглашен к занятию должности члена симбирского губернского по крестьянским делам присутствия, на место умершего коллежского ассесора Татаринова, надворный советник Ознобишин”. В соответствии с этим предписанием, Д.П. Ознобишин, официально именуемый “назначенным членом” губернского комитета по крестьянским делам (а не “особого комитета”, как пишут некоторые авторы статей), впервые явился на заседание комитета 27 октября 1861 года. Тогда же присутствие постановило: “Уведомить о вступлении г. члена Дмитрия Петровича Ознобишина журналом уездных мировых судей и гг. мировых посредников Симбирской губернии”. Так началась новая, видная в обществе государственная служба поэта, требовавшая от него большой отдачи, как умственной, так и физической.

Из типографски издававшихся журналов присутствия видно, что в ноябре 1861 года Дмитрий Петрович присутствовал на заседаниях 3, 7, 10, 14, 17, 20, 23, 25 и 28 числа, то есть 9 дней. Среди вопросов,

обсуждавшихся 17 ноября, острую дискуссию вызвало обсуждение форм крестьянских повинностей в пользу помещика в течение установленного двухлетнего срока. Дело в том, что после обнародования царского манифеста о предстоящем освобождении крестьян от крепостной зависимости многие бывшие холопы в самых различных формах саботировали отбывание барщины. Это привело к тому, что барские запашки в Симбирской губернии сократились наполовину.

В такой безвыходной обстановке большинство членов губернского присутствия 17 ноября высказалось за перевод своих крепостных на обязательный оброк, но, как выразился Д.П. Ознобишин, с применением “стеснительных начал”. Убедившись в нежелании большинства своих коллег по присутствию всеми мерами облегчить переход крестьян на оброк, поэт в тот же день составил обстоятельную, на 12 листах, записку “о необходимости перевода временно-обязанных крестьян на обязательный оброк” и направил ее в Главный комитет по крестьянскому делу. В ней он, в частности, выразил искренне мнение, почему многие бывшие холопы уклоняются от выполнения повинностей в пользу прежних господ:

“На крестьянина нашего, бывшего целые столетия под гнетом крепостного права, прозябавшего под не всегда отеческою, но, тем не менее, постоянною опекою помещика, пахнуло ныне свежим воздухом живительной свободы, ему, крестьянину временно-обязанному, даровано драгоценное право личности, даны право семейное и дорогое для каждого человека право распоряжаться своим достоя-

нием по собственному усмотрению. Немудрено после этого, — продолжал Дмитрий Петрович, — что, получивши вдруг столько даров неожиданных, даров драгоценных, голова его закружилась и самый ум как бы в тумане. Он находится ныне в состоянии человека, выведенного из долголетней, мрачной и сырой темницы на свободу; дневной свет внезапно его встретил, и болезненный крик вырвался невольно из его груди: его ослепило яркое солнце, которого благодетельную теплоту он в первые минуты своего исхода не чувствует. Дайте ему время оглядеться!.. Он сознает свою ошибку, глаза его прояснятся, легкие вздохнут свободно от живительного воздуха, который их наполнит, и он пойдет смело и твердо по стезе ему указанной”.¹

У симбирского крестьянина раздавался не только “болезненный крик”. Вот как характеризовал тревожную обстановку осени 1861 года брат известного поэта и единомышленник Д.П. Ознобишина Александр Михайлович Языков: “Здесь беда как нехорошо с мужиками. Везде волнения — и у Бестужевых в Репьевке, и у Давыдовых в Мазе, и у Гариных в Заборовке, и у Киндякова в Головине, и у брата Василия в Языкове и Линевке, и в Шигонах у Кротовых, но кроме последнего дела, все обходится розгами и обжорной командой (воинским постоем. — Ж.Т.)”.² Схожую обстановку обрисовал профессор Ф.М. Дмитриев в письме к приятелю в Москву: “Крестьяне теперь подразделяются, как горцы, на мирных и немирных. Но и мирные, как

¹ ЦГИА, ф. 1609, оп. 1, д. 12, л. 1.

² ЦГАОР, ф. 109, оп. 3, д. 2127, л. 10.

поняли в чем дело, все вообще недовольны — ропшут... поборы с них сильно увеличились”.¹

С учетом этой тревожной обстановки страстные просьбы Дмитрия Ознобишина к власти имущим глубже понять протестное состояние бывших крепостных, получивших формальное право на свободу, являлись по существу призывом прекратить применение военной силы и полицейских для усмирения временно-обязанных крестьян.

В журналах заседаний губернского по крестьянским делам присутствия есть и просьба о назначении кого-либо для составления уставных грамот в имении его, состоящем в Карсунском уезде, в селах Троицком, Сюксюм тож и Китовке, Рождественском тож и в деревнях Красной Слободке, Белой Горке, Дубенках, Елизаветинке и Борисовой Поляне. В изложении писаря эта просьба выглядела так: “Все эти села и деревни находятся в 3-ем участке Карсунского уезда, где мировым посредником состоит родной его сын, титулярный советник И.Д. Ознобишин, который на основании 45 статьи “Правил о приведении в действие “Положения” рассматривать и приводить в действие означенных условий не имеет права”.² Следует при этом иметь в виду, что в селе Китовка обитали владельцы восьми имений, а деревня Елизаветинка была образована поэтом в 1851 году путем переселения шести семейств крепостных из Китовки в местность, которую Дмитрий Петрович назвал в память покойной жены Елизаветы Александровны.

¹ ЦГАОР, ф. 109, оп. 3, л. 2127, л. 12.

² Журналы симбирского губернского присутствия по крестьянским делам. — 1861. — 5 декабря.

Бурные события эпохи падения крепостного права нашли отражение в статье Д. Ознобишина “Дворянские выборы в г. Симбирске”, опубликованной в “Симбирских губернских ведомостях” 17 марта 1862 года при содействии редактора Николая Гончарова, брата автора “Обыкновенной истории”, “Фрегата “Паллада”, “Обломова”. Вот начало статьи Дмитрия Петровича: “Никогда дворянские выборы не были одушевлены и переполнены деятельностью, как нынешние XXVIII... В прежние времена выборы дворянства всегда происходили, как и ныне, во время Сборной ярмарки. После шумных удовольствий масленицы начинаются в это время, между постом и молитвою, мелочные ярмарочные заботы, закупка годовых домашних запасов... Лишь весьма недавно немного пробудило от тяжелого усыпления и уединенной гражданской жизни появление быстро несущихся пароходов по широкому раздолью Волги, омывающей живописные, крутые берега г. Симбирска; но в нынешнем году и масленичные веселости, и прогулки по ярмарке остались на втором плане. Съезд дворянства был огромный и виной тому был крестьянский вопрос, жизненный для губернии, преимущественно земледельческой, служащей обильной житницей для Рыбинска и кормилицей нашей Северной Пальмиры, — произведениями своей благодатной, черноземной почвы. По этой самой причине Положение 19-го февраля в губернии Симбирской, более чем в других губерниях, должно было изменить веками сложившуюся хозяйственно-экономическую физиономию. Симбирская губерния, — продолжал Д. Ознобишин, — доселе процветала при отправле-

нии издельной повинности, что свидетельствуют обширные помещичьи поля ее; она только в весьма исключительных, редких случаях платила оброки”.

Во время этих выборов, продолжавшихся в Симбирске чуть ли не две недели, дворянство губернии обсуждало также проблемы создания земских учреждений управления, земской медицины, земского банка, найма вольнонаемных рабочих... Само собой разумеется, что Дмитрий Ознобишин обсуждал это и в неофициальной обстановке, с близкими по убеждениям деятелями. В числе их были губернский предводитель дворянства отставной штабс-капитан Александр Иванович Ермолов, управляющий удельной конторой, заядлый краевед и просветитель Арсений Федорович Белокрысенко, делопроизводитель губернского статистического комитета учитель естественных наук гимназии Александр Петрович Крыжин, коллега поэта по губернскому присутствию по крестьянским делам Петр Михайлович Грибовский, владелец живописной рощи и имения подполковник в отставке Александр Львович Киндяков, мировой посредник Николай Александрович Крылов (отец советского академика-кораблестроителя), упоминавшиеся ранее Н.Т. Аксаков, А.М. Языков, А.П. Яровой, другие представители просвещенного либерального общества.

Проявлением усилившегося внимания общества к проблемам деревни стала “Выставка сельских произведений в Симбирске”, проходившая со 2 по 16 сентября 1862 года в Доме городского общества (здесь сейчас размещается музыкальное училище). Дмитрий Ознобишин осмотрел каждый из двухсот

экспонатов и с сожалением заметил, что выставка не впечатляет, ибо большинство помещиков не представило экспонатов, а продукция удельных крестьян, которых в Симбирской губернии было больше, нежели крепостных, на выставке вообще не была представлена. И все-таки поэт сказал, что именно было представлено из зерновых культур (пшеница-белотурка, овес, гречка и др.), из плодовых (яблоки — апорт, черное дерево, мальт сладкий и крестовый, анис и др.), из огородных (цветная капуста). Упомянул об отсутствии на выставке “гималайского ячменя, японской гигантской конопли”, китайского сорго, кукурузы, многолетних трав. Были, конечно, представлены водки, вина, мед, пряники и другое.

Перечисляя кустарные изделия, он замечал, что обращают на себя внимание “двойной рогожий куль помещика Ознобишина, красотой и прочностью своей выделки и как единственный представитель такого предмета, которого сотни тысяч выделяются в губернии”. Кожи, выделяемые купцами Егоровым, Кудрявцевым и Ерофеевым “не дурны, но не могли состязаться с казанскими изделиями”. Зато сукна фабрики полковника Селиверстова (с. Румянцево Карсунского уезда) — добротные и дешевые.

Тепло отозвался Д. Ознобишин о модели паровоза, которая довольно живо передвигалась на Дворцовой площади (поэт заметил, что правильнее было бы ее назвать Карамзинской, по величественному памятнику в честь знаменитого бытописателя), изготовленная молодым механиком-самоучкой Голубковым, о часах Вейса с годовым заводом, все детали

которых были изготовлены в его мастерской (на Большой Саратовской улице). “Не менее замечательны были и два топорщица крестьянина Белопухова, которого мастерство вытеснило все подобные заграничные изделия, не только из Симбирской, но и из соседних губерний своею доброкачеством и дешевизной”.

По приглашению купца и “фабриканта машин” Александра Ивановича Зотова поэт осмотрел сельскохозяйственные и иные машины, расположенные под навесами во дворе Дома городского общества. Там были известные в Поволжье 3 почвоуглубителя, “машины для раздавливания конопляного зерна”, ветровой подъемный насос, “корчевальная машина, изобретенная в Архангельске и улучшенная г. Зотовым для вырывания пней от деревьев”, “каreta красного дерева и дорожный тарантас” и др.

Свои впечатления о выставке Дмитрий Петрович изложил в обстоятельном очерке (объемом около полутора печатных листов), опубликованном в неофициальной части “Симбирских губернских ведомостей” 13 и 27 октября. Знаменателен уже эпиграф к нему — латинская пословица “Люблю Платона, но правду люблю еще более”. Но правду излагать в “Симбирских губернских ведомостях”, издаваемых с разрешения вице-губернатора, было невозможно, и Ознобишин значительную часть очерка построил в виде дискуссии с неким скептиком, только что вернувшимся из поездки в Англию. Вот как поэт возражал на реплику своего оппонента о неспособности российского сельского хозяйства перейти на вольнонаемный труд:

“У нас все это внове. Вчерашний раб сделался полноправным гражданином; на него пахнуло животельной свободой. Крестьянин временнообязанный... не слишком нуждается в приискании себе работы, а скудость народонаселения в губернии, по обширности земледельческих запашек дает ему полное право требовать почти ни с чем не соразмерную плату за свой обычный труд, который прежде ни во что не ставился. Это древний закон возмездия! Око за око, зуб за зуб!” Добавив далее, что недаром кто-то из поэтов сказал:

...Когда ж была

Без жертв искуплена свобода?

Дмитрий Петрович страстно отстаивает необходимость перехода к вольнонаемному труду: “Но горе беззаботным и привыкшим к барству! Наша повседневная жизнь должна совершенно измениться. Поменьше затей и роскоши и поболее бережливости! — вот самая верная аксиома для исхода. Новые преобразования избавят нас от многолюдной дворни, которой содержание нам очень дорого стоило, чего мы при крепостном праве не замечали, потому что труд крестьян был даровой.

Будем меньше делать запашек, кое-как отработываемых, — продолжал поэт, — будем мы с гораздо большим старанием возделывать меньшее количество земли, но призовем в помощь науку, которая укажет нам и благотворный состав компоста для нашей почвы потребный, и рациональный способ обработки, и переход от старой трехпольной системы к новой многопольной, и постепенную замену рук сельскохозяйственными машинами!

...Наконец, обращаюсь к самому тебе, — продолжал Ознобишин полемику с приятелем-оппонентом, — и прошу тебя дать мне откровенно ответ, положая руку на сердце: ужели ты станешь сожалеть, проживая несколькими тысячами менее за границу, или дома, когда в благородной груди твоей, собственный голос твоей совести, — этот неподкупный обличитель каждого, в ком не потеряно высокое чувство любви к человечеству, громко говорит тебе, что временной жертвы требовало возрождение нового сословия твоих меньших братьев, приобретших права гражданства после двухвекового несправедливо-угнетавшего их рабства?.. Я знаю, что ты далеко не защитник крепостного состояния; да надобно быть очень отсталым, чтобы решиться восхвалять то доброе, патриархальное время помещичьего быта, в котором был такой широкий разгон для произвола! Мы, как наши отцы, не можем и не должны хвалить старого времени годов Екатерины, над барством как уже, втихомолку посмеялся Грибоедов в своей бессмертной комедии! Новая блестящая эра будущности открыта пред нами, — эра отрешения от сухого эгоизма и призыв к деятельности на пользу общую, без различия сословий”.

Защищая проводимую в России крестьянскую реформу от нападков слева (от “безумных голосов с того берега жалких рыцарей печального образа”, то есть от А. Герцена и Н. Огарева. — Ж.Т.), Ознобишин с сарказмом отзывается и о сопротивлении реформе крепостников: “На тупоумный страх бывшего рабовладельца оно (правительство. — Ж.Т.) ответило полноправным освобождением сословия

под сенью мировых учреждений”. Дмитрий Петрович, которому некоторые авторы приписывают “успешные финансовые операции по откупам”, одобрил отказ правительства от откупов и переход к акцизной системе, то есть к контролю государства над производством и продажей алкогольных напитков. Весьма показательно ознобишинское отношение к изменениям в издании “Симбирских губернских ведомостей”: если “в доброе старое время обломовщины” в них “печатались только одни статьи о приезде и отъезде лиц, останавливающихся в гостиницах или о торгах в губернском правлении и, следовательно, читать там было нечего”, то теперь в газете печатаются и неофициальные публикации, отражающие и общественную, и частную жизнь. В конце своего очерка о выставке, которую он назвал “первинкой”, поэт выразил уверенность, что следующая, в более благоприятное время, будет разнообразнее и богаче. И с каким оптимизмом Дмитрий Петрович в теплый сентябрьский вечер 1862 года любовался живописнейшей панорамой, открывавшейся с Венца:

“По широкой зеркальной поверхности Волги баржевые пароходы осветились разноцветными фонариками, горя в отдалении яркими отливами изумруда и яхонта! И над всею этой величественной панорамой лежало широким пологом темно-голубое небо с мириадами серебряных звезд, между которыми сияли, неподалеку от созвездия Малой Медведицы, три звездочки, Петровым Крестом в народе именуемые, видимые на небе при разных часах ночи, то в вертикальном, то в горизонтальном положении, но всегда неразлучные, всегда ясные, как

символ трех земных радостей: Веры, Надежды и Любви! — три звездочки, к которым люблю я уноситься моею тихою думою, помышляя о других отдаленных, но близких моему сердцу”.

В РОЛИ ИСТОРИКА СИМБИРСКА

Секретарь симбирского губернского по крестьянским делам присутствия Александр Егоров, вспоминая о своих коллегах, “великодушно посвятивших свои силы” делу ликвидации крепостничества, в числе немногих назвал Д.П. Ознобишина. “Как сейчас вижу этого небольшого роста старичка в очках в золотой оправе, — говорится в мемуарах Егорова, — в длиннополом сюртуке старого покроя, всегда чистенького и аккуратного, покудивавшего папиросы из ныне, кажется, уже не существующего табака мариланду приторно-ароматного запаха. Писал он свои доклады всегда четким и бисерным почерком и, помню, не раз возмущался неправильностью некоторых оборотов и выражений в русской речи”¹.

Эти строки появились в печати спустя полвека, после того как Егоров покинул Симбирск, а память сохранила образ Дмитрия Петровича середины 1850-х годов, когда тот еще не оправился после второй личной трагедии и последствий страшного пожара, истребившего большую часть центра города и собственный дом поэта. В начале же 1860-х годов Дмитрий Петрович переживал вторую молодость: после

¹ Егоров А.Е. О Симбирске (1862—1866). // Исторический вестник. — 1912. — №1. — С. 66.

почти пятнадцатилетнего вдовства он женился в Петербурге на Таисии Константиновне Кадомцевой, внучке знаменитого адмирала Сенявина. Уж если эта хорошо образованная девушка, являвшаяся чтицей императрицы, будучи моложе избранника без малого на тридцать лет, согласилась сменить столицу на жизнь в далеком Симбирске, то, очевидно, Дмитрий Петрович очаровал ее, и не только как поэт, но и как умный собеседник, и как симпатичный джентльмен. И когда Дмитрий Петрович намеревался в очерке о Симбирской выставке, что он любит уноситься “тихою думою” о близких его сердцу, то это признание с полным правом можно отнести к Таисии (поэт звал ее Терезой) Константиновне. В связи со службой главы семьи в губернском присутствии по крестьянским делам, проходившей в течение круглого года, чета Ознобишиных проживала не в Троицком, а в Симбирске, в собственном доме на Панской. Здесь же жил после увольнения по собственному желанию с должности мирового посредника и сын поэта титулярный советник Иван Дмитриевич Ознобишин.¹

Из протоколов заседаний губернского присутствия по крестьянским делам видно, что и в 1862-м, и в первой половине 1863 года Дмитрий Петрович исправно участвовал в работе этого учреждения. Что касается литературного творчества, то он, с детства любивший историю, стал больше уделять времени историческому краеведению, нежели занятиям поэзией. Когда в июне стало известно о путешествии по Волге наследника престола цесаревича Нико-

¹ Симбирские губернские ведомости. — 1862. — №37.

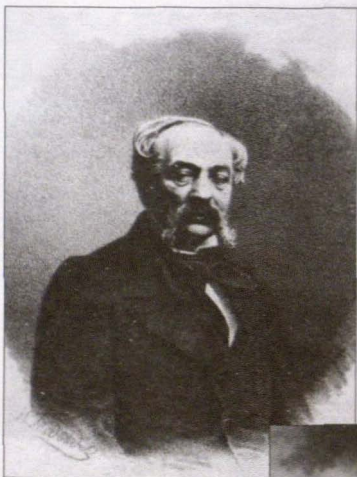
Д. П. Ознобишин

Д.П. Ознобишин

Вторая жена поэта
Таисия Константиновна

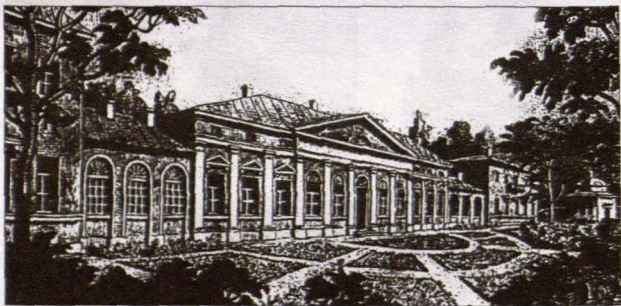
Сын поэта от первого
брака И.Д. Ознобишин

Дочь поэта от второго брака
Елизавета Дмитриевна

Д.П. Ознобишин (справа) с И.Ф.
Базилевским, мужем сестры Варвары

Дом Ознобишиных в селе Троицкое

Раич С.Е.

Тючев Ф.И.

Одоевский В.Ф.

Погодин М.П.

Титов В.П.

Шевырев С.П.

Вяземский П.А.

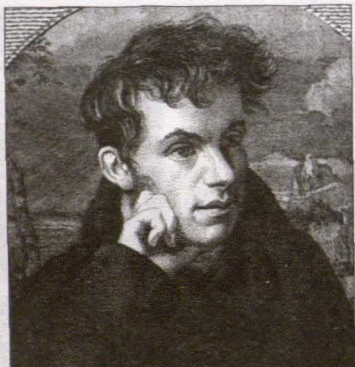
Лермонтов М.Ю.

Пушкин А.С.

Карамзин Н.М.

Жуковский В.А.

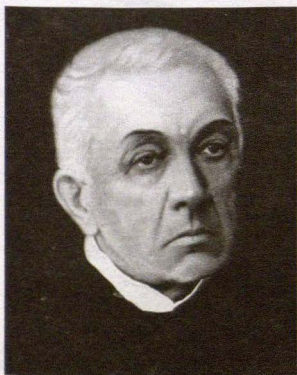
Веневитинов Д.В.

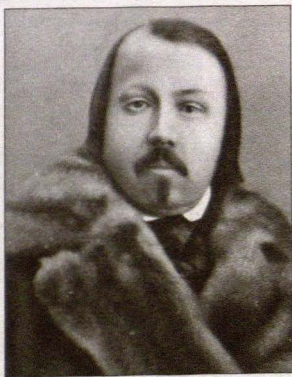
Дмитриев М.А.

Языков Н.М.

Языков А.М.

Языков П.М.

Гончаров И.А.

Гончаров Н.А.

Аксаков Н.Т.

Горизонтов А.П.

Дом Языковых

Дом Гончаровых

Дом Дворянского собрания с Карамзинской
общественной библиотекой

Здание присутственных мест

Памятник Н.М. Карамзину

Дом городского общества

Александровская и Городская больницы

Дом Управления Симбирского Удельного Округа

Дом губернатора

Гостиный двор

Губернская гимназия

Дом Пустынникова (в центре)

лая Александровича и предстоящей в июле его двухдневной остановке в Симбирске, он так охарактеризовал лихорадочную подготовку города к визиту августейшего гостя: "Он кокетливо наряжался, убирал свои площади, сады и бульвары, мостил улицы, подновлял тротуары, исправлял и ветхие стены, и потемневшие от времени дома свои, готовил блестящую иллюминацию... Народонаселение Симбирска возрастало не по дням, а по часам. Казалось, вся губерния прилиwała к своему центру". Готовил свой подарок и наш поэт: "Исторический очерк г. Симбирска", написанный им самим красивым почерком в тетради с кожаным переплетом. На титульном листе указаны все его звания — "Действительный член императорских обществ: московского "Любителей российской словесности", казанского "Любителей словесности" и королевского "Датского общества Северных Антиквариев".

В Пушкинском Доме мне довелось держать в руках черновой экземпляр ознобишинского "Исторического очерка г. Симбирска", и я с удовлетворением отметил, что это — научно добротный труд известного поэта, в котором использована обширная литература: "Топографическое описание губернии Симбирской" Т.Г. Масленицкого, составленное в 1785 году, статистическое обозрение из "Памятной книжки Симбирской губернии на 1862—63 годы", "Описание симбирского Спасского девичьего монастыря" К.И. Невоструева, статьи из "Симбирских губернских ведомостей", карамзинская "История государства Российского", "Географический словарь Российского государства" А. Щекатова, "Исторические очерки русской народной словесности" Ф. Буслаева.

Опираясь на эти издания, а также на летописи, Дмитрий Петрович, превосходный стилист, легко мог бы составить компилятивный очерк, нечто вроде популярного путеводителя. Но поэт привык делать все основательно, изящно и оригинально. Так, взяв эпиграфом своего очерка пушкинские слова

“Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой”,

Ознобишин обращается к предыстории Симбирска и приводит сведения из летописей о том, что раньше этот край был покрыт дремучими лесами, а его коренными обитателями являлись мордва и чуваша. Подтверждение верности летописей он находит в труде Т. Масленицкого, в котором говорится, что только в Симбирском уезде в 1780-х годах адмиралтейские чины насчитали 511744 дубовых дерева, годных к “корабельному строению”.¹

А вот в рассказе о коренных обитателях Симбирского края он применил свои обширные лингвистические знания и перо художника.

“Мордва жительствоваала по берегам реки Суры, — пишет он в очерке, — и в древности именовалась Меря (так что Симбирская губерния, по примеру Американских Соединенных Штатов, может похвалиться, что имела свой Мериланд), сами же они именовали себя Моря и Мокша. Чуваша располагались по берегам Волги и Свияги; сами они называли себя биярами, а от русских (по графу Боогарду) нарекались болгарами. Обоим этим народам неправильно приписывают индийское происхож-

¹ Исторические очерки русской народной словесности. Соч. Ф. Буслаева. СПб., 1861. — Ч. I. — С. 359.

дение, скорее они были скандинавского или финского племени, что свидетельствует и название их города Боогард, окончание которого чисто скандинавское: гард — дом, жилище, и название скандинавских городов: Гимнгард, Асагард, Нотнагард, наконец, имя их города Боогард означает на языке скандинавском город из городов или столица.

Подтверждает это и поклонение их Тору, скандинавскому божеству грома, как силе сокрушительной и вместе с тем плодотворной, способствующей произрастанию земных плодов (см. "Исторические очерки русской народной словесности. Соч. Ф. Буслаева. СПб, 1861, Ч. 1, с. 359").

"Третий народ, впоследствии заселявший этот край, — говорится далее в "Историческом очерке", — были татары, явившиеся в XIII столетии, как завоеватели. Вместе со своею верою внесли они и язык свой, отчего и наречия первобытных поселенцев, перемешавшись с ним, потеряли природный колорит... Были в прежней Симбирской губернии и калмыки, вышедшие из Зюнгарии (Джунгарии. — Ж.Т.) и кочевавшие между Уралом и Волгою, коих часть в 1737 году переведена была в Ставропольский уезд; наконец, находились также кизылбаши и персияне, бежавшие из киргиз-кайсадского плена и селившиеся в XV столетии; но их количество было невелико и влияние ничтожно (См. "Географический словарь Российского государства" Афанасия Щекатова. Москва, 1807 г., Ч. 5, с. 974)".

Относительно основания Симбирска, Дмитрий Петрович, как и его предшественники, считал, что город в 1648 году основал "Богдан Хитрово с товарищи". Непосредственными создателями крепос-

ти были “посошные люди низовых городов, с русских с пяти, а с ясашных с трех дворов по человеку”, которые и составили первоначальное население города, причем “русский язык в нем сохранился во всей чистоте своей”.

Подчеркнув, что Симбирск расположен между Волгой и Свиягой, текущими в противоположных направлениях, Ознобишин облачает эту географическую особенность в поэтическую форму: “Высокая гора, на которой разместился город и простирающиеся от сей горы вверх по Волге отроги, или увалы препятствуют сим двум рекам слиться между собою, хотя у города Симбирска они и близко подходят друг к другу; долго они бегут параллельно, и только за сто верст далее, на севере, река Свияга, как бы утомившись от бега, падает в Волгу.

Лесистое, уединенное место и живописные виды с горной вершины, — продолжал Дмитрий Петрович, — без сомнения были побудительными и главными причинами, привлечшими сюда монашескую братию. Бедные инокини избрали эту местность для основания Спасского девичьего монастыря, существовавшего прежде самого города, или, по крайней мере, ему современного”.¹

Беспощадная рука времени, по словам Ознобишина, изгладила на Венце, где расположился “город, или кремль”, его крепостные укрепления, и он набрасывает общий вид Симбирска по данным труда Масленицкого: “Вокруг этого города был посад, обведенный стеною, рвом и валом; позади этой стены находился острог. Бедные остатки этих укреп-

¹ Ознобишин Д.П. Исторический очерк г. Симбирска. — л. 12.

лений, по свидетельству старожилов, видны были и в начале нашего столетия. Крепость, стоявшая на горе, была квадратная, четверугольная, длиною во все стороны в 200, а в окружности 800 сажен, и находилась по прямой линии в 500 саженях от реки Волги. Окраина этой крепости шла по Вёнцу горы от здания, ныне упраздненного батальона военных кантонистов (госпиталя ветеранов войн. — Ж.Т.) до настоящего архиерейского дома (северного фасада педуниверситета. — Ж.Т.) и опускалась в противоположную сторону, к церкви св. Ильи Пророка, где, согласно преданию, были Спасские ворота крепости”.¹

Кремль и опоясывавшие его укрепления верно сослужили свою службу во время осады в октябре 1670 года 20-тысячной повстанческой армии Степана Разина. “Остался Симбирск верным присяге и во время “Пугачевского бунта”, — пишет Ознобишин. За эти заслуги, по его мнению, Симбирская губерния удостоилась герба, в котором стоящий в поле белый столб с короною на нем символизирует, мол, особое положение здешнего дворянства.

Повествуя о развитии города после того, как он стал губернским центром, Ознобишин в сжатом виде упомянул о всех важнейших событиях его истории: открытии в 1786 году главного народного училища, в 1809 — гимназии, в 1832 — епархиального управления, в 1845 — памятника Н.М. Карамзину, в 1848 — Карамзинской общественной библиотеки, о развитии городской Сборной ярмарки, о посещениях Симбирска Петром I, Екатериной II, Алексан-

¹ Ознобишин Д.П. Исторический очерк г. Симбирска. — л. 12.

дром I, Николаем I, другими членами династии Романовых.

Не забыл он сказать и о своих выдающихся земляках: “В Симбирской губернии родились: сказочник и баснописец, бывший министр юстиции И.И. Дмитриев, родной племянник его М.А. Дмитриев, известный как поэт и переводчик Горация, российский историограф Н.М. Карамзин и лирический поэт Николай Михайлович Языков, которого старший брат Петр Михайлович, также умерший, известен как геолог, а третий, А.М. Языков, ныне живущий, — один из главных виновников учреждения Карамзинской общественной библиотеки, которая ему обязана и значительными книжными вкладами, и постоянным просвещенным содействием, — симбиряне и ныне с любовью указывают на те дома, в которых жили эти замечательные личности”.¹

Этот перечень можно было расширить за счет таких известных в стране имен, как И.А. Гончаров, Д.И. и Д.Д. Минаевы, Д.В. Григорович, Ф.М. Дмитриев, но Дмитрий Петрович по каким-то причинам воздержался от упоминания имен здравствовавших литераторов.

В приложении к “Историческому очерку” помещен составленный в хронологическом порядке “Дневник Симбирский”, в который вошли, начиная с основания Спасского девичьего монастыря и Симбирска и включая 12 июля 1863 года — день посещения цесаревичем Николаем Александровичем, основные события в жизни города за два с четвертью столетия. Если сравнить составленную Оз-

¹ Ознобишин Д.П. — Указ. соч. — л. 26.

нобишинным хронологию с известным “Хронологическим перечнем Симбирской губернии”, изданным в 1901 году В.Э. Красовским, то даже опытный краевед найдет у поэта любопытные для себя факты. Вот некоторые из них:

“1768, сентября 22. Пребывание в Симбирске академика Палласа, положившее основание к изучению геогнозии по Симбирской губернии”.

“1808, октября 9. Открытие Симбирской удельной конторы, и первым управляющим оной был г. Филатов”.

“1853, февраля 15. Открытие в Симбирске при Дворянском доме вечернего дворянского собрания (клуба. — Ж.Т.)”.

“1859, декабря 27. Открытие в Симбирске мариинского женского училища 2-го разряда”.

К “Историческому очерку г. Симбирска” Дмитрий Петрович приложил выполненную в красках старинную карту “Царства Казанского”, а также выписки из “Топографического описания губернии Симбирской” Т.Г. Масленицкого.

Воскресным утром 14 июля 1863 года поэт передал тетрадь с “Историческим очерком г. Симбирска” великому князю (через его секретаря графа С.Г. Строганова). Но сам Дмитрий Петрович рассматривал этот труд как первую часть задуманного, а вторую — очерк “Пребывание Государя Цесаревича Николая Александровича в Симбирске” — он уже готовил для “Симбирских губернских ведомостей”. И работа шла споро: уже 27 июля в газете появилась первая из трех публикаций, но подписанная псевдонимом “Борисов”.

Этот рассказ тогда же был издан брошюрой (56 стр.), один из экземпляров которой ныне находится в нашей областной научной библиотеке. Написан он поэтом живо и занимательно, и вместе с тем так достоверно, что по праву стал одним из источников истории пореформенного Симбирска. Для краеведов, в частности, важны описания церемоний встречи и проводов великого князя на волжской пристани, представлений ему военных и гражданских чиновников, дворянства, купечества, ремесленников, смотра военного гарнизона, справки об учебных заведениях, в которых побывал августейший гость, о конных скачках на ипподроме и т.п. Небезынтересны и отдельные эпизоды, скажем, вручение купечеством цесаревичу живого осетра весом в два пуда и “длиной девяти четвертей”; или награждение высоким гостем купца-фабриканта А.И. Зотова “богатым бриллиантовым перстнем”, а юного механика Н. Горбунова — серебряными карманными часами. Представляют интерес описания Старого Венца, сделанные Ознобишиным, с указанием мест, где находились дом и усадьба Карамзинных.

Тем летом, не без подстрекательства Англии и Франции, происходили крупные волнения в Царстве Польском, и Дмитрий Петрович затронул эту тему в рассказе о пребывании цесаревича. Небезынтересно в связи с этим привести его реплику по поводу высказываний зарубежной прессы о “русских варварах”: “Нас зовут варварами; но по одному слову Царя упали оковы рабства с миллионов тружеников! Мы варвары по понятиям Запада, а там, за синим океаном, в Новом Свете, народ обра-

зованный льет кровь реками за выполнение той же самой вольности...”.

В ознобишинский очерк, посвященный пребыванию великого князя в Симбирске, вошли воспоминания, которые вносят новые штрихи и в его собственную биографию. Оказывается, в 1846 году по просьбе управляющего Департаментов Уделов графа Л.А. Перовского Дмитрий Петрович осмотрел “все удельные фермы и училища Симбирской губернии”, и, надо полагать, осмотрел не как турист. А вот эпизоды, относящиеся к путешествию поэта по Европе в 1846—1847 годах. Во время осмотра в Генуе выставки во дворце короля Сардинии его особенно поразили картины “бессмертного Ван-дика”. А во время плавания от Неаполя на остров Мальту разыгралась такая двухчасовая буря, что и в последующие два дня море продолжало “сильно колыхаться!”

Итак, только за 1862—1863 годы поэт написал целую серию краеведческих статей и очерков: “Дворянские выборы в Симбирске”, “Описание симбирской выставки сельских произведений 1862 года”, “Исторический очерк г. Симбирска”, “Пребывание Государя Цесаревича Николая Александровича в Симбирске”. Немаловажную роль в обнародовании этих и некоторых других работ сыграл редактор неофициальной части “Симбирских губернских ведомостей” Николай Александрович Гончаров. Он и послал в июне 1863 года одну из статей Дмитрия Петровича своему брату-романисту, редактировавшему петербургскую газету “Северная почта”, для публикации. Иван Александрович, гостивший в 1862 году в родном городе, конечно же, был знаком с

прозаическими выступлениями поэта. Но в письме от 6 июля 1863 года сообщил брату в Симбирск, что статью Д.П. Ознобишина напечатать было неудобно по причине ее опоздания, а сам он уже не редактирует “Северную почту”.¹

ПРИШЛА БЕДА — ОТВОРЯЙ ВОРОТА

Весь рассказ о пребывании Цесаревича Николая Александровича в Симбирске был написан Дмитрием Ознобишиным в мажорном тоне. Особо приподнятое настроение поэта понять нетрудно: в ближайшие недели жене предстояло разрешиться от бремени. И такой момент настал в 10 часов утра 22 августа 1863 года, когда в присутствии приехавшей из Петербурга тещи Елизаветы Андреевны Кадомцевой Таисия Константиновна родила девочку, которую нарекли в честь бабушки Елизаветой. Но отцовское счастье омрачилось тяжкими страданиями супруги, которая, несмотря на все усилия врачей, утром 25 августа скончалась.² Вскоре после крестин теща увезла девочку вместе с кормилицей в Петербург. Новый удар судьбы Дмитрий Петрович переживал очень тяжело, и весной следующего года в письме к теще он горестно заметил: “...Как все изменилось! Куда девались и веселья, и радости, и предположения в будущем!.. Все унесло порывом бурного вихря, унесло безвозвратно!”³

Сникла и творческая активность: в течение трех с лишним последующих лет поэт не передаст в

¹ Новое время. — 1912. — № 18038. — Приложения.

² Месяцеслов на 1863 год.

³ Ознобишин Д.П. Стихотворения. Проза. — Т. 2. — С. 365.

печать ни одного стихотворения, ни одного прозаического труда. Но и те, которые оказались в его личном архиве, написаны в связи с печальными событиями. 16 мая 1864 года, во время пребывания у тещи, он откликнется на кончину в Париже друга юности профессора С.П. Шевырева стихотворением “Северный соловей”, а в апреле 1865-го — стихотворением “Роковая весть” — на смерть 22-летнего Цесаревича Николая Александровича, которому он подарил “Исторический очерк Симбирска”.

Но осенью 1863 года, несмотря на кровоточащую душевную рану, Дмитрий Петрович по-прежнему три-четыре раза в неделю участвовал в работе губернского присутствия по крестьянским делам. Большая часть времени уходила на утверждение уставных грамот, составлявшихся мировыми посредниками. Немало жалоб поступало от простых сельчан. Так, 18 ноября 1863 года Д. Ознобишин участвовал в обсуждении жалобы крестьян села Жигули на помещика графа Орлова-Давыдова, присланной из царской канцелярии. В ней говорилось, что граф “отрезал от них самую лучшую землю, которой они владели искони и которой одной только и кормились. До сего времени они предполагали, что помещик сделал это временно, но теперь они ясно видят, что он устроил такую хитрость, собственно, для того, чтобы самую лучшую землю у них отнять и оставить самую худшую и вовсе не удобную... так что, пользуясь этой землей, они отказываются нести те повинности, которые будут возложены на них по Положению.”¹

¹ Журналы... на 1863 год. — № 110.

А 8 января 1864 года, из-за того, что П.М. Грибовский “по домашним обстоятельствам” оказался не в состоянии провести дознание о действиях мирового посредника Шалимова, члены губернского присутствия, во главе с губернатором М.И. Анисимовым, попросили Д. Ознобишина взять на себя это дело, и поэт провел его. А 10 февраля, по возвращении из командировки, Дмитрий Петрович ходатайствует о выдаче ему “37 руб. 80 коп. за 378 верст прогонов, употребленных им на проезд в Ардатов и село Адоевщину Ардатовского уезда и обратно при производстве местного дознания”.¹

Из протоколов заседаний присутствия видно, что он участвовал в них и весною, и летом. А лето выдалось чрезвычайно знойное, засушливое, что способствовало серии разрушительных пожаров. 13 августа на Дворцовой улице загорелись дома купца М. Андреева, а затем огонь перекинулся на соседние — здание Городской думы и особняк Языковых на Спасской улице. Усилиями пожарной команды и каретника Голубкова огонь к вечеру удалось погасить. Но ночью сгорели двухэтажные дома купцов Репьева и Кирпичникова. Поэт так прокомментировал эти происшествия: “Оба дома сгорели по недостатку в воде и негодности пожарных труб: четыре из числа их сломались на этом пожаре”.

День 14 августа прошел сравнительно спокойно, но вечером огромное зарево осветило весь город: горела Лосевая улица и прилегающие к ней базар и торговые помещения. Состоявшееся вечером 15 августа в городской думе собрание домо-

¹ Журналы... на 1864 год. — № 13.

владельцев разработало меры для предотвращения новых пожаров. Вот как они изложены Ознобишиным в "Рассказе семейном, не для печатного обнародования": "...Два или три владельца из людей благонадежных были присоединены к обходу (солдатскому и полицейскому патрулям. — Ж.Т.) по каждой части города выписка новых благонадежных пожарных труб, наемка сотни рабочих постоянных для бытия на пожарах с баграми, топорами, ведрами и проч., освещение города фонарями в темных улицах, запрещение ходить ночью по тротуарам, а только по середине улицы, увеличение платы водовозам."¹

В полдень 16 августа в городскую думу явился губернатор, который рекомендовал наполнять "уличные чаны водой", использовать "холщевые щиты для покрывки соседних от пожара строений и прочее".

Вечером 16 числа загорелся дом купца Завьялова на Большой Саратовской улице, а затем огонь перекинулся на соседние здания. Пожар с трудом удалось остановить, а днем 17 августа вспыхнуло здание купца Беляева на Покровской улице, за ним запылало "много других домов". Чудом уцелел лишь дом С.П. Глинки. А днем 18 числа пожар вспыхнул на набережной Свияги, чуть позже загорелись Стрелецкая, Мартыновская, Шатальная улицы...

"Горели уже не дома, — рассказывал Д.П. Ознобишин, — а целые кварталы объаты были пламенем. Тут погиб и прекрасный архиерейский дом

¹ Отчет о деятельности СГУАК за 1904 год. — Симбирск, 1905. — С. 39.

с домовою крестовою церквью, дом, некогда принадлежавший богатому роду Ивашевых, консистория, дом А.М. Языкова... Вечером того же злополучного дня уже пылали градская дума..., дом купца Хапкова..., прекрасный дом В.П. Языкова (на Спасской улице. — Ж.Т.)... Пылала вся Казанская улица.” На следующий день бурный ураган, крутивший все, что попадалось ему навстречу, разнес огонь от дома Голубкова: “Горели тротуары, пылали стены, обнимались ярким пламенем улицы Панская и Чебоксарская. Горели каменные ряды, склады с вином и спиртом. Горела Конная. Позднее запылал дом губернаторский со своей обширной канцелярией, с губернским по крестьянским делам присутствием, где истреблено огнем более тысячи уставных грамот. Горел великолепный Дом дворянства... с Карамзинской библиотекой... Горели присутственные места с губернской чертежною, казенная и уголовная палата со своими делами и архивами, казначейство... Горели гимназия, благородный пансион, Елизаветинское и Мариинское училища, Спасский женский монастырь, Вознесенский собор... Горел комиссариат с огромным складом сукон... Обширные провиантские амбары с хлебом... Горели лучшие дома частных людей, аптеки, мясные ряды, погреба, пекарни и булочные. Одним словом, — продолжал Ознобишин, — все слилось в необъятное все пожирающее пламя, в котором при пороховых взрывах (я насчитал их до трех) заглушались и крики, и стоны, и вопли жертв погибавших”.

Сам поэт с домочадцами накануне перебрался из своего дома на Панской на Александровскую площадь, где по соседству с больничными корпуса-

ми, огромным цыганским табором под открытым небом, нашли прибежище шесть тысяч горожан.

20 августа многие горожане покидали город “сучопутно” и на пароходах. “В этот день, — вспоминал Дмитрий Петрович, — перед выездом моим из Симбирска (за большие деньги достал я себе лошадей) заехал я в опустелый дом мой. Стены его были голы. Ни стола, ни стула. Одни изразцовые печи выдавались наружу, резкою белизною своею отделяясь от темных стенных обоев. На паркетном глянцева-том полу валялись кое-какие забытые второпях коробки. Из цельных зеркальных бемских стекол, вставленных в дубовые полированные оконные рамы с бронзовыми петлями и задвижками, виднелось вокруг по улицам страшное пожарище. Но ни души человеческой! Все как будто вымерло. Здесь с семьей моей напился я в последний раз чаю, сидя на окнах, и, помолясь Богу, со слезами на глазах простился я с моим мирным уголком, который не суждено уже было мне видеть. Не спасли его и деньги, оставленные мною смотрителю дома для наемки рабочих и водовозов; ничтожные средства пожарной команды я видел. Через день после моего отъезда пожар до тла истребил его.”

21 числа пожар вспыхнул на Большой Конной, но, уничтожив несколько домов, остановился, пощадив, по словам поэта, “не лучшие дома, может быть какую-нибудь седьмую долю, как будто бы для того, чтобы они свидетельствовали будущим временам о том несчастном событии, которое испепелило город Симбирск, пострадавший в мирные дни свои более, чем Севастополь от ополчившейся Европы, и вынесший с меньшими потерями бунты Степана Разина и пугачевщины”.

В конце описания пожара Ознобишин коснулся слухов о виновниках этого страшного бедствия. “Общий говор винит поляков. Но это еще не раскрыто, хотя толков и много. Общественное мнение порицает размещение польских новобранцев между добрыми русскими солдатами.” Эти строки были написаны 23 августа, то есть сразу же по прибытии поэта в Троицкое. А 25 сентября он сделал приписку о том, что в этот день в Симбирск прибыл генерал-адъютант барон Врангель, раздававший царские пособия и совершивший казнь над двумя поджигателями. “Вся Россия, полная сочувствия, подает руку помощи погорельцам, отовсюду льются обильные приношения... Прибытие по Высочайшей воле сенатора Жданова для раскрытия злоумышленников уже есть верное ручательство, что они будут обнаружены и не избегнут законной казни.”

Свой рассказ поэт заключил стихотворением “Симбирск после пожара в августе 1864 года”, начинающимся с описания картины опустошения:

Ряды сожженных стен, развалины церквей,
И куполы без глав соборов,
Пустые улицы без зданий, без заборов,
Необозримых пустырей,
Где жизнь кипела, — вот для взоров
Былого города погибших мавзолеей!
Уж осень на дворе: дождь, слякоть и мороз,
В землянку кроется страдалец бесприютный,
Повсюду скорбь и очи полны слез,
И нищего встречаешь поминутно...
Все выжжено огнем, злодейскою рукой,
Здесь полный был разгул для мстительного ляха!
Врасплох застигнутый бедой,
Два века пережив, подымется ль из праха
Симбирск, поникший головой?

Замечу, что слухи о поляках-поджигателях не получают документального подтверждения. А вот уверенность Ознобишина, что Симбирску поможет вся Россия, — оправдалась. Особенно он радовался помощи Белокаменной:

Первопрестольная откликнулась Москва,
К нам братски простирает руки,
И мнится, льются к нам из уст ее слова,
Как бы пророческие звуки:

“Мужайся и крепись, мой нареченный брат!

Была не раз, как ты, я в огненной купели,

Но сорок сороков церквей моих гудят

Звучней, чем в старину гудели...

Меня терзал и лях, в меня вломился галл,

Ведя Европу за собою...

Вспылала я... И вот унес, девятый вал

На скалы, в глубь морей забытого судьбою...

А Кремль мой цел стоит... Дни бедствия прошли...

Гляжу в грядущее с надеждой и без страха ...

Дворяне, лишившиеся во время пожара жилья, перебрались либо в свои имения, либо в другие города Поволжья, а то и в столицы. Менее состоятельные симбиряне снимали меньшее жилье в уцелевших местах города. Простые обыватели устраивались либо в наскоро вырытых землянках, либо в подвальных этажах сгоревших каменных зданий.

Дмитрию Ознобишину повезло, ибо он с домо-чадцами нашел приют в квартире старшего врача Александровской больницы Николая Александровича Глассона. Само собой разумеется, что доктор медицины приютил поэта отнюдь не из-за меркантильных соображений: несмотря на большую разницу в возрасте (врач был моложе на 26 лет), их давно связывали дружеские отношения.

Присутствие по крестьянским делам со своим председателем губернатором обосновалось в просторном каменном доме Бычковых, расположенном на Покровской улице, недалеко от Соборной площади. Сюда на коляске три-четыре раза в неделю являлся на службу Дмитрий Петрович. А сын, Иван Дмитриевич, оставался в Карсунском уезде, где был избран почетным смотрителем уездного училища.

Добросовестное исполнение Дмитрием Петровичем обязанностей члена губернского по крестьянским делам присутствия 14 августа 1865 года было отмечено в царском приказе награждением орденом Св. Анны 2-й степени. В это время поэт представил в губернский статистический комитет свою “Программу сбора статистических данных по Симбирской губернии”, в которой так нуждались различные учреждения и общества.

Свидетельством общественного признания стало единогласное решение губернского земского собрания от 22 февраля 1866 года об избрании Д.П. Ознобишина и П.П. Мещеринова членами губернского училищного совета. А в марте годовичное собрание Общества сельского хозяйства избрало П.П. Мещеринова своим председателем, а Д.П. Ознобишина, А.П. Языкова, А.А. Астраханцева и некоторых других — членами правления.

С почти двухгодичной задержкой — 16 июля 1866 года — Дмитрий Петрович, по должности члена присутствия по крестьянским делам, был награжден чином статского советника (приравниваемого к воинскому званию “полковник”).

Казалось, что жизнь входила в нормальное русло: город, получивший значительные средства из

многих мест и учреждений России, быстро восстанавливался, становился даже краше прежнего; служебная и общественная деятельность поэта проходила сравнительно успешно, стабилизировалась семейная обстановка. Но в июле эпидемия холеры, начавшаяся на юге страны, докатилась и до Симбирска. Из 37 заболевших к 29 числу умерло 11 человек. Город был разбит на участки, во главе которых были попечители, создавались временные больницы и бараки, проводились мероприятия по дезинфекции мест общественного пользования, устанавливались баки с кипяченой водой и т.п. Руководство губернским комитетом общественного здоровья осуществлял инспектор врачебной управы 47-летний "доктор медицины и хирургии" Василий Федотович Евланов.

Не преминул откликнуться на эпидемию и Дмитрий Петрович, написав довольно большое стихотворение "Холера". Напомнив, что болезнь не поражает тех, кто соблюдает известные меры предосторожности ("плодов не есть!" и др.), поэт иронизирует над теми, кто:

Живет себе, как прежде жил,
Весь день в трудах и пьет, что пил;
А вечером, чтоб не скучать,
Садится в ералаш играть.
Смеется в клубе, за столом,
Как счет гробам ведут кругом,
И добавляет в свой рассказ:
"Что пульс не бил, а прожил с час;
Что всем инспекторам давно
Холерой кончить суждено!"
От множества таких идей
Невольно будешь веселей!..
О чем и плакать, господа!

Холера, право, не беда!
В груди откинем детский страх;
Есть Бог — зиждитель в небесах;
Он нашей властвует судьбой;
К нему с усердною мольбой!
Ему лишь вверитесь вы,
И волос не спадет с главы!..

К сожалению, одним из инспекторов, которым “холерой кончить суждено”, оказался хороший знакомый поэта. О нем Ознобишин сделал помету в конце стихотворения: “В самый разгар холеры умер от простуды и невоздержания инспектор Симбирской врачебной управы г. Евланов в сильнейших припадках холеры, страдая только несколько часов”.¹

Хотя эта приписка и носит критический оттенок, но, в общем, Дмитрий Петрович с большим уважением относился к так рано ушедшему из жизни доктору и полезному общественному деятелю, которого знал по работе в губернском статистическом комитете. В Симбирске помнили и то, что в 1865 году по инициативе В.Ф. Евланова при городской больнице врачи проводили бесплатный прием больных из малоимущих семей.

Неудачно закончилась в этом году одна из инициатив Дмитрия Петровича. Исходя из передового опыта земледелия, он составил “Таблицу лучших луговых и кормовых трав, которые могут быть с пользою употреблены в сельском хозяйстве” и сдал ее секретарю губернского статистического комитета М.В. Арнольдову с просьбой о публикации ее в “каком-нибудь издании комитета”. И хотя Д. Оз-

¹ Ознобишин Д.П. Стихотворения. — М., 1992. — С. 305.

нобишин использовал в своей статье и таблицу почв Симбирской губернии, составленную известным геологом П.М. Языковым, статистический комитет, возглавляемый губернатором бароном И.О. Велию, решил переадресовать труд поэта в симбирское Общество сельского хозяйства, а там, увы, тоже не нашлось деятеля, который сделал бы этот труд достоянием общественности.

ПОД ЗНАКОМ КАРАМЗИНСКОГО ЮБИЛЕЯ

Важнейшим событием в жизни Симбирска 1866 года стала подготовка и празднование столетия со дня рождения великого земляка Николая Михайловича Карамзина. Еще в середине прошлого года комитет Карамзинской общественной библиотеки к знаменательному юбилею решил восстановить погибшие во время страшного пожара свои фонды и даже приумножить их за счет проведения всероссийской подписки. И благодаря помощи различных организаций и отдельных лиц, уже в начале 1866 года симбирская публичка имела около 5000 томов и более 1400 рублей пожертвований в неприкосновенный капитал. С таким богатством она вернулась в восстановленные комнаты нижнего этажа Дома дворянского собрания. А в июле подписка "по случаю приближающегося юбилея Н.М. Карамзина" принесла еще около 4200 рублей.¹

Для Д. Ознобишина этот славный юбилей был особенно радостным событием. Ведь не случайно Дмитрия Петровича называли последним поэтом

¹ Трофимов Ж.А. Симбирская Карамзинская общественная библиотека. — М., 1992. — С. 20.

карамзинской эпохи: он с детства благоговейно относился к Николаю Михайловичу как к писателю и гражданину, зачитывался его творениями и подражал своему кумиру в пробах собственного пера. Еще 23 августа 1845 года, выступая после академика М.П. Погодина на торжестве, посвященном открытию памятника Н.М. Карамзину в Симбирске, он выразил уверенность, что “этот лик, сияющий в меди”, будет пробуждать у грядущих поколений любовь к Отечеству.

Ни М.П. Погодин, ни П.А. Вяземский, которым были посланы приглашения на юбилейное торжество 1 декабря 1866 года, не смогли покинуть Москву и Петербург, и Дмитрию Петровичу выпала высокая честь одному представлять поэтический Парнас России на родине Карамзина.

Начались карамзинские торжества с богослужения в кафедральном соборе, после которого приглашенное общество собралось в малом зале Дворянского собрания, где председатель комитета Карамзинской общественной библиотеки Александр Петрович Языков прочел краткий отчет о ее состоянии. Затем состоялся праздничный обед (по подписке), на котором в числе других почетных гостей присутствовал сын историографа Александр Николаевич Карамзин, за здоровье которого и других членов знаменитой семьи был провозглашен тост. В ответном слове А.Н. Карамзин произнес здравицу в честь Симбирска, давшего России Н.М. Карамзина, И.И. Дмитриева и Н.М. Языкова: “Ни один образованный русский не может не воздать честь и славу Симбирску, колыбели и высокому ценителю гения и талантов”. В конце обеда присутство-

вавшие собрали 200 рублей на учреждение при местной мужской гимназии стипендии имени Н.М. Карамзина.

Около 7 часов вечера в великолепно иллюминированном здании Дворянского собрания состоялось литературное чтение, на котором присутствовало высшее общество губернии во главе с и.о. губернатора П.П. Косаговым и предводителем дворянства А.И. Ермоловым. После небольшого концерта, данного хором певчих, профессор казанского университета Н.Н. Булич в течение двух часов читал первую главу своего очерка о Н.М. Карамзине. Слушатели наградили профессора долгими рукоплесканиями. А после того, как член комитета библиотеки брат романиста Н.А. Гончаров с глубоким чувством произнес известные языковские “Стихи на объявление памятника историографу Николаю Михайловичу Карамзину”¹, слово было предоставлено “симбирскому писателю Д.П. Ознобишину”, которого собравшиеся встретили громкими рукоплесканиями. “Всех сильно интересовало, — писалось в репортаже об этом торжестве, — что скажет симбирянам по случаю высокого праздника, особенно знаменательного для Симбирска, автор, им современный, симбирский же уроженец. Он напомнил им сначала, к общему удовольствию, время, когда, по его выражению,

Торжественно приволжская страна
Свой памятник в Симбирске открывала,
России дар — в хвалу Карамзина!

¹Симбирский юбилей Николая Михайловича Карамзина. Симбирск, 1867. — С.144—147.

Потом, объяснив смысл и характер настоящего торжества в Симбирске, он обратил внимание слушателей на случившиеся в незначительный промежуток времени, между прошлым (в августе 1845 г. — Ж.Т.) и настоящим торжеством, события, чрезвычайно важные для Симбирска и для всей России, выразил сожаление, что нет в живых Карамзина, который сумел бы изобразить их сообразно с их высоким значением. Несмотря на свою скромность, — заметил репортер, — автор успел, однако, расшевелить сердца симбирян...”. Расшевелил написанием о Крымской войне, о крестьянской и иных реформах, о посещении Симбирска Цесаревичем в 1863-м, о страшном пожаре 1864 года и последовавших затем пожертвованиях всей России. Осудил, конечно же, “покушение злодея (Д.В. Каракова. — Ж.Т.) на цареубийство”. Свое выступление поэт-оратор закончил “прекрасными стихами, выражающими глубокое благоговение к священной памяти Карамзина”:

Столетье протекло!... Безмолвен знаменитый,
Наш русский Златоуст, обворожавший слух!
Но вещий глас его, творенья — не забыты:
В них слово искренно, в них слышен Русский дух!
Народной славе он сочувствовал сердечно,
И вознесет его прославленный народ,
И будет имя жить его в России вечно,
Доколь в сердцах любовь к Отечеству живет!

Во второй части литературного вечера Булич прочел вторую главу своего очерка о Карамзине, и публика, неоднократно выражавшая одобрение, разошлась около 11 часов вечера, намереваясь прийти сюда вновь, чтобы прослушать до конца выступ-

ление профессора. С большим успехом прошло продолжение литературного вечера и 2 декабря.¹

Лично для Дмитрия Ознобишина Карамзинский юбилей имел важное продолжение. Дело в том, что князь П.А. Вяземский, получивший приглашение от комитета Карамзинской общественной библиотеки, не смог прибыть в Симбирск, так как являлся участником такого же торжества в Академии Наук. Но в знак глубокого уважения к родине Карамзина он прислал свое большое стихотворение “Тому сто лет!”. Председатель комитета А.П. Языков передал этот подарок Дмитрию Ознобишину, надеясь, что наш поэт сумеет достойным образом поблагодарить Вяземского. А он был достоин этого. Ведь Петр Андреевич, тесно общавшийся с историком государства Российского, лучше, чем кто-либо другой, знавший и его личную жизнь, и его творчество, создал прекрасный поэтический венок Н.М. Карамзину. Дмитрий Ознобишин с энтузиазмом взялся за поэтический ответ князю и в считанные дни выразил глубочайшую признательность П.А. Вяземскому за присланный в Симбирск от “сердца искренний рассказ”:

Скажите ж, князь, где краски взяли,
Тот огонь, с которым так тепло
России вы пересказали
Тому сто лет, что протекло?

Карамзина от колыбели
Вы проследили светлый путь;
Во глубь души его прозрели,
Сумели в сердце заглянуть!

¹ Симбирский юбилей Николая Михайловича Карамзина. Симбирск, 1867. — С. 22.

Историк-гражданин пред нами
Воскреснул, свея сон могил,
И нас певучими словами
На путь добра благословил!¹

Авторитет и популярность Дмитрия Петровича, столь удачно выступившего на многолюдном юбилейном Карамзинском торжестве, а затем и весьма удачно откликнувшегося на нашумевшее стихотворение князя Петра Вяземского “Тому сто лет!”, тоже посвященное историографу государства Российского, заметно возрос в обществе: его наперебой приглашали в лучшие дома Симбирска. Как это обычно бывает, поэта одолевали просьбами почтить своим автографом дамские и девичьи альбомы. Дмитрий Петрович не чванился и, в зависимости от настроения и чувств к просительницам, выполнял эти, в общем-то естественные просьбы. Вот так, нежданно-негаданно зимой 1866—1867 годов сложился ознобишинский цикл посланий — “Букет, посвящается симбирским дамам”.

Это была нелегкая ноша для поэта, все еще переживавшего трагическую кончину молодой и горячо любимой жены Таисии Константиновны, матери трехлетней дочурки Лизоньки. Ведь не совсем радостно и удобно было ему восхищаться красотой даже хорошо знакомой и уважаемой женщины, супруги видного деятеля Симбирска. Надо было найти и такие черты воспеваемой дамы, чтобы строки послания пришлись по душе и членам ее семьи. И тонкий поэтический вкус Дмитрия Петровича помог ему найти меру для выражения искренних чувств.

¹ Ознобишин Д.П. Стихотворения. — М., 1992. — С. 302.

В новогоднем послании Марии Михайловне, супруге Сергея Николаевича Нейкова, одного из главных деятелей музыкальной и театральной жизни Симбирска, поэт признался, что при каждой встрече с нею приходит в смятение, ибо воображение сразу рисует “давно исчезнувший милый лик!” Увы, чем сердце жило, тому навек возврата нет... И продолжает:

Пред вами я благоговею,
Когда малюток вы с семьей.
Один к вам льнет, целуя шею,
И на коленях спит другой!

Как мать вы мне прелестны вдвое!
Очаг семейный свято чту!
И чуждо помыслу земное,
Глядя на вашу красоту.

Послание от 5 января 1867 года “Графине Екатерине Александровне Толстой, урожденной Языковой” Ознобишин начинает с выражения глубочайшего уважения к Николаю Языкову:

Графиня! От меня куплеты
Желаете вы в Новый год:
Но для племянницы поэта, —
Певца родных нам волжских вод,
Мой бледен будет стих, — и Лета
Его к себе зараней ждет!

Уверяя, что ему недоступен верх Парнаса — “Там знатный лишь живет народ!”, Ознобишин обещает графине:

Когда-нибудь я в час досужий
Вам путевой журнал мой дам;
Столичных, право, он не хуже;
В нем типов тьма прелестных дам!

В этот же январский день поэт слагает мадригал и 22-летней Анне Александровне Языковой (тоже дочери Александра Михайловича Языкова), начинающийся с шутливого обещания:

Когда б дана была мне лира,
Которой дядя ваш владел,
Во всеуслышание мира
Хвалой вам глас бы мой гремел;
Восторгом сердце б полно было,
И дивной прелестью стихов
Вас, как фатою, бы накрыло,
Сотканною из жемчугов!

А завершает веселым пожеланием:

Но вашу волю исполняя,
Одно бы вам я пожелал:
Чтоб вам, как свежей розе мая,
Была вся жизнь веселый бал!

В том же январе 1867 года Дмитрий Петрович отправился в Петербург, чтобы побыть во время отпуска рядом с дочуркой, воспитывающейся у тещи, а также пообщаться со своими сестрами — Елизаветой Волковой и ее сыном-гимназистом Юрием, в воспитании которого он принимал живейшее участие, и Варварой Базилевской — с ее мужем Иваном Федоровичем он дружил давно, а их дочь Александра была его любимой племянницей. Теперь она была замужем за Николаем Дубельтом и приходилась снохой Наталье Дубельт, урожденной Пушкиной. Благодаря этим неожиданным семейственным связям, Ознобишин довольно близко познакомился с Натальей Александровной и на добрую память вручил ей альбомное послание, начинающееся строчками:

Как много в Вас блеска и неги, и света,
Властительной силой чарует Ваш взгляд!
Гляжу с восхищеньем на дочь я Поэта,
Чьи песни в России так сладко звучат.

В отличие от других страниц создаваемого им “дамского букета”, это послание поэт написал на русском и французском языках.

Во время пребывания в столице Дмитрий Петрович общался с некоторыми литераторами. Особенно плодотворным оказалось общение с поэтом, критиком и видным государственным деятелем князем Петром Андреевичем Вяземским. Они давно знали друг друга, но переписка и личные встречи возникли в последнее время, в связи с празднованием столетнего юбилея Н.М. Карамзина. Ознобишинские стихи, прозвучавшие на торжествах в Симбирске, а также послание “Князю П.А. Вяземскому по прочтении его стихотворения “Тому сто лет!”” пришлись по душе князю и не без его участия удостоились публикации в сборнике “Беседы в обществе любителей словесности”. Но Петру Андреевичу, занимавшему в это время пост товарища (заместителя) министра народного просвещения, понравились и прозаические публицистические выступления в печати Дмитрия Ознобишина, и он призывает Дмитрия Петровича к сотрудничеству в петербургском журнале “Литературная библиотека”, издававшемся литератором, библиографом и востоковедом Ю.М. Богушевичем.

Приглашение было принято с благодарностью, и уже в феврале 1867 года “Литературная библиотека” публикует большое стихотворение Ознобишина “Дети Франции” с примечанием автора:

“В X томе посмертных стихотворений В.А. Жуковского помещено на стр. 153 стихотворение “Четыре сына Франции” почти в этом же роде”. Действительно, и Жуковский, и Ознобишин пользовались одним текстом немецкого поэта, повествовавшего о печальной участи четырех наследников французских королей в 1792—1848 годах. Новое же заключалось в том, что Дмитрий Петрович предсказал незавидное будущее сыну императора Наполеона III, и оно подтвердилось: после поражения под Седаном в 1870 году Франция станет республикой.

В марте “Литературная библиотека” напечатала обстоятельную ознобишинскую корреспонденцию “По поводу народных школ “. И как злободневно уже ее начало: “Что в России в настоящее время может быть настоятельнее народных школ? Мы деятельно насаждали семена гражданственности, мы водворяем свободу, мы рукоплещем судам, ограждающим личность и собственность. Но и дикари свободны, да что в этой свободе без просвещения? И статистика свидетельствует, что не усовершенствованию судов обязаны человеческие общества нравственным усовершенствованием, а повышению уровня народного образования”.

Через месяц в “Литературной библиотеке” появилась следующая публикация за подписью Д. Ознобишина — “Городок (Сказочка)”. Но это безобидное название было дано, как говорится, для отвода глаз, и адресовывалась “сказочка” отнюдь не детям. Дмитрий Петрович, вкратце напомнив историю Симбирска, сумевшего отразить набеги и крымчан, и отрядов Разина и Пугачева, затем высмеивает чинуш-бюрократов, увлеченных бумаго-

творчеством и не замечающих кипения жизни за окнами их кабинетов:

Громко вслух кричал народ:

“Дайте нам водопровод,

Не чернильной влаги!

На реках мы — без воды!

Плохо будет! В час беды

Не спасут бумаги!”

И ответ им был на то:

“Есть распивочных вам сто,

А на вынос — страсти!

В час же огненной беды —

Чаны полные воды,

Три пожарных части!

Что соваться вам в дела!

Ведь без вас машина шла,

Так и не мешайте!

Сядьте в палки, в ералаш,

Охранять вас — долг ведь наш!

Спите, почивайте!”

А в августе 1864 года, с горечью продолжал поэт, “город выжжен был огнем на одной неделе”, в историческом центре города — теперь пустырь, в середине которого стоит столб без короны и на нем слова: “Не враг нас сгубил, а тьма бумаг, перьев миллионы”¹. (Эту “сказочку” нынешним “воеводам” Ульяновска надо бы почаще напоминать).

Вернемся к весне 1867 года, когда Дмитрий Петрович гостил у родных в Петербурге. Здесь он дружески общается с П. Вяземским, А. Майковым и другими литературными товарищами своей юности. Насколько крепки были эти узы товарищества, видно из стихотворения “На память Дмитрия Владимировича Веневитинова марта 15 1867”:

¹ Ознобишин Д.П. Стихотворения. — М., 1992. — С. 257.

Нас всех собрала здесь утрата;
Десятки лет с тех пор прошли,
Но память милого собрата,
Певца мы память сберегли.

Кружок друзей его стал тесен:
Одни вдали, других уж нет!
Но вечен мир высоких песен
И с ними вечно жив Поэт!

Этот экспромт Ознобишин прочел на обеде у А. Веневитинова в 40-ю годовщину кончины его брата-поэта, и по желанию собравшихся стихи были вскоре опубликованы в журнале "Русский", редактором которого был академик-историк Михаил Погодин.

Редкостное единодушие этой весной проявили Дмитрий Ознобишин и Федор Тютчев, откликнувшиеся как публицисты на прибытие в Россию делегатов Славянского съезда. На состоявшемся 11 мая банкете в петербургском Дворянском собрании дорогих гостей писатель Б.М. Маркевич приветствовал тютчевским посланием "Славянам", в котором давалась и отповедь министру иностранных дел Австро-Венгрии Бейсту, посмевавшему публично заявить с угрозой: "Славян должно прижать к стене". Отвечая этому графу-расисту, Тютчев вразумляюще подчеркивал:

Ужасно та стена упруга,
Хоть и гранитная скала, —
Шестую часть земного круга
Она давно уж обошла...
Ее не раз и штурмовали —
Кой-где сорвали камня три,
Но напоследок отступали
С разбитым лбом богатыри.
Стоит она, как и стояла,
Твердыней смотрит боевой:

Она не то, чтоб угрожала,
Но...каждый камень в ней живой.¹

Дмитрий Петрович присутствовал на этом банкете и, словно вдохновленный тютчевским приветствием, сразу же создал послание “Славянам”, которое отправил М. Погодину. В сопроводительном письме он сообщил, что “талантливые поэты Ф.И. Тютчев и А.Н. Майков” воспели прибывших в Петербург славян, а он сам “как москвич” высылает свое приветствие “милым славянским гостям”. “Полагаю, — продолжал Ознобишин, — что цензура московская, куда предварительно должны быть представлены мои стихи до публичного их чтения при гостеприимной московской трапезе, будет к ним столь же снисходительной, как и петербургская к стихам здешних поэтов. Я не напрашиваюсь на это чтение, в особенности если есть стихотворные приветствия, уже приготовленные для публичного чтения; они, без сомнения, будут и лучше моих; в таком случае прошу предать ныне присылаемые уничтожению”.²

Послание нашего поэта не поспело к торжественному приему славянской делегации, устроенному в Москве 16 мая, но Погодин поместил его 22 мая 1867 года в газете “Русский”, и оно теперь входит в сборники Д. Ознобишина. В отличие от тютчевского приветствия “Славянам”, ознобишинское резко отличается по содержанию и не столь поле-

¹ Тютчев Ф.И. Сочинения. — Т. 1. — М., 1980. — С. 190.

² РЦИА, ф. 1108, оп. 1, д. 196, л. 1. Предположение Т.М. Гольц, что это стихотворение прозвучало в Петербурге, как видим, отпадает.

мично. Тем не менее здесь тоже есть строки, выражающие сострадание поэта к неслыханно тяжелой судьбе сербов, болгар, других южных славян:

Известны нам и ваши муки;
Любушин суд нам дал их знать:
“Не хвально нам, — там льются звуки, —
У немцев правды ожидать!”
Вы много скорби потерпели
И от мадьяр, и от латин;
Но свой язык сберечь сумели,
Как теплый сердцем славянин!

Россия отверзает свои объятия милым гостям-собратьям и рада угостить всем, чем богата. А как актуально звучат заключительные строки ознобишинского обращения “Славянам”:

В святилище наук и знаний
Пусть каждый долю принесет!
Мы здесь для мирных состязаний, —
Бойцов не лавр, — олива ждет!
Придет ли час соединенья
Славянства будущих годин? —
Пытать не станем Провиденья!..
Здесь брат нам каждый славянин!

В начале лета 1867 года Дмитрий Петрович вернулся из Москвы в Троицкое и оставался там до осени. А 20 сентября, уже в Симбирске, губернская земская управа препроводила к нему как члену губернского училищного совета поступившие к ней из духовной консистории 365 донесений “священно и церковнослужителей Симбирской епархии о числе сельских училищ в губернии, об их состоянии и потребностях”. Препровождая к Ознобишину эти бумаги, земская управа просила рассмотреть их и через два месяца выступить с докладом о народном образовании на губернском земском собрании.

НАРОДНЫЕ УЧИЛИЩА — ОСНОВА МАТЕРИАЛЬНОГО ПРЕУСПЕЯНИЯ

Народное образование, по выражению Дмитрия Петровича, — это предмет близкий его сердцу, и поэтому он охотно принялся за подготовку доклада губернскому земскому собранию о состоянии народных училищ края. Его не пугал объем исследования, хотя в течение полутора месяцев предстояло ежедневно штудировать по 8—9 донесений и делать из них необходимые выписки, группировать их по темам и т.п. О препонах же другого рода он все-таки счел необходимым сказать коллегам по земству: “Дело это нисколько бы меня не затруднило, если бы эти донесения были печатные, или по крайней мере написаны разборчиво, а то из них некоторые в два, или в три листа кругом исписанные, довелось мне рассматривать в виде египетских иероглифов, так написаны они были небрежно и притом белыми чернилами, что требовалось усиленное внимание, чтобы сначала прочесть написанное и потом уже добраться до заключающегося в них содержания и смысла. Такая чисто механическая работа увела много дорогого времени, которое бы с большею пользою могло быть употреблено на тщательнейшую разработку самого предмета, всю важность коего я вполне чувствую”¹

Но Ознобишин не роптал, не просил снисхождения и счел бы себя “вполне вознагражденным и за утомительные дни, и за бессонные ночи” своего труда, если даже малая часть его убеждений найдет

¹ Ознобишин Д.П. Доклад о народных училищах и церковно-приходских школах в Симбирской губернии. — 1867. — С. 3.

сочувствие у земских деятелей и пробудит живой отклик в их сердцах. Прочитывая далее из “Биржевых ведомостей” от 8 октября 1867 года слова одного из гласных-дворян о бесполезности устройства сельских школ, пока не будет “упрочен быт крестьян в материальном отношении”, Дмитрий Петрович высказал свое видение проблемы: “Как будто образование не есть краеугольный и основной камень всякого материального преуспевания!”

Твердо веруя, что земство сделает все необходимое и тем самым рассеет мрак невежества, в которое погружено крестьянство, он обратился к земству со страстным монологом: “Знаю я, что быстрым упразднением крепостного состояния уменьшились денежные средства у большей части землевладельцев; но мы еще не дошли до такого оскудения, чтобы отказать сельской школе в лесных материалах, потребных для незатейливого, но удобного ее помещения — этого требует вопиющая общественная польза — польза наших меньших братьев, которых отцы и деды несколько столетий были нашими крепостными работниками; следовательно, и по чувству признательности мы сделать это обязаны; скажу более, в участии нашем к выполнению этих построений, мы даже близко заинтересованы, ныне более чем прежде, потому что живем в среде крестьян временно-обязанных или собственников, постоянно имеем с средою этою соприкосновения; она доставляет нам вольнонаемных работников, для сельского хозяйства нашего необходимых, на которых в настоящее время слышим мы непрерывные жалобы в неисполнительности принятых ими на себя обязательств; на побег с поле-

вых работ; на неудержимое пьянство, до безобразия доходящее и нередко ведущее к самой смерти; на ссоры и буйства, — и всему этому причиной одно крайнее невежество, оттого, что с малолетства — так как со времени эмансипации благотворная семейная связь от непрерывных отделов и дроблений в крестьянстве ослабела, и советы стариков, наученных опытом жизни, остаются в пренебрежении; юное крестьянство не приучилось здраво мыслить и не имеет ни о чем житейском ясных понятий. Не наша ли обязанность вывести эту огромную массу народа из того непробудного мертвенного сна, из этого, доселе безвыходного, умственного застоя!”¹

Напомнив, что земство уже год просуществовало, Ознобишин смело заявил, что “имея возможность сделать много доброго”, оно “оставило народное образование в печальном пренебрежении!” В подтверждение этого вывода докладчик привлек красноречивые данные статистики. Симбирская губерния по площади (4451844 десятины) занимает в Европейской России 29 место, превосходя своею величиною Швейцарию, Бельгию и некоторые другие государства. Из 1104228 душ, проживающих в губернии, русские составляют 70, 76 процента, мордва — 12,78, чуваша — 8,31 и татары — 8,15. И на всю губернию имеется всего лишь 490 народных школ, в которых числится 10672 души, что составляет менее одного процента. Зато “в этом народонаселении имеется 1789 питейных домов, не считая штофных лавочек, винных складов...” Добро бы еще, если бы школы оправдывали это название. Так,

¹ Ознобишин Д.П. Доклад о народных училищах — С. 9.

в Сызранском уезде “целые десятки школ пробавлялись в текущем году даже без букварей”. Многие школы губернии “помещаются в безобразных, смрадных и плохотапливаемых церковных караулах! Как много еще школ, бедствующих, без аттестованных учителей и учебных принадлежностей! Разве такие учреждения могут называться школами”¹

Для большей убедительности Дмитрий Петрович привел данные о народном образовании за 1866 и 1867 годы, причем по каждому из восьми уездов губернии. Показывая на конкретных примерах безотрадную картину народного образования, он среди различных причин видел “отсутствие постоянного, ближайшего местного надзора за училищами” мировых посредников, волостных старшин и членов уездных училищных советов.

Правда, в каждом из уездов находились лица, которые помогали становлению народного образования, и Ознобишин назвал фамилии этих 24 благотворителей, в числе которых были и лично известные ему деятели. В Симбирском уезде он выделил Александра Петровича Языкова, благодаря которому школа в селе Ундоры имела достаточное количество учебных пособий.

В Алатырском уезде примером “просвещенного землевладельца” был назван тайный советник Потемкин, который пожертвовал мужскому училищу в селе Промзино двухэтажный каменный дом и выделял деньги на жалованье учителю и приобретение учебных пособий.² В Ардатовском уезде поэт

¹ Ознобишин Д.П. Доклад о народных училищах, с. 68.

² Ознобишин Д.П. Доклад о народных училищах — С.16.

выделил генерал-майора Д.Н. Дурова, завещавшего школе села Покровского Ардатовского уезда 30 тысяч рублей, и его родственника князя Чегодаева, который пожертвовал этой же школе каменный дом с усадебным местом.¹

В Буинском уезде таким доброхотом оказался генерал-майор А.Е. Головинский (родственник декабриста В.П. Ивашева), сумевший создать “блестящую обстановку в Ивашевской школе, им открытой и содержимой”².

Коснувшись родного Карсунского уезда, Дмитрий Петрович заметил, что школы в селах Никулино и Китовка “снабжены всеми учебными пособиями и училищными принадлежностями от местных землевладельцев”, но не назвал своей фамилии. Этой чести он удостоил карсунских помещиков Мельгунова И.И., пожертвовавшего дом под училище в селе Зимненки, и Родионову В.Е., устроившую “замечательную во многих отношениях школу” в селе Сосновка. В Сызранском уезде Дмитрий Петрович отметил “сердечное участие” в устройстве мужского и женского училищ в селе Усолье графской четы О.И. и В.П. Орловых-Давыдовых, а также волостного старшину П.И. Рябихина, принимавшего деятельное и полезное участие во всех школах волости, графиню О.В. Левашову, заботившуюся о школе в деревне Чириково, и полковника Н.И. Поливанова — за помощь школе в селе Акшуат.

Среди доброхотов Сенгилеевского уезда Ознобишин упомянул двоих: губернского предводителя

¹ Ознобишин Д.П. Доклад о народных училищах, с. 68.

² Ознобишин Д.П. Доклад о народных училищах — С.16.

дворянства А.И. Ермолова, построившего дом для школы в деревне Чириково, и Александра Николаевича Татаринова, “отказавшего по духовному завещанию значительный капитал на устройство школы в селе своем” (Малая Ерыкла. — Ж.Т.).

Д. Ознобишин был глубоко верующим человеком, но, когда следовало, высказывал нелицеприятное мнение и о церковных деятелях. Заметив, например, что в двух сызранских школах “законоучителями” являются мещане и крестьяне, которые сами нигде не обучались, поэт задает резонный вопрос: “Что же делают священники села Троицкого, Дмитриево тож, и села Чекалина? Или наущение юной духовной паствы не входит в предмет их обязанностей?”¹ И привел в пример священника И. Троицкого, который в селе Тушна Симбирского уезда на протяжении 20 лет содержит в своем доме женскую школу и на ее содержание дает “от себя все потребные расходы”.

Не вдаваясь в другие любопытные подробности, рассеянные на 78-ми печатных страницах “Доклада”, остановлюсь вкратце на его заключительной части, где Д.Ознобишин в лаконичной форме излагает меры, могущие “послужить к улучшению и пользе народного первоначального образования”.

1. Вывести крестьянских детей из “безобразных, холодных и смрадных караулок, в каковых ныне едва ли не третья доля школ существует”.

2. С помощью мировых посредников следует “склонить крестьянские общества на составление приговоров для уравнительного сбора к возведе-

¹ Ознобишин Д.П. Доклад о народных училищах — С. 62—63.

нию, содержанию училищ и для приличного содержания учителям". Следует добиться, чтобы мировые посредники наладили учет поступления и расходования выделенных школам средств, а волостные старшины и сельские старосты наблюдали, чтобы "ученики и ученицы, единожды избранные для обучения грамотности", посещали школы. Тех же родителей-крестьян, чьи дети посещают занятия исправно, избавить в "поощрение другим от очередных ночных караулов".

3. Просить симбирскую гражданскую палату оказать содействие в выполнении духовного завещания генерал-майора Дурова, завещавшего 30 тысяч рублей серебром на устройство народной школы в селе Покровском Ардатовского уезда. (Замечу, что по этому делу И.Н. Ульянову придется не раз обращаться в суд, пока завещание Дурова будет выполнено).

4. По опыту работы Карсунского уездного училищного совета организовать подготовку "из крестьянских мальчиков школьных учителей".

5. "Относительно же замены преподавателей, несоответствующих цели народного образования и самой программы в некоторых местностях губернии... будет сделано от меня особенное представление губернскому училищному совету".

Дмитрий Петрович назвал свой доклад "скромным", ибо он, мол, "есть ничто иное, как светлое зеркало, верный фотографический отпечаток того, что его просмотру было представлено". В действительности же его доклад отражал и собственные наблюдения, и выводы. Доклад сразу же был замечен в управлении Казанского учебного округа, про-

стиравшегося от Астрахани до Нижнего Новгорода. Этим объясняется и интерес к докладу редакции журнала Министерства народного просвещения, которая опубликовала в октябре 1868 года пространственный отклик на труд Д.П.Ознобишина. В редакционном представлении говорилось:

“Доклад г. Ознобишина, отличающийся обстоятельностью сообщаемых сведений, основан на письменных документах, доставленных местною консисториею в симбирскую губернскую земскую управу, и на подлинных сведениях, отношениях и отчетах уездных советов. Кроме обыкновенных сведений о местных народных училищах и церковно-приходских школах, доклад г. Ознобишина касается как материальных потребностей народных школ, так, насколько это было возможно, и самих учителей, способа их преподавания, наконец, содействия или сопротивления, оказываемых распространению грамотности разноплеменным составом народонаселения Симбирской губернии”¹.

А вот какую любопытную закономерность заметил еще обозреватель журнала в докладе из Симбирска: “Г. Ознобишин при исчислении школ в городах и уездах Симбирской губернии везде сопоставляет их с количеством имеющихся в тех же местностях питейных домов... Оказывается, почти везде количество этих мест народного растления втрое, вчетверо, а по местам и несравненно более превышает численность школ. Так, в Симбирском уезде на 67 школ, бывших в 208 населенных местностях с 131251 душами обоего пола, действовали

¹ Ознобишин Д.П. Доклад о народных училищах,— С. 73.

186 питейных домов!” Из мер, предложенных Дмитрием Петровичем для улучшения дела народного образования, обозреватель журнала выделил необходимость вывести детей “из безобразных, холодных и смрадных караулок”, и устройство новых школьных зданий с помощью лесных материалов, безвозмездно выделяемых землевладельцами.

Доброжелательное отношение печатного органа Министерства народного просвещения к “Докладу о народных училищах”, конечно же, доставило Дмитрию Петровичу моральное удовлетворение. Сознавал он также и то, что документальный рассказ о положительных и отрицательных сторонах школьного дела станет бесполезным пособием в практической работе деятелям, причастным к ниве народного просвещения. И я как автор книг об И.Н.Ульянове убежден, что с первых же дней службы инспектором народных училищ Симбирской губернии Илья Николаевич постоянно имел под руками ознобишинский “Доклад”. Кстати, с 1869 года И.Н. Ульянов будет регулярно встречаться с Д.П.Ознобишиным на заседаниях губернского статистического комитета.

А вот от членства в губернском училищном совете Дмитрию Петровичу пришлось отказаться в 1868 году, из-за того что стало пошаливать здоровье. Кроме того, потеряв собственный дом в Симбирске, он теперь большую часть года обитал в Троицком и Карсуне (в связи с избранием гласным уездного земства). Была еще одна немаловажная причина переселения из губернского центра в родное захолустье; сын Иван, являвшийся почетным смотрителем Карсунского уездного училища, жил

большей частью в Троицком, а 22 января 1868 года он женился на дочери штабс-ротмистра Софье Дмитриевне Толбузиной, уроженке Мокшанского уезда Пензенской губернии, и местом жительства четы стало родовое имение Ознобишиных. Здесь же 8 августа следующего года родился внук, которого в честь деда нарекли Дмитрием.

Одним из восприемников малыша — продолжателя рода Ознобишиных — был старый друг поэта Николай Тимофеевич Аксаков, с которым соседски дружили семьями. Кроме того, они, как и Александр Михайлович Языков (брат поэта), и Николай Иванович Поливанов (друг М.Ю.Лермонтова), были еще и коллегами по земской деятельности, исполняли обязанности почетных мировых судей Карсунского уезда.¹

Дмитрий Петрович время от времени наведывался в Симбирск — то на дворянские выборы, то на сессии губернского земства, то на заседания губернского статистического комитета. Не забывал внести свой вклад в Карамзинскую общественную библиотеку. Так, из книги протоколов комитета библиотеки от 7 марта 1868 года видно, что Ознобишин прислал “за некоторые годы “Ведомости” С.-Петербургские и Самарские, “Русский инвалид”, “Акционер”, “Северную почту”, “Северную пчелу” и “Le Nord”.

Поэт издавна страдал желудочными болями, из-за чего приходилось держать себя на строгой диете. А теперь, на 65-м году, хвори стали чаще напоми-

¹ Памятная книжка Симбирской губернии на 1858 год. — Симбирск. — С. 85, 103.

нать о себе. Отвечая 15 декабря 1868 года на письмо Анастасии Алексеевны Волковой (родственницы мужа его сестры Елизаветы) в Вологду, на ее жалобы на недомогание, Дмитрий Петрович успокаивающе заметил: “Вот я, так другое дело, гораздо старше Вас и поэтому неудивительно, что редкую неделю в чем-либо и недомогаю. Страшно становится иногда как окинешь вокруг себя взглядом: нет того, не стало этой в короткое время, почти все соседство вокруг меня уже изменилось”¹.

Но такие минорные настроения были редкостью: он продолжал выполнять все возложенные на него обязанности, живо интересовался общественной жизнью края и страны, бурными событиями, происходящими в Западной Европе на рубеже 1860—1870-х годов.

Одним из таких событий стала вспыхнувшая в июле 1870-года война между Францией, возглавляемой сумасбродным императором Наполеоном III, и Пруссией, где номинально правил Вильгельм I, а фактически — его канцлер Бисмарк. Отзвуки этой войны, благодаря телеграфной связи, быстро достигали и Симбирска, где Д.Ознобишин создал “Шуточные реляции в стихах о франко-прусской войне 1870 и 1871 годов”. Замечу, что семь реляций (донесений) являются отнюдь не “шуточными”, и лишь пять лет спустя Дмитрий Петрович сможет издать их в виде брошюры, да и то с подзаголовком: “Литературная импровизация”.

Эпиграфом для этой брошюры поэт взял русскую народную пословицу “Ах, зачем было огород

¹ ИРЛИ (Пушкинский Дом), ф. 213, № 84, л. 2.

городить?” Своеобразное объяснение этой народной мудрости содержится в письме Ф. Тютчева своей дочери в июле 1870 года, в связи с франко-прусской войной. Полагая, что падение Франции приведет к объединению германских государств, лидеры которых лелеют мечту о своем господстве в Европе, включая и Россию, Федор Иванович с горечью заметил: “И подумать только, что постановке этого великолепного спектакля способствовал скоморох, именующийся Наполеоном III! В результате он явится восстановителем империи, но только не своей, а империи вражеской”.

Точно так же отреагировал в эти летние дни 1870 года в своем симбирском далеке и Д. Ознобишин на авантюрную внутреннюю и внешнюю политику Наполеона III, обернувшуюся позорными поражениями:

А недавно, ныне летом,
Разъезжая по полкам,
Хвастал он пред целым светом:
“Немцу пфеффеля задам!”

А на деле вышло иное:

Быстро битва шла за битвой:
Немцы идут все вперед,
И с штыком, стоят как с бритвой,
У парижских у ворот.

Упомянув в реляциях от 6 и 22 августа 1870 года о том, что в сражении у стен крепости Седан целая французская армия вместе с Наполеоном III попала в плен, а в Париже восставшие горожане провозгласили установление Республики вместо монархии, поэт указал на причины позорного поражения:

Позабудутся невзгоды
Тяжких царственных годов,
Истязания свободы,
Ссылки доблестных сынов;
Миллионов расхищенье
Для безумственных растрат,
Нравов роскошью растленье;
Биржей созданный разврат;
Двор из челяди бездушной;
Все, что Францию томит!..

По твердому убеждению Д. Ознобишина, Императору Наполеону III лучше было принять смерть в бою, нежели сдаваться в плен — тогда, мол, он бы “с славным именем героя в сонм бы встал земных владык”:

А теперь без сожаленья
На него взирает мир,
И подняв с земли камня,
С громким хохотом презренья,
Мечет в сверженный кумир!

Досталось в “Шуточных, реляциях” и канцлеру Бисмарку, настоявшему на отторжении от Франции Лотарингии и Эльзаса и взыскании с оккупированной Франции пятимиллиардной контрибуции в пользу Германии.

В заключительной седьмой реляции, от 18 февраля 1871 года, Дмитрий Петрович, обращаясь к населению осажденного Парижа, призвал равняться на москвичей в 1812 году, когда они “свой престольный град сожгли”:

На московском пепелище,
Враг недолго ликовал
Нес нам цепь — нашел кладбище
И с позором вдаль бежал!
Он бежал и наг, и босый,
По снегам, при свисте вьюг...

Вместе с тем поэт категорически против участия России во франко-прусской войне:

К Богу возношу мольбу,
Чтоб не вдаться нам в борьбу.
Чтобы чаши сей к краям
Не прильнуть устами нам!
Пусть кем налита она,
Выпивается до дна!

Поразительно, как эта позиция перекликается с суждением Ф. Тютчева, высказанным в стихотворении “Два единства”:

Из переполненной господним
 гневом чаши
Кровь льется через край
 и Запад тонет в ней.
Кровь хлынет и на вас,
 друзья и братья наши!..
Славянский мир, сомкнись тесней...

Как видим, в отличие от правящей верхушки России, симпатизировавшей императорской родне, поэты Федор Тютчев и Дмитрий Ознобишин и на сей раз были единомышленниками, предугадавшими опасность для Европы роста военной мощи объединенной Германии.

“ТРУЖУСЬ УСЕРДНО Я...”

В драматические моменты истории России — в период Крымской войны 1853—1856 годов, а затем в эпоху революционной ситуации и падения крепостного права — Дмитрий Ознобишин проявил себя горячим патриотом Отечества и вместе с тем убежденным сторонником самодержавия и проводимых правительством буржуазных реформ. Но несомненно и другое: наш поэт принадлежал к либе-

ральному крылу симбирской интеллигенции, умело использовал все возможности для критики бюрократических порядков и произвола, был принципиальным сторонником всемерного усиления роли земских учреждений в социально-экономическом развитии губернии, всех форм местного самоуправления, расширения гласности, свободы печати и т.п.

Либерализм Дмитрия Петровича отчетливо проявлялся как к становлению земской начальной школы, так и к проводимой реакционной реформе средней школы. Весьма любопытным документом является перлюстрированное жандармами письмо Д.Ознобишина от 5 августа 1872 года, адресованное давнему симбирскому знакомому Александру Петровичу Крыжину, занимавшему теперь солидное место в аппарате духовно-учебного управления Святейшего Синода:

“Относительно возникшей в наше время борьбы между классическим и реальным образованием, могу только скорбеть, что она могла возникнуть. Мне кажется, — продолжал поэт, — все происходит от взаимных с обеих сторон увлечений, а главное от недоразумения. Безумно было бы в наше время опровергать необходимость и очевидную пользу классического образования. Всякий благоразумный человек вполне убежден в этом; но вместе с тем он не может отрицать необходимость и реальных школ. Остается только примирить оба эти условия образования.

Предоставьте открытыми для классицизма все университеты со всеми их учеными степенями и привилегиями, но не закрывайте же наглухо дверь

служебной карьеры для реалистов! Ведь в технологическом усовершенствовании не только наши фабрики, наполненные англичанами, немцами и французами, но и все ремесленные заведения сильно нуждаются и страдают от отсутствия природных русских усердных деятелей! Не оправдываю Краевского (Евгения Андреевича, публициста газеты "Голос". — Ж.Т.) в его грубых нападках на распоряжения нашего энергичного графа Д.А. Толстого (министра народного просвещения. — Ж.Т.), но думаю, что огульное обвинение реалистов в безверии и нигилизме едва ли имеет достаточное основание. Надобно доискиваться корня этого зла не в изучении естественных наук, а гораздо глубже!.. Я того мнения, что модное поветрие неверия пройдет само собой, как только перестанут говорить о нем. Преследование и гонение только сильнее возбуждают страсти; между тем как равнодушие и презрение к безумствующим личностям есть самая действительная панацея против этого зла, к счастью, далеко не общественного"¹.

Эти суждения поэта очень созвучны "Заметке по вопросу о преобразовании гимназий" Д.И. Менделеева в "С.-Петербургских ведомостях" от 1 мая 1872 года. Выступая против засилья латыни и греческого, знаменитый химик предупреждал, что это "может остановить развитие образования в России"². И наш романист И.А.Гончаров, не отрицая необ-

¹ Центральный архив Российской Федерации /ЦАРФ/, ф. 109, оп. 3, д. 1085, л. 3.

² Менделеев Д. Заметки о народном просвещении в России. СПб, 1901, с. 44.

ходимости изучения древних языков, заметил с иронией: “Пусть желающие учатся им до самых корней... Я только — как и все общество — против принудительного изучения этих языков в ущерб другим знаниям, иногда даже и знанию своего отечественного языка”¹.

Увы, к голосам пламенных патриотов правящая верхушка России не прислушалась. Консерватизм восторжествовал и по отношению к земским учреждениям: правительство жестко пресекало все их попытки расширить сферу своей деятельности. Это не могло не вызывать хотя бы внутреннего протеста у поэта и, в свою очередь, находило отражение и в его частной переписке, и в сатирических стихах на злободневные темы. Насколько напряженной была его занятость общественными делами, дает представление письмо к А.А. Волковой от 8 октября 1874 года: “Все это время я был постоянно в отлучке из деревни... Сначала как почетный мировой судья я был вызван на мировой съезд по случаю предстоящих нам экзаменов на некоторых лиц, желающих получить звание частных поверенных (адвокатов. — Ж.Т.). Потом было у нас дворянское собрание для составления списка лиц, желающих и способных занять должность непрямого члена новых уездных по крестьянским делам присутствий, так как мировые посредники уже выполнили дело свое и ныне сходят со сцены. После того опять надобно было ехать в уездное земское собрание для выбора нового председателя и членов в уездную управу и губернских гласных на предстоящее трехлетие. Все эти поездки для меня, старика, были

¹ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 7. М., 1980, с. 235.

очень тяжелы, но неизбежны”¹. Все свои обязанности поэт выполнял не за страх, а за совесть, и вправду был рассчитывать на рутинное награждение, скажем, очередным, по выслуге лет, чином. Однажды, не вытерпев невнимания власть предержащих, он обратился с посланием к давнему симбирскому знакомому Павлу Петровичу Косаговскому:

Причислен в Министерство ваше,
Тружусь усердно я, как все;
Стал сед как лунь, хилею даже
Вертяся белкой в колесе!
Судья почетный пятилетье.
Советник статский десять лет.
Всей службы ровно полстолетья,
А все действительного нет!
Моих уж сверстников немного:
Кто жив, — давно сей носит чин;
Лишь мне преграждена дорога;
Забит министром я один...

.....

.....

Нельзя ли Вам замолвить слово
О позабытом старике,
Иль дать мне знать, за что сурово
Ко мне начальство вдалеке?
Узнав невзгоды сей причину,
Главу смиренно преклоня,
Без грусти службу я покину,
Где нет награды для меня².

А в сентябре началась очередная сессия Карсунского уездного земского собрания, и поэт, оставив в Троицком родных и творческую работу, исправно участвовал во всех заседаниях, но в конце сессии не удержался от иронического изображе-

¹ ИРЛИ/ Пушкинский дом/, ф. 213, № 84, л. 12.

² Ознобишин Д.П. Стихотворения. Проза. — Т. 2. — С. 194.

ния ее в стихотворении “Земские мотивы”. Прежде всего — за мелкотемье бойко лившихся речей гласных: о своих коллегах, спаливших четыре пары волчьих ушей и хвосты, за которые уездная земская управа еще не выплатила охотникам полагающиеся двухрублевые премии (за каждого зверя. — Ж.Т.), о дополнительных семи лошадях, необходимых для полицейских разъездов, о сокращении должности смотрителя (завхоза) в земской больнице (присмотреть, мол, “могут и фельдшера”) и мирского трубочиста (“в курных избах труб нет”). С нескрываемым сарказмом в стихотворении говорится и о назидательном совете земцев “братье нищей”, как сохранить свои жалкие жилища от пожаров:

“Чтоб дома не жались к дому,
Чтоб лучины в них не жгли.
И чтоб крыш своих солому
Глиной впрядь обволокли!”

Воспроизведя реплику гласного о “почве шаткой просвещения”, Дмитрий Петрович с глубоким сожалением констатирует:

Что учитель в сельской школе
Жить не может без сумы!

Сатирически показан последний уездный “земский мотив” Карсунской сессии:

Предстояло гласных десять
Нам в губернские избрать:
Все должно тут было взвесить,
Чтобы промаха не дать.
Вот места все с бою взяты;
Уж за них благодарят,
Но избраний длится ряд,
И спустили дипломаты
Первоизбранных за штат!

¹ Ознобишин Д.П. Стихотворения. Проза. Т.2, с. 192.

В десятке избранных оказался и поэт, и скорее всего — против своей воли, ибо сказывались и хвори, и возраст: ведь 4 октября ему исполнилось 70 лет. Да и дома прибавилось забот: дочь Лизоньку он поместил в этом году в Петербурге в частный пансион, а в троицком доме трое милых внучат от сына прыгают вокруг деда, отвлекая от грустных дум и радуя душу.

Поэту требовалось время и для творческой работы, в частности, по окончательной отделке своих переводов, которые он обещал Н.В. Гербелю для издаваемой им хрестоматии “Английские поэты в биографиях и образцах”. О загруженности Дмитрия Петровича яркое представление дает его письмо от 19 ноября 1874 года в ответ на просьбу Гербеля ускорить доставку обещанных переводов: “Село мое Троицкое находится на перепутье трех присутствий, где происходят ныне присутствия все-сословной воинской повинности; по этому случаю у меня был такой большой приезд посетителей, что я не имел минуты свободной. Теперь, проводя гостей моих, пользуюсь первым досугом, чтобы отвечать Вам. Рукописный мой перевод повести Томаса Мура “Светило гарема”, — продолжал поэт, — послан мною уже три месяца тому назад в С.-Петербург, к одному из моих знакомых для представления в цензурный комитет. Так что приходится переписывать ее вновь с черновой тетради, а это потребует большого труда и так много времени, что изготавливаемое Ваше издание “Английские поэты”, без сомнения, будет уже окончено печатанием. При отсылке моей рукописи в цензуру я имел намерение напечатать ее в небольшом количестве

экземпляров, но с возможной типографской роскошью и с иллюстрациями, выписав для этого из Лондона те доски или клише, которые употреблены в английском щегольском издании, дополнив еще это другими, относящимися к этой повести гравюрами... Мое издание предполагалось на продажу не более двухсот экземпляров, а остальные должны были поступить в раздачу моим добрым знакомым, что и осуществится нынешнею зимою по приезде моем в С.-Петербург, где я предполагаю быть к Новому году.

Желая, однако ж, — заявил в заключение письма Дмитрий Петрович, — по мере возможности исполнить Вам угодное, препровождаю при сем самый интересный отрывок из моего перевода. Этот отрывок очень мелко написан, но займет в печати не менее пяти или шести страниц... Некоторые стихи в переводе имеют варианты, и я представляю Вашему эстетическому вкусу поместить тот из вариантов, который Вы найдете лучшим”.¹

В этом рассказе поражает все: и гостеприимность поэта, и его точное исполнение данного Гербею обещания, и поразительная трудоспособность, и тщательная отделка своих произведений, и честное исполнение своего гражданского долга. Последнее качество проявилось в декабре этого же года на сессии Симбирского губернского земства, которую он, как и Карсунскую уездную, обрисовал отнюдь не радужными красками:

И в губернии песня та же:
От волков отбою нет!

¹ Рукописный отдел РНБ, ф.179, № 81, л. 2.

Молвил кто-то: “Кстати б даже
Был бы Волчий комитет!”

Нашелся гласный, который предложил губернскому земству:

“Взять сестер всех милосердя,
Так сказать, под свой контроль”.

Во время большого спора о чистке дна “стерляжьей Суры”, отмечает поэт, “чтоб спасти от бедствий грузы предлагались нам не шлюзы, а “процентный с грузов сбор”; в Карсунской управе в кассовой книге сургучная печать найдена сломанной, а в селе Порецком сметы на постройку зданий оказались недоработанными... Понятно, что и “Эпилог” описания губернской земской сессии вышел безрадостным:

О былом воспоминаньи
Много будет грустных дум.
Сколько здесь страстей кипело!
Сколько прений шло в разлад!
Как общественное дело
Тормозить иной был рад!
Вспомнишь козни все, тревогу,
Волновавшую умы,
И воскликнешь: Слава Богу,
Что разъехались мы!¹

Подводя личные творческие итоги уходящего 1874 года, Дмитрий Петрович с удовлетворением мог отметить, что одна из его “Шуточных реляций” из французско-прусской войны вошла в сборник “Складчина”, составленный из трудов русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии, а вариант его “Чудной банду-

¹ Ознобишин Д.П. Стихотворения. Проза. Т. 2, с.189.

ры” (“Гуляет по Дону...”)) напечатан в сборнике Ф. Студитского “Народные песни, собранные в Новгородской губернии” (СПб).

А в начале 1875 года, во время пребывания поэта в Петербурге, в юмористическом журнале “Стрекоза” (за подписью “О”) был опубликован его перевод стихотворения “Из Беранже” (“У каждого свой вкус”), и, можно сказать, неожиданно вышла книжечка “Шуточные реляции в стихах о Французско-прусской войне 1870 и 1871 годов”. Порадовал Дмитрия Петровича и Николай Гербель, поместивший в сборнике “Образцовые произведения скандинавской поэзии в переводах русских писателей” перевод Д. Ознобишина лирико-эпической поэмы “Аксель” Э. Тегнера о любви шведского солдата к русской девушке, а в хрестоматии Н.Гербеля “Английские поэты в биографиях и образцах” — перевод народной шотландской песни “Жена Вильяма”.

Просматривая последнюю хрестоматию, я обратил внимание на переводы величайшей поэмы Т. Мура “Лалла Рук”, осуществленные В.А. Жуковским, Д.Д. Минаевым и неким “Б” (“Из сказки “Светило гарема”). Сопоставив сведения, содержащиеся в письмах Д. Ознобишина к Гербелю по поводу отрывка из сказки “Светило гарема”, с фактом его появления в хрестоматии “Английские поэты”, я пришел к твердому выводу, что это и есть публикация перевода Дмитрия Петровича. Значит, Николай Гербель успел таки получить и тиснуть перевод поэта-симбирянина, свободный от откровенных эротических картин, в почти готовый к тиражированию макет хрестоматии, но без указания подлинной фамилии переводчика.

Что касается, нового, 17-го по счету ознобишинского псевдонима “Б”, то он происходит от фамилии “Борисов”, под которой Дмитрий Петрович не раз выступал в “Симбирских губернских ведомостях”, “Борисов” же в свою очередь произошел от деревушки Борисова Поляна (нередко ее называли просто “Борисово”), являвшейся частью родового имения Ознобишиных в Карсунском уезде.¹

Вот как выглядел текст перевода Д.Ознобишина “Из сказки “Светило гарема” за подписью “Б” в хрестоматии Н.В.Гербеля “Английские поэты в биографиях и образцах” (СПб, 1875):

Меж всеми странами подлунного мира
На свете нет краше долины Кашмира:
То дивными розами дышущий сад!
Там манят пещеры прохладой приветной,
Там блещут потоки воды искрометной
И женские очи любовью горят.

Смотрите, вот в пурпурном блеске заката
Долина вечерней зарею объята
И смотрится в озеро, ярко горя.
Так в зеркало дева-невеста глядится, —
В ночное убранство, спеша нарядиться
И рдеет на юных ланитах заря.

Сквозь зелень тенистую храмы сияют,
Своими обрядами вечер встречают:
С высот минарета поет муэдзин,
На капище Брамь индийская жрица,
Звонками, гремя, баядерка кружится
И жжет благовония важный брамин.

Взойдет ли луна — и в лучах ее света
Потонут пагоды, дворцы, минареты,
Сады, окропленные свежей росой;
И быстро стремятся струи водопада,
Как будто падучих светил мириады.
С высот ниспадают огнистой рекой.

¹ ГАУО, ф. 85, оп.1, д. 414, л. 9.

Густые чинары берега осеняют.
Оттоле серебристые звуки слетают...
То песню ночную поет соловей,
То дева и юноша звонко смеются —
И в тихой ночи их шаги раздаются
Под тенью зелено-ветвистых аллей...
Но только лишь жаркое утро проглянет
И алой зарею поля зарумянит,
Тьма новых чудес появляется вкруг:
Из мрака холмы и потоки живые
И куполы храмов встают золотые,
Как будто от солнца рожденные вдруг.
И Сильф-Аромат свой гарем покидает:
На утро из влажных цветов вылетает
И дале в воздушные выси летит.
А ветер любовью и негою дышит,
Зеленые ветви чинары колышет —
И робкое дерево тихо дрожит.
Как первой любви лучи молодые,
Так взоры светила горят огневые,
С зарей, нисходя на счастливый Кашмир,
Священные страны святого Востока
Сияние солнца и славу пророка
Равно разливают на радостный мир.

Предоставляя возможность самим читателям оценить художественные достоинства этого перевода, замечу, что он убедительно свидетельствует о том, что наш поэт активно занимался литературным творчеством до последних лет своей жизни. Весной того же 1875 года П.П. Косаговский известил Дмитрия Петровича о награждении его чином действительного статского советника (приравняваемого к воинскому званию генерал-майора). Поэт тепло поблагодарил сановника за добрую весть и с грустью признался:

Но мне уж на краю могилы
Не льстит звезда под старость лет!
Пускаться тяжко мне в дорогу!

Взглянувши на пройденный путь,
Припомня дней былых тревогу,
Со вздохом скажешь: слава Богу,
Теперь не грех и отдохнуть!

Как складывался его “отдых”, видно из письма к Александру Львовичу Киндякову (владельцу прелестной рощи недалеко от Симбирска) от 14 октября 1875 года. Выразив признательность за доставку из Лейпцига одной из книжных новинок, поэт продолжал: “В первых числах декабря я надеюсь еще застать Вас в Симбирске, куда мы все, губернские гласные, должны собраться на зимнюю сессию; авось к тому времени и путь зимний установится. Теперь же хоть и выпал снег и необыкновенно ранняя зима предъявила права свои, у нас совершенная бездорожица. Я должен был недавно испытать все дорожные невзгоды при поездке моей на карсунскую уездную земскую сессию, которая у нас, благодарение Богу, прошла благополучно, без особенно крупных скандалов.

Пишу к Вам эти строки под грустным впечатлением, вынесенным мною из последних газет, уведомляющих о кончине нашего даровитого поэта графа А.К.Толстого, который сам уморил себя неблагоразумным своим лечением”.¹

Усердным тружеником, настоящим гражданином, тонким ценителем всего прекрасного и верным служителем поэзии встречал Дмитрий Ознобишин в Симбирске 1876-й год.

¹ ГАУО, ф. 659, оп. 1, д. 210, л. 3.

“ЖИЛ И УМЕР ДЖЕНТЛЬМЕНОМ-ПОЭТОМ”

В те декабрьские дни 1875 года, когда Дмитрий Ознобишин находился в Симбирске по земским делам, газеты принесли скорбную весть о кончине в Москве 75-летнего академика-историка Михаила Петровича Погодина. Нашему поэту почивший был дорог как товарищ по московским литературным кружкам 1820-х годов, как издатель журналов, в которых печатались его стихи и очерки, как почитатель Н.М. Карамзина, с которым довелось в 1845 году вместе выступать при открытии памятника автору “Истории государства Российского” в Симбирске.

А когда в руки Дмитрия Петровича попали стихи князя П.А. Вяземского “Памяти М.П. Погодина”, то он не удержался от того, чтобы не откликнуться на них стихотворением и письмом. “Оно было внушено Вами, — писал Дмитрий Петрович князю 4 марта 1876 года, — так прекрасно и тепло выразившим давно минувшие дни нашего незабвенного, уже не существующего литературного кружка! Совершенно верно и правдиво повторю я словами Вашими:

Все было в той поре заманчиво и ново,
Дух свежий охватил сподвижников младых,
В народе отзыв был на каждое их слово,
Заслушивался он речей и песен их!

Пришлась по душе Ознобишину и та часть стихотворения Вяземского, где князь воспел усилия Погодина по оказанию помощи славянским братьям в борьбе за освобождение от османского ига. В своем отклике Дмитрий Петрович тоже выделил эту деятельность Погодина:

Сын верный России рыдая молил:

“Спасите. Они наши братья!

Четыре столетия народ выносил

Обиды, насилия, проклятья!

Их стоны, их слезы не чужды для нас!

Мы также влачили оковы!

В полях Куликовых Россия взвилась, —

Позор они смоят Косовы!..”¹

Примечательно, что этой же весной поэт и его близкие знакомые князь В.И. Баюшев, доктор Н.А. Глассон, управляющий контрольной палатой А.П. Горизонтов стали членами симбирского отделения “Православного миссионерского общества”, занимавшегося оказанием помощи народу Болгарии, и внесли первые денежные взносы.² После того, как летом 1876-го года Сербия и Черногория выступили против Турции, а в России началось массовое движение в поддержку балканских славян, Дмитрий Петрович счел возможным опубликовать в столичном “Русском архиве” П.И. Бартенева свое стихотворение (приложенное к поднесенной Цесаревичу Александру Александровичу камышевой трости Г. Потемкина-Таврического), начинающееся строками:

Был век, роились исполины,

Венчал нас лавром каждый год!

Век дивных дел Екатерины

В народной памяти живет!

А в послесловии к публикации стихотворения поэт с гордостью поведал о своем деде по матери, греке Иване Андреевиче Варвации, которого Ека-

¹ Ознобишин Д.П. Стихотворения. Проза. Т. 2, с. 578.

² Симбирские епархиальные ведомости, 1876, 15 января.

терина II “за участие в Чесменской битве, где он со своим брандером способствовал победе, одержанной над турками графом Орловым-Чесменским, наградила истинно по-царски, чином поручика русской службы и, в замен конфискованного у него турками миллионного состояния, астраханскими рыбными ловлями.”¹

19 апреля 1877 года Россия начала боевые действия против Турции. Симбирская общественность внесла десятки тысяч рублей на нужды Российского Красного Креста. Сотни добровольцев отправлялись в действующую армию. Этот порыв патриотизма словно подвигнул Дмитрия Петровича на поездку на Кавказские минеральные воды для поправки здоровья. Увы, это путешествие оказалось последним в его жизни. Вот как об этом говорилось в некрологе, написанном князем В.И. Баюшевым 5 сентября 1877 года и опубликованном 14 числа в “Московских ведомостях”.

“Желая поддержать свои слабеющие от лет и недугов силы, — писал Баюшев, многие годы общавшийся с поэтом, — он в июне сего года отправился на Кавказские минеральные воды. Выдержав там полный курс лечения сперва в Ессентуках, а потом в Кисловодске, он собрался в обратный путь. Но, будучи последователем светских приличий, пожелал отдать своим мимолетным знакомым прощальные визиты.

К несчастью, его возница, с которым он отправился исполнить добровольную обязанность, был пьян и опрокинул коляску вместе с сидевшим в

¹ Русский архив, 1877, № 9, с. 34.

ней поэтом, причем, как видно, организм Дмитрия Петровича был сильно потрясен, так что он не мог уже отправиться в дорогу и, час от часу слабея, скончался — через полтора дня после случившейся с ним катастрофы, будучи в совершенной памяти и не потеряв стихотворческого дара. За несколько часов до смерти он произнес окружающим его знакомым саркастическое четверостишие следующего содержания:

Наш Кисловодск как раз услужит:
Он заманит обильем вод,
Нарзана газом вас задушит
И экипажем вас убьет!

Таким образом, наш незабвенный согражданин, как жил, так и умер джентльменом-поэтом.

Последние годы жизни Дмитрий Петрович, кроме сочинения различных статей, мелких стихотворений, эпиграмм и пр., написанных и сказанных им на различные случаи государственной, общественной и частной жизни, занимался переложением в стихи псалмов Давида, из коих три первые переложены были еще при жизни высокочтимого митрополита Филарета, который удостоил выслушать их от поэта и благословил на дальнейший труд. Это обстоятельство подало повод Дмитрию Петровичу написать к будущему изданию псалмов предисловие... К сожалению, труд этот не был окончен вполне. Последнее напечатанное стихотворение Ознобишина, написанное по случаю поднесения наследнику Цесаревичу трости, принадлежавшей некогда Екатерине Великой и подаренной ею князю Петемкину, появилось уже после кончины поэта... В этом стихотворении он, как нельзя более,

кстати, напоминает о славе русского оружия в войнах с турками в царствование Екатерины и прославляет деяния сподвижника ее великих дел.

Покойный поэт оставил превосходную библиотеку, единственную ныне в Симбирской губернии из принадлежавших частным лицам (за уничтожением пожаром таковой же, принадлежавшей Н.Т. Аксакову), на пополнение которой он ежегодно издерживал большую сумму. Тело его из Кисловодска привезено в имение его, Карсунского уезда, село Троицкое, где и погребено в сооруженной им церкви”.

Мы признательны князю Баюшеву за оперативный и от души написанный отклик на гибель поэта, но не можем не сожалеть, что Василий Иванович не нашел возможности развить хотя бы некоторые чересчур лаконично выраженные им суждения. Кто из близких Дмитрия Петровича был рядом с ним в Кисловодске и кто именно передал в Симбирск тому же Баюшеву подробности его гибели, включая и предсмертное четверостишие? Кто и как организовал доставку из Кисловодска в симбирское имение Ознобишиных тело поэта, и что представлял собою родовой склеп близ церкви? А как важно было бы читателям познакомиться с расшифровкой тезиса о том, что “наш незабвенный согражданин, как жил, так и умер джентльменом-поэтом”.

Некрологи и сообщения о нелепой гибели Дмитрия Петровича появились также в “Новом времени”, “Голосе”, “Современных известиях”, “Всемирном календаре на 1878 год”, других петербургских и московских изданиях, но все они ограничивались

пересказом некролога Баюшева. Еще более странно, что “Симбирские губернские ведомости” и “Симбирская земская газета” ни единым словом не обмолвились об уходе из жизни своего замечательного земляка-поэта, чьи произведения уже полвека включались в школьные хрестоматии, автора капитального руководства по проведению в жизнь освобождения крестьян, просветителя, помогавшего развитию начального и среднего образования в губернии, одного из пионеров становления земских учреждений, члена статистического комитета и Общества сельского хозяйства, доброхота, помогавшего многие годы Карамзинской общественной библиотеке, популярного оратора на различного рода общественных торжествах, проводившихся в Симбирске.

Князь Василий Баюшев в некрологе, напечатанном в “Московских ведомостях”, очень метко сказал, что Дмитрий Петрович “как жил, так и умер джентльменом-поэтом”. Знаток основных языков Европы и Востока, Ознобишин прекрасно знал литературу и историю народов, их населяющих, и смог бы сойти за настоящего джентльмена и в чопорной Англии. Поэт всегда и везде одевался со вкусом, но отнюдь не шикарно. В интеллектуальном обществе был интересным собеседником и по вопросам отечественной и зарубежной литературы и искусства, и при обсуждении важнейших событий российской и зарубежной жизни. По отношению к дамам он вел себя галантным кавалером, а в мужском обществе слыл эрудированным и остроумным человеком, деятелем, всегда верным данному слову, сохраняющим свое достоинство и в общении с гу-

бернатором и иными сановниками. Дмитрий Петрович был противником долгих и шумных застолий и пьянства. Уважение окружающих вызывала и библиофильская страсть поэта — на свою библиотеку, лучшую в губернии, денег не жалел.

В некрологе Баюшева, который сам имел хорошую библиотеку и выступал в печати со статьями и очерками, заслуживает внимания суждение, что Д.П. Ознобишин — “едва ли не последний из писателей Карамзинской литературной школы” (еще жил и творил князь Петр Вяземский, который был постарше нашего поэта, а главное, имел счастье многие годы общаться с Николаем Карамзиным как со своим родственником и наставником). Василий Баюшев метко подметил: Дмитрия Ознобишина действительно можно считать воспитанником своего великого земляка. О нем он постоянно слышал еще в отчем крае, зачитывался его творениями в петербургском доме Казадаевых, а затем и в стенах Благородного пансиона Московского университета. И по собственному признанию, издавая в конце 1822 года альманах “Новые Аониды”, тем самым шел по пути Николая Карамзина, выпускавшего в Москве альманах “Аониды”. С конца 1820-х годов и на протяжении четырех с лишним десятилетий ближайшим другом Дмитрия Петровича был Николай Тимофеевич Аксаков, которого Н.М. Карамзин знал как своего родственника и “хорошего человека”.¹ От него, как, впрочем, и от давнего знакомого литератора М.А.Дмитриева, состоявшего тоже в родстве с Карамзиными, Озно-

¹ Исторический архив. 1993, № 2, с.179.

бишин узнавал новые подробности о Николае Михайловиче как о поэте, писателе, историке, человеке и гражданине. И прав Ю.М. Лотман, утверждая, что роль Карамзина в истории русской культуры измеряется не только его творческим наследием: он сам как человек был величайшим уроком. “Воплощение независимости, чести, уважения к себе и терпимости к другому не в словах и поучениях, а в целой жизни... — это была школа, без которой человек пушкинской эпохи, бесспорно, не стал бы тем, чем он сделался для истории России”.¹

Дмитрий Ознобишин был очарован одухотворенностью личности Карамзина, примером его самозабвенного труда во имя родного Отечества, его безукоризненной честностью, принципиальностью и мужеством в отстаивании своих взглядов на роль тех или иных личностей в жизни России или мер по усовершенствованию системы государственного управления, развитию просвещения или ускорению освобождения крестьян от крепостничества. Само собой разумеется, что поэту импонировала трогательная сыновья любовь Николая Михайловича к великой матушке-Волге, к природе Симбирского края, к многонациональному народу, осваивающему окраины Российского государства.

Что же касается литературной школы Карамзина, то Дмитрий Петрович прошел ее в самом начале своего творческого пути. Он прочно усвоил созданный историографом государства Российского литературный язык, сходный с тем, каким говорят в жизни образованные люди. Ему по душе пришлось

¹ Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1987, с. 308.

изображение автором “Бедной Лизы” страстей простого человека “посреди обыкновенного быта”. По карамзинским “Письмам русского путешественника” Дмитрий Ознобишин учился вести собственный дневник путешествия по Западной Европе в 1847—1848 годах. Свое преклонение перед Карамзиным-историком Дмитрий Петрович выразил на торжествах, посвященных открытию памятника историографу в Симбирске 22—23 августа 1845 года. С первых же дней работы Карамзинской общественной библиотеки он всемерно поддерживал ее деятельность. Д.П. Ознобишин был одним из главных деятелей Симбирска и во время торжеств, посвященных 100-летию со дня рождения Н.М. Карамзина.

Члены комитета Карамзинской общественной библиотеки, отдавая должное таланту Дмитрия Петровича как поэту, переводчику, фольклористу, историку, просветителю и краеведу, еще при его жизни оказали ему свое уважение тем, что поместили его портрет в галерею выдающихся земляков-литераторов и отвели почетное место дарственным его книгам. К несчастью, все это погибло во время пожара 1864 года... Некоторым утешением стали новые дары поэта, многократно увеличенные его потомками в наше время, что позволило зримо представить, какой была ознобишинская библиотека в XIX веке.

Несмотря на широкую известность Д.П. Ознобишина как поэта и общественного деятеля, его имя не упоминалось в симбирской печати более четверти века. Впервые о нем заговорили на заседании Симбирской губернской ученой архивной

комиссии в связи с 40-летием августовского пожара 1864 года: после прочтения рукописи Дмитрия Петровича об этом пожаре она была рекомендована к печати. Этим решением СГУАК как бы и отметила 100-летие со дня рождения поэта.

Зато сотрудник Пушкинского Дома Б.Л. Модзалевский, в руки которого попал семейный архив, переданный потомками Д.П. Ознобишина, написал библиографическую справку о поэте, которая появилась в 1905 году в "Русском биографическом словаре". Этой справкой воспользовался 19-летний воспитанник симбирской духовной семинарии Николай Александрович Державин, опубликовав (под псевдонимом Н. Ден) в газете "Симбирянин" 2 августа 1907 года заметку: "Юбилей забытого поэта" — так он отметил 30-летие гибели Д.П. Ознобишина. Через три года, уже в столичном "Историческом вестнике" (1910, № 9), этот начинающий краевед опубликовал статью "Забытые поэты", в которой вкратце рассказал о симбирянах-литераторах А.И. Тургеневе, А.В. Тимофееве и Д.П. Ознобихине. На сей раз автор передал читателям основное содержание брошюры "Биография Д.П. Ознобишина", вышедшей в 1878 году в Петербурге, и справки о Дмитрие Петровиче из хрестоматии Н.В.Гербеля "Русские поэты в биографиях и образцах" (СПб, 1880 и 1888 гг.). Спустя два года, в связи с 35 годовщиной кончины Д.П. Ознобишина, Н. Державин в газете "Симбирянин" от 2 августа 1912 года напомнил землякам об очередном юбилее поэта. Наконец, в "Справочной книге и адрес-календаре Симбирской губернии на 1916 год" тот

же краевед в разделе “Симбирский пантеон”, приведя справку о Дмитрие Ознобишине, заявил, что он “умер 2 авг. 1877 г. в Кисловодске, где и погребен”.

Итак, за четыре десятилетия, прошедшие со дня гибели поэта, несмотря на то, что В.И. Баюшев еще 14 сентября 1877 года в “Московских ведомостях” сообщил, что тело Д.П. Ознобишина привезено из Кисловодска в родовое имение поэта, никто из журналистов и краеведов не побывал в Троицком и Китовке, не поведал землякам о состоянии могилы и усадьбы Ознобишиных и не запечатлел их на фотоснимках.

Что касается родных поэта, то они давно покинули родовое имение: сын, И.Д. Ознобишин, умер в 1896 году и был похоронен в Петербурге, его жена, Софья Дмитриевна, в 1911 году продала родовое имение и уехала. А внук, генерал Дмитрий Иванович Ознобишин, с 1905 года обитал в Париже. Неудивительно, что за годы 1-й мировой и гражданской войн могилы поэта и его родных, оставшиеся без надлежащего надзора, превратились в безымянные...

В таких случаях, как водится, рождаются различного рода предания и легенды, основанные на рассказах престарелых старожилов, а то и злонамеренные вымыслы падких на сенсации журналистов или таких доверчивых начинающих краеведов, которые вместо кропотливых разысканий подхватывают “жареные” факты, прикрывая с их помощью свою научную немощь.

НАЙТИ МОГИЛУ ПОЭТА!

Указание краеведа Н. Державина в “Справочной книжке и адрес-календаре Симбирской губернии на 1916 год” о том, что прах Дмитрия Петровича Ознобишина покойся с 1877 года на Кисловодском кладбище имело под собой основание — данные справочника В.И. Чернопятава “Некрополь нескольких мест Кавказа”, изданного в 1913 году в Москве. Эту версию о месте последнего покая поэта-симбирянина реанимировал журналист Б. Розенфельд в заметке “Забытый певец кавказских курортов”, появившейся 26 ноября 1965 года в газете “Кавказская здравница”. Но и он следов этой могилы не обнаружил...

Осенью этого же года в отчете крае Дмитрия Петровича возникла новая версия о его могиле, которую старожил Инзы Петр Ильич Воронин (в соавторстве с учениками школы №2 Владимиром Ивлиевым и Олегом Фокиным) изложил в статье “Прошлое села Китовки” на страницах районной газеты “Вперед” 22—25 сентября 1965 года.

О “Китовском приходе” в статье говорилось так: “В 1800—1810 годах в Китовке вместо прежней деревянной церкви (бывшей в селе Троицком) была построена большая каменная. Строил ее вместе с крестьянами помещик Петр Иванович Ознобишин. В 1858 году к ней был пристроен придел “Троицкий” Верой Павловной Ахматовой. В ограде был сложен памятник. В 1862 году, после смерти Ахматовой, земля ее перешла к князю Гагарину (ему за службу было подарено село Пазухино). Дмитрий Петрович Ознобишин (поэт, года жизни 1804—1877) в ограде церкви поставил памятник рядом с памятником Ахматовой, умер же в Крыму. Гроб

с телом Ознобишина был привезен в Китовку. В 1877 году от усадьбы Ознобишиных (в селе Троицком. — Ж.Т.) до церкви была проложена аллея, на которой росли акации. При церкви в 1869 году была построена сторожка. Китовка подразделялась на такие части, как Китовский поселок — общество однодворцев (потомков сосланных дворян и др.), Алашеев конец (назван по фамилии Алашеевых, имевших там крепостных), общество разночинцев (людей разных сословий), куда входила Красная Слободка, в которой жили крестьяне помещика Ознобишина”. Старожил Петр Воронин, ссылаясь на рассказы своей бабушки, указал и современное место нахождения могилы поэта — “промежуток между домами Столбова и Арсентьева” по ул. Энгельса.

Казалось бы, инзенский отдел культуры после появления в печати двух версий о местах захоронения своего выдающегося поэта-земляка организует поисковые работы, обратится за содействием в областные учреждения, включая Краеведческий музей и Общество охраны памятников истории и культуры. Увы, только без малого четверть века спустя вопрос о нахождении ознобишинской могилы приобрел злободневную остроту. И то благодаря педагогу Н. Волосковой, которая побывала в усадьбе Столбовых и встретила с 84-летним Степаном Григорьевичем Штрамовым, который “с шестом в руке определял место возможного захоронения поэта”. В заметке, опубликованной 30 сентября 1989 года в газете “Вперед”, она пишет со слов старожила: “Помнит склеп, все, его вскрытие, изъятие вещей — шпаги и даже зубов (протезов)”. Завершилась статья Н. Волосковой заявлением: “От сотен

доброжелателей предлагаю в год 185-летия со дня рождения поэта сделать захоронение Ознобишиных мемориальным и установить на могиле памятник”.

Поначалу события развивались стремительно: уже 4 октября состоялся сход граждан, на котором, по словам Н. Волосковой, была “одобрена идея увековечения памяти поэта-земляка Дмитрия Петровича Ознобишина. 28 октября 1989 года с первым секретарем райкома комсомола Николаем Малышевым молодежь очистила площадку, где предполагалось поставить памятник поэту Ознобишину”.

А 28 июня 1990 года Н. Волоскова публикует в газете “Вперед” тревожную заметку “Вандализм и спасение”. Оказывается, 18 июня во время прокладки водопровода на усадьбе Столбовых был разрушен склеп... Когда автор прибыла туда, то ее взору открылась картина: “Вздыбленная земля, буквально втоптанные в вязкую ее массу останки, покоившиеся здесь многие десятки лет... Но этого, видимо, не замечали те, кто проводил водопровод к дому, пока в пробитом овальной формы отверстии кирпичного склепа не обнаружился гроб, в котором все варварски кто-то успел перевероршить... Об этом расскажут фотодокументы”. На следующий же день состоялось “вынужденное перезахоронение на Китовское кладбище... Кто был погребен? Пока есть только предположение. Слово за специалистами. Несомненно одно: вынужденное перезахоронение было из родного склепа. С родового кладбища Ознобишиных”.

Воздавая должное уважение усилиям Н. Волосковой по перезахоронению останков из склепа в частной усадьбе на Китовское кладбище, я не разделяю ее суждения, что склеп на усадьбе дома № 54

по ул. Энгельса находился, мол, на “родовом кладбище Ознобишиных”. Во-первых, в селе Китовке, как это видно из справки в “Симбирских губернских ведомостях” от 9 апреля 1866 года, находились дачи равноправных восьми владельцев: “гг. Вик, Ознобишина, Алашеевых, протоиерея Биркиневского, однодворцев Веретенникова, Дурасовых, Гельшерт и Фокиных”. Мало того, что каждый из них находился в одинаковых отношениях к здешней церкви и кладбищу, но, как указывалось выше, в 1858 году А.П. Ахматова устроила придел Троицкий к церкви, за что и удостоилась права поставить в ограде свой памятник. А во-вторых, не найден документ, который свидетельствовал бы о том, что Ознобишины имели в Симбирской губернии родовое кладбище. И, наконец, только тщательная судебно-медицинская экспертиза могла бы сделать заключение, что останки из склепа усадьбы Столбовых принадлежат кому-нибудь из рода Ознобишиных.

Между тем Т.М. Гольц выпустила в Душанбе в 1991 году второе издание книги “Сердце брата”. Отметив, что на Кисловодском кладбище нет никаких следов могилы Д.Ознобишина, Татьяна Матеосовна продолжила: “А земляки Ознобишина считают, что тело его было привезено с Кавказа и похоронено в ограде Китовской церкви на полугоре в склепе... Около церкви была часовня, под часовней — каменный склеп, где хоронили Ознобишиных”. К сожалению это суждение ничем в книге не подкреплялось. В предисловии к сборнику “Д.П.Ознобишин. Стихотворения” (М., 1992, с. 25) Т. Гольц несколько видоизменит предание о месте захоронения поэта: “в склепе, находившемся в ограде церкви села Китовки (приход Троицкого; раз-

рушена в 30-е годы)". Это предание неверно и в том смысле, что церковь в Китовке никогда не была "приходом Троицкого", зато к ней в 1856 году пристроили иждивением А.П. Ахматовой "придел Троицкий".

Свою лепту в байки о захоронении Д.П. Ознобишина внесла С. Васильева в статье о поэте "А мы о нем и не знали...", опубликованной 21 июля 1994 года в "Симбирских губернских ведомостях". Дав волю своей фантазии, журналистка уверяла читателей, что тело Дмитрия Петровича в Китовке "покоилось в гробу", подвешенном на цепях в родовом склепе, находившемся в ограде местной церкви. Одет он был в генеральский мундир, на руке были серебряные часы, рядом положили саблю, а на грудь — крест с бриллиантами". Тиражировала С. Васильева и нелепую выдумку о том, что тело поэта якобы, вытащив из склепа, приставили к церковной стене, чтобы сельчане здесь "боялись".

Через пять лет сотрудник той же газеты А. Баранов в номере от 27 июля 1999 года опять мулсирует байки о китовском захоронении Д. Ознобишина: "Во время первой мировой войны храм растащили по кирпичику на свои нужды жители, а какой-то "Попов отряд" добрался-таки до ознобишинского склепа. Гроб с телом поэта висел на цепях. Поповцы вскрыли его и едва не лишились чувств — Ознобишин лежал как живой... Не найдя никаких ценностей в усыпальнице, впоследствии выставили гроб на всеобщее обозрение. Говорят (кто? — Ж.Т.), покойником проверяли на стойкость даже пионеров. Юных ленинцев заставляли стоять возле "почти живого" Ознобишина".

Т.М. Гольц, будучи уже больной, не смогла обратиться в подобного рода грубых поделках журналистов и в статье “Поэт и полиглот”, вошедшей в двухтомник “Д.П. Ознобишин. Стихотворения. Проза” (М., 2001, с. 374), коснувшись захоронения Дмитрия Петровича, по сути повторила досужие домыслы: “в фамильном склепе под церковью Китовки (приход села Троицкого). В 1926—1927 годах церковь была разрушена и гроб вскрыт; неистлевшее тело Ознобишина (?) показывали ученикам, чтобы продемонстрировать обряд погребения богатого помещика. Поэта похоронили вторично близ церкви (в настоящее время — сад дома Столбовых, с. Китовка, ул. Энгельса, д. 54)”.

И хотя утверждение, что кто-то видел в 1920-х годах “неистлевшее тело Ознобишина” — очевидный плод воображения обывателя, тем не менее в 2003 году члены инзенского оргкомитета Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Д.П. Ознобишина, сумели добиться решения Совета депутатов Инзенского района от 14 марта 2003 года о перезахоронении “останков поэта в ограде часовни во имя св. мч. Веры, Надежды, Любви и матери их Софии 15 мая 2003 года”.

В ответ на это решение, появившееся 1 апреля в газете “Вперед”, Н. Волоскова выступила 19 апреля в той же газете с размышлениями: “А может быть, останки поэта Д.П. Ознобишина перезахоронены?” Напомнив, что 19 июня 1990 года уже произошло “вынужденное перезахоронение останков из ограды церкви Ознобишиных” (но такая церковь не существовала. — Ж. Т.), на фундаменте которой ныне

“стоит жилой дом”, Н. Волоскова обратила внимание, что на Китовском кладбище на месте перезахоронения уже стоит памятник-крест... В заключение автор поставила серию вопросов: “Во-первых, 200-летие со дня рождения Д.П. Ознобишина будет осенью 2004 года; во-вторых, где останки поэта, которые собираются перезахоронить? По этому поводу ходят очень неприятные слухи. В-третьих, почему местом перезахоронения определяется небольшая площадка храма-часовни?.. Может следует посоветоваться с народом, с интеллигенцией, с коллективом школы №3 имени Д.П. Ознобишина, как увековечить память поэта?”

Полмесяца потребовалось В. Шкунову, для того чтобы выступить 6 мая 2003 года в той же районной газете с пространной репликой “К вопросу о памяти, или Вновь о поэте”. Обращаясь к Волосковой, автор не без иронии пишет: “Очевидно запомывала уважаемая Надежда Константиновна, что останки, перезахороненные на Китовском кладбище, принадлежали женщине, а никак не Ознобину. Найденный в 1990 году гроб был обшит красивой парчой цвета лазури, а предметы, находившиеся в захоронении (в частности, большой светлый локон волос), свидетельствовали о том, что находилась в нем православная женщина... Возможно, останки принадлежат одной из представительниц рода Ознобишиных (в частности, одной из жен поэта: Елизавете Александровне или Таисии Константиновне).

Во время проведенных осенью 2002 года раскопок преподаватель и студенты нашего техникума в нескольких метрах от той могилы, которую обна-

ружили в 1990 году, нашли склеп, выложенный красным кирпичом. Склеп был сооружен на совесть: достаточно толстые стены и свод были сложены аккуратно из тщательно подогнанного кирпича. Судя по разломанному верху склепа, видно, что могила ранее вскрывалась. После выемки разбитого кирпича и грунта был обнаружен деревянный гроб, обшитый изнутри и снаружи металлом. Не в православной традиции было хоронить покойного в металлическом гробу. Объяснение этому факту может быть одно: тело умершего и похороненного здесь человека перевозили издалека, чтобы упокоить на местном церковном кладбище”.

И хотя краеведам не был известен факт, что “гроб с неистлевшим телом поэта был вскрыт в 1926—1927 годах”, а затем якобы снова захоронен, В. Шкунов, основываясь на этом мифе, повторяет измышления о “демонстрации останков поэта” ученикам советской школы. “Но вернемся к нашим раскопкам, — продолжает директор техникума. — Тело, обнаруженное в склепе, по всей видимости, извлекалось из гроба, поскольку было расположено не по-христиански: останки рук не были сложены на груди, а лежали вдоль стенок гроба, голова была повернута набок. Были обнаружены и частицы верхней одежды черного цвета и остатки кожаной обуви. Останки были тщательно собраны и подготовлены к перезахоронению. В настоящее время они хранятся в нашем техникуме (заметим, в приличных условиях) и ждут своего часа. Чтобы перезахоронить их, необходимо соблюсти все официальные формальности”.

Не сказав, кто разрешил преподавателям и студентам техникума изъять останки тела из гроба,

многие годы находившегося в склепе, и перенести в здание техникума, В. Шкунов пояснил Н. Волосковой, почему “памятник (какой именно? — Ж.Т.) роду Ознобишиных” решено установить в ограде часовни: так, мол, безопаснее для памятника...

А между тем в инзенской типографии на мелованной бумаге тиражировалось красочное “Приглашение” к участию в Международной научно-практической конференции, посвященной Д.П. Ознобишину. Согласно регламенту, 15 мая 2003 года с 10 до 12 часов дня предусматривалась “панихида в Святоникольской церкви по случаю перезахоронения останков Д.П. Ознобишина”, с 12 до 13.30 — “церемония перезахоронения останков”, а затем — полтора-часовой поминальный обед. Я не удостоился приглашения на все эти мероприятия, где почетными гостями были зам. главы администрации Ульяновской области М.Г. Большакова и архиепископ Симбирский и Мелекесский Прокл, и поэтому не могу точно сказать, почему же “перезахоронение останков Д.П. Ознобишина” не состоялось. Думается, что ни тогда, ни сегодня нет документальных оснований считать останки, хранившиеся в инзенском техникуме, за ознобишинские. Материалы этой конференции, а также второй, состоявшейся тоже в мае 2004 года, были изданы сборниками, но вопрос о могиле Д.П. Ознобишина в них не нашел отражения. Судя по печати, не обсуждался он и в юбилейные октябрьские дни 2004 года, ибо В. Шкунов потерял интерес к столь щекотливому делу.

Но для всех деятелей, кому дорого достойное увековечение памяти выдающихся наших земляков, установление места захоронения Дмитрия Петро-

вича является делом чести. Понятно, что этим деликатным и сложным делом должна заняться комиссия (под эгидой областного управления культуры), составленная из биографов поэта, историков-краеведов, научного сотрудника областного госархива, представителя инзенского музея краеведения, а также хотя бы аспиранта тамошнего филиала Ульяновского госуниверситета. За основу поиска комиссия должна взять указание князя В.И. Баюшева в некрологе о Д.П. Ознобишине, напечатанном 14 сентября 1877 года в "Московских ведомостях", что тело поэта, скончавшегося 2 августа в Кисловодске, уже "привезено в имение его, Карсунского уезда, село Троицкое, где и погребено в сооруженной им церкви". Это сведение князь получил от близких Дмитрия Петровича, и сомнение вызывает лишь названное им место захоронения. Так до сих пор и неизвестно, где же покоится прах поэта — в Троицком, где находилась родовая усадьба Ознобишиных (а возможно, что и в церкви, но со временем закрытой и разобранной), или в ограде церкви в Китовке, прихожанами которой в 1870-х годах были и поэт, и его сын Иван Дмитриевич с семьей.

После определения участков (по остаткам фундаментов), где находились церкви в Троицком и Китовке, можно начать вскрытие ближайших к ним почетных мест захоронения в надежде найти там личные вещи Д.П. Ознобишина (скажем, пуговицы мундира и т.п.). Не откладывая в долгий ящик следует вести поиск потомков поэта в Москве и Петербурге и при их содействии добыть пробы, которые могут понадобиться при анализах на генетическом уровне останков скелета и пр.

В столичных архивах и музеях необходимо тщательно обследовать личные фонды Аксаковых, Ахматовых, Бекетовых, Базилевских, Морозовых, Киндяковых и других дворян, входивших в ближайшее окружение Д.П. Ознобишина в Симбирском крае. Интересующие нас документы, письма и фотографии могут оказаться и в Пензе. Да и в Инзе есть еще старожилы, которые помнят места захоронения при церкви или хранят фотоснимки церкви и памятников близ нее.

Уверен, что при добросовестной работе членов комиссии уже через год-два наберется достаточно документов и материалов для того, чтобы твердо заявить в печати о месте захоронения Д.П. Ознобишина. И гораздо раньше комиссия сможет официально опровергнуть журналистские измышления о том, будто в 1920-х годах власти выставляли тело поэта для проверки пионеров “на стойкость” и т.п.

P.S. Перед сдачей рукописи этой книги в типографию ко мне попала статья В. Ефимова “Д.П. Ознобишин” из газеты Кузоватовского района “Знамя Ильича” от 21 декабря 2004 года. В. Ефимов, учившийся в конце 1930-х годов в школе села Китовка, хорошо помнит, что “ознобишинская Христорождественская церковь в те годы еще действовала” и туда водила его бабушка. Он даже помнит, что вокруг церкви росло много лип. Весьма важным является и следующее заявление В. Ефимова: “Здание Христорождественской церкви было разобрано в 50-е годы XX века. От могилы Д.П. Ознобишина не осталось и следа”. Это заявление сторожила опровергает мнение некоторых авторов, что церковь в Китовке была разрушена в 1926—1927 годах...

Часть II

“БИОГРАФИЯ Д.П. ОЗНОБИШИНА” — ЭТО АВТОБИОГРАФИЯ ПОЭТА

В следующем после гибели поэта, 1878 году в Петербурге крохотным тиражом вышла брошюрка “Биография Д.П. Ознобишина”, причем без упоминания имени автора. Казалось бы, этот почин в увековечении памяти известного поэта, переводчика, фольклориста и общественного деятеля найдет отклик в родном для него Симбирске.

Увы, и “Симбирская земская газета”, и “Симбирские губернские ведомости” “не заметили” появления в столице брошюры о Д.П. Ознобишине и не обратились к читателям с просьбой поделиться воспоминаниями о выдающемся земляке. А только четверть века спустя, в канун 100-летия со дня рождения Дмитрия Петровича, его имя дважды появляется в журнале заседаний Симбирской губернской ученой архивной комиссии (СГУАК). В первом случае — как бы в связи с 40-летием пожара, истребившего в августе 1864 года большую часть исторического центра города, когда члены СГУАК ознакомились с ознобишинской рукописью “Симбирский пожар 1864 г. (Рассказ семейный, не для печатного обнародования)” и его стихотворением “Симбирск после пожара в августе 1864 г.” и рекомендовали опубликовать их в приложениях к журналу заседания. В этом же номере журнала в разделе о книжных поступлениях упомянут дар члена-основателя СГУАК управляющего губернской контрольной палатой Алексея Петровича Горизонтова — брошюра “Биография Дмитрия Петровича Оз-

нобишина", отпечатанная в 1878 году без имени автора в Петербургской типографии Голике. К сожалению, в журнале заседаний не говорится о том, когда и как попала в руки А.П. Горизонтова эта брошюра, напечатанная таким малым тиражом, что ее не оказалось даже в Карамзинской общественной библиотеке, с которой поэт поддерживал тесные связи и где находился его единственный прижизненный портрет.

Известный пушкинист Б.Л. Модзалевский, опубликовавший в "Русском биографическом словаре" (СПб, 1902, т. 12, с. 197) справку о Дмитриии Петровиче, учел брошюру о Д.П. Ознобишине 1878 года, но не смог назвать ее автора. Не ставил перед собой такой задачи и симбирянин Н.А. Державин в своих публикациях 1907, 1910 и 1915 годов об Ознобишине. И только в 1940-х годах эту загадку посчитали решенной: раз "Биография" Ознобишина в СГУАК поступила от А.П. Горизонтова, то он, мол, и является ее автором. Такой же точки зрения придерживалась Т.М. Голыц.

Алексей Петрович Горизонтов, коллега И.Н. Ульянова по службе в Пензенском дворянском институте, автор учебника "Естественная история" и ряда других трудов, способен был написать небольшую (на 16 страниц) "Биографию Д.П. Ознобишина", тем более, что в 1870-х годах общался с поэтом на заседаниях симбирского губернского статистического комитета, в других учреждениях. Несомненно и то, что Ознобишин и Горизонтов питали друг к другу симпатию. Но, спрашивается, зачем было Горизонтову, проживавшему к тому же до 1918 года в Симбирске, скрывать, что он является биографом всеми уважаемого поэта?

Хорошо зная по документам и воспоминаниям современников жизнь и деятельность А.П. Горизонтова, подробности его личной жизни, а также особенности его характера, я пришел к твердому убеждению, что он не мог быть автором "Биографии Д.П. Ознобишина" 1878 года. Вместе с тем содержание этой брошюры, да и манера изложения меня привели к выводу, что это не биография Дмитрия Петровича, а его автобиография, но написанная от третьего лица. Прежде чем обосновать эту находку, приведу текст брошюры 1878 года:

"Дмитрий Петрович Ознобишин, сын симбирского помещика, дворянина, которого предки являются в России при великом князе Василье Иоановиче Темном; некоторые из них были воеводами и жалованы вотчинами за крепкое сидение в Москве во время обложения ее поляками, другие впоследствии сложили голову при царе Алексее Михайловиче, на стенах Смоленских, охраняя от осаждающих поляков башни оной, из которых одна и поныне носит название Ознобишинской.. Прадед Ознобишина был при императрице Екатерине 2-й капитаном гвардии, имел множество поместий и несколько тысяч душ, растерянных его потомками. По интригам царедворцев, этот блистающий в высшем кругу Двора капитан был с секретным поручением, для производства следствия о контрабандном ввозе ревеня, отправлен на китайскую границу, где пробыл более трех лет. Забытый Государынею, которая только случайно о нем вспомнила и возвратила его на прежнюю службу, которой однако ж он продолжать уже не мог.

Ознобишин был директором банка в Астрахани, где и женился на гречанке — дочери истребителя турецких кораблей под Чесмою и знаменитого своими благотворениями миллионера коллежского советника Ивана Андреевича Варвазия. Первое начальное образование его было вверено французскому эмигранту барону Боду; по смерти же обоих его родителей во время его детства заботы о нравственном его образовании принял вышеозначенный дед его, и по знакомству своему в С.-Петербурге с сенатором И.С. Захаровым хотел поместить его в Горный корпус, под заведывание своего родственника, но предложение это не состоялось. Инспектор этого учреждения А.В. Казадаев, впоследствии сенатор, оставил службу по Горному ведомству и, имея сам семейство, решился включить его в среду одного; здесь он в продолжении пяти лет пользовался лучшими учителями, из числа которых в особенности выдаются К.И. Арсеньев и И.И. Соколицкий, оставившие по себе славное имя, хотя подвизались и на различных поприщах. По вступлении детей сенатора на службу, из которых один впоследствии был в разных губерниях губернатором, а другой — гвардейской артиллерии генералом.

Ознобишин поступил в Московский университетский благородный пансион, где считался постоянно в числе первых учеников и принимал самое деятельное участие, вместе с С.П. Шевыревым и В.П. Титовым в литературном собрании, основанном еще В.А. Жуковским в бытность его воспитанником того же пансиона. По окончании полного курса науки в названном заведении, где, сидя на

школьной скамье, Ознобишин обратил на себя внимание славящегося в свое время издателя “Вестника Европы” М.Т. Каченовского и профессора философии И.И. Давыдова, впоследствии сенатора, своею стихотворною темою “Старец”, напечатанной в 1820 годах в этом московском журнале.

Ознобишин поступил на службу в Московский почтамт, где, состоя при почтдиректоре знаменитом лингвисте И.А. Рутковском, занимался цензурой французских газет. Неудовлетворенный этою службою, Ознобишин вскоре вышел в отставку и потом, по предложению Карсунского уездного предводителя дворянства А.И. Бекетова, принял на себя звание почетного смотрителя уездного училища, а через четыре года на губернских дворянских выборах большинством двух третей голосов, удостоен звания почетного попечителя Симбирской гимназии, каковую службу нес почти два трехлетия. В это время, пользуясь полною свободою по службе, он предался литературным занятиям с тою страстью, к которой способна только молодость. С поэтически-настроенным воображением.

Первые его стихотворные пьески, имевшие успех и ходившие по рукам в рукописях, были переводы из Парни, досель неизвестные в печати, но сохранившиеся у немногих из его знакомых, были две нижеследующие, которые мы вносим здесь на память: “Свидание” и “На другой день”.

Свидание

Только час полуночи
Тихо прозвучит,
И ревнивцев очи
Сон обременит, —
Тенью незаметной

В уголок приветный
Я прокрадусь твой.
Ты откроешь взоры,
Темные от сна.
Улыбнешься страстно,
И рукой атласной
Обовьешь меня.
Миг очарованья!
Я твоё дыханье
Жадно буду пить;
Но мой друг стыдливый
Сбрось покров ревнивый,
Чтоб милее быть;
В тайное свиданье,
В тишине ночной,
Будь всегда со мной
В легком одеяньи
Грации молодой.

На другой день

О, милый друг, ты наконец узнала
Привет любви, прелестный и живой,
Его боялась ты и пламенно желала,
Им, наслаждаясь, трепетала. —
Скажи, что страшное влечет он за собой?
Приятное в душе воспоминанье,
Минутный вздох и новое желанье,
И новость страсти молодой!
Уже свой роза цвет сливает
С твоею бледностью лилейною ланит,
В очах пленительных суровость исчезает
И нега томная горит...
Смелее дышит грудь под легкой пеленою,
Накрытой матери рукой;
Любовь придет своей чредою,
И лаской резвой и живою
Расстроит вновь убор вечернею порой!
Тебе улыбка изменила.
Прошла беспечность прежних дней,
И томность нежная их место заступила;

Но ты прелестней и милей!
Ты пылкую любовь и тайной неги сладость:
Узнала пламенной душой,
И резвую сдружила младость
С своей задумчивой мечтой.

Считаем не лишним присовокупить еще, для полноты биографии поэта, что им напечатаны были в малом числе экземпляров, без означения имени, переводы из греческой антологии под названием "Гинекион" вместе с греческим текстом оных.

В последние годы своей службы при Московском почтдиректоре Ознобишин возымел намерение, при содействии дяди своего сенатора Гр. Апол. Хомутова, отца атамана казацких войск, участвовать в посольстве А.С. Грибоедова в Персию, для этого он два года занимался под руководством ученого муллы арабским и персидским языками и слушал лекции арабского языка у московского профессора Болдырева; к этому времени относятся его неудачные переводы из Гафиза и Саади, из которых некоторые были напечатаны под псевдонимом Делибюрадера.

К этой же эпохе должны быть причислены и переводы его некоторые из "Макамат, или Бесед Гарири", из которых напечатана только одна "Золотая монета", а прочие остались в рукописях, равно как и переведенная им с английского языка "Персидская грамматика" Лумедена и "Краткий персидский словарь" того же лингвиста.

Московский почтдиректор удержал его от участия в этом Грибоедовском посольстве, где бы он неминуемо погиб при неожиданной и плачевной катастрофе, постигшей все посольство.

Перевод о древних обитателях России Ибн-Фадлана, сделанный Ознобишиным, напечатанный в журнале, издаваемом в Москве Калайдановичем, доставил ему звание члена Датского королевского Общества Северных Антиквариетов; в это же время избран он был и в члены Московского общества любителей российской словесности и такового же Казанского, ныне уже несуществующего. Некоторые из стихотворений Ознобишина появились в "Урании" и "Северных цветах", двух альманахах, Московском и С.-Петербургском, на 1826-й год.

Почти всю свою молодость Ознобишин провел в переездах из одного места в другое; объехал почти всю Европейскую Россию и дважды был за границу, вместе с единственным сыном своим Иваном; посетил Англию, Францию, Италию, дважды был в Париже, прожил несколько недель в Швейцарии и более полугода в Ницце, отколь, вынужденный по морю возвратиться на родину по случаю бывших на материке Европы революций, был на острове Мальта и в Константинополе; из сего последнего прибыл в Одессу в самый разгар холеры и должен был при возврате на родину, в Сибирскую губернию, прорезать всю часть России, пораженную этим бедствием; это видно отчасти из самих заглавий его стихотворений, но об иностранных землях в них не упоминается, так как с этого времени он совершенно перестал печатать произведения своей кочевой Музы, вовсе однако же не покидая ее. Но оставляя произведения свои в своем портфеле, посвящал все свободное время изучению литературы немецкой и английской, последствием чего были в позднейшее уже время явив-

шиеся в печати его переводы с немецкого языка “Акселя” Исаия Тегнера, а с английского — “Сизиф”, Милетская сказка Литтон-Бульвера, и досель не печатанное “Светило Гарема” Томаса Мура, составляющее четвертую и последнюю повесть из знаменитого поэтического восточного романа его “Лала-рук”, откуда В.А. Жуковский передал в стихах: Пери и Ангел.

Много статей было напечатано Ознобишиным в прозе, так, например, “Смоленская святыня” в “Памятной книжке Смоленской губернии” с заглавным стихотворением и виньеткою, под коими он подписал свою фамилию; другие и довольно обширные статьи, как то литературный рассказ о пребывании в г. Симбирске блаженной памяти Государя Цесаревича Николая Александровича и еще некоторые были напечатаны под псевдонимом Борисова в “Симбирских губернских ведомостях” разных годов отдельными оттисками, в большом количестве, ходили по рукам по всей Симбирской губернии, которой губернский город был воспет им в особой детской сказке под именем “Городок”, напечатанной в журнале, издаваемом Богушевичем”.

Первое, что бросается в глаза при чтении этой “Биографии”, это ее фрагментарность и несоразмерность освещения различных периодов жизни героя. Мог ли А.П. Горизонтов, склонный к написанию научных трудов, рассказать о далеких предках поэта и даже не упомянуть о его родителях и не назвать места и даты рождения? В “Биографии” довольно подробно говорится об учебе и службе Дмитрия Петровича в Москве в 1820-х годах, о путешествии с сыном Иваном по странам Европы и

ничего о том, что поэт был дважды вдовцом и что у него есть еще и дочь Елизавета. Нет никаких сведений и о шестилетней службе Ознобишина в симбирском губернском присутствии по крестьянским делам, его деятельности в Карсунском уездном и губернском земских собраниях, членстве в губернских статистическом и училищном советах, составлении двухтомного "Руководства к изучению "Положения о крестьянах, выбывших из крепостной зависимости".

Зато только сам Д.П. Ознобишин мог говорить о таких деталях своего детства, как первоначальное обучение у французского эмигранта барона Боде, или о знакомстве своего деда с сенатором И.С. Захаровым, или об учителях, которые обучали его во время жизни в Петербурге в семье Казадаевых и т.п. Никто, кроме самого Дмитрия Петровича, не мог извлечь из заветного ящика элегии Парни для публикации или назвать так иронично "неудачными" свои переводы "из Гафиза и Саади" (Горизонтов не имел для этого ни знаний, ни морального права). Только сам поэт мог заявить, что в его архиве находится перевод с английского "доселе не напечатанного "Светила Гарема" Т. Мура. И, наконец, только он мог завершить свое жизнеописание на событии 1867 года (любой другой автор довел бы жизнеописание до гибели героя, то есть до 2 августа 1877 года).

Дело в том, что именно в то время редколлегия "Сборника исторических и статистических материалов о Симбирской губернии" готовила для включения в состав сборника серию биографий замечательных уроженцев Симбирской губернии

(Н.М.Карамзина, И.И. Дмитриева, Н.М. Языкова и др.). К здравствующим же землякам, например, к И.А. Гончарову, обратились с просьбой прислать свою автобиографию. Знаменитый романист выполнил эту просьбу, но, заметим, написал о себе в третьем лице, без подписи, так что неискушенные читатели полагали, что это — “Биография”, автор которой не пожелал проставить своей фамилии.

Д.П. Ознобишин как член губернского статистического комитета был в курсе подготовки “Сборника”, но по каким-то причинам (скорее всего — по скромности) воздержался от сдачи редколлегии текста своей автобиографии. А вот после гибели Дмитрия Петровича его сын Иван Дмитриевич, по собственной инициативе (или по настоянию литераторов, скажем, Н.В. Гербеля, составителя хрестоматии “Русские поэты в биографиях и образцах”), счел возможным издать это жизнеописание, в том виде, как оно было написано в 1867 году, то есть без указания автора и без каких бы то ни было изменений и дополнений. Кстати, Н.В. Гербель во 2-м издании своей популярной хрестоматии “Русские поэты” (Петербург, 1880) в справку об Ознобишине включил сведения из некролога о Д.П. Ознобишине князя В.И. Баюшева и из “Биографии Д.П. Ознобишина” 1878 года.

Итак, брошюра “Биография Д.П.Ознобишина” 1878 года — это автобиография поэта, а точнее — автобиографические заметки. И даже в неоконченном виде брошюра является важнейшим источником для всех исследователей жизни и творчества Дмитрия Петровича.

ДМИТРИЙ ОЗНОБИШИН И АЛЕКСАНДР ПУШКИН

В известном справочнике “Пушкин и его окружение” Л.А Черейского в справке на Д.П. Ознобишина говорится: “С его слов записаны воспоминания о встречах в 1830-х годах с Пушкиным в петербургском салоне Михаила Виельгорского”. В подтверждение составитель делает сноску на публикацию в “Симбирских губернских ведомостях” от 26 мая 1899 года, в которых была напечатана заметка В.П. Юрлова “К воспоминаниям об А.С. Пушкине”. Прежде чем обращаться к этой публикации, вошедшей и в новейшие “Пушкинские энциклопедии”, проследим взаимоотношения Дмитрия Петровича со своим великим собратом по Парнасу по другим источникам.

Примечателен достоверный факт, что еще в детстве, прошедшем в симбирском селе Троицком, его домашним учителем был сын французского эмигранта барон Александр Карлович Бодэ (1790—1861), помогавший до 1811 года в московском доме Пушкиных Александру в подготовке к поступлению в Царскосельский лицей.¹

С 1814 года Дмитрий Ознобишин жил и воспитывался в Петербурге в доме участника Отечественной войны, бывшего начальника Горного кадетского корпуса Александра Васильевича Казадаева. В числе учителей, приходивших в этот дом для обучения хозяйских детей и Дмитрия, были и известные личности, такие, как Константин Иванович

¹ Трофимов Ж. Жил и умер джентльменом-поэтом // Ульяновская правда. — 1997. — 6 августа.

Арсеньев (1789—1865) — автор книг по истории, статистике и географии, профессор Главного педагогического института. По его учебникам занимался в Царскосельском лицее Александр Пушкин, а в 1830-х годах он и лично познакомился с Арсеньевым. Другим неординарным учителем Дмитрия Ознобишина, дававшим уроки танцев, музыки и декламации, был знаменитый актер Иван Иванович Сосницкий (1794—1871). А.С. Пушкин в 1820-х годах общался как с Сосницким, так и с его женой актрисой Еленой Яковлевной.

В 1819—1822 годах Дмитрий Ознобишин учится в Благородном пансионе при Московском университете, а в 1824—1828 годах служит на Московском почтамте цензором периодических изданий, поступающих из Франции. Александр Пушкин после окончания ссылки, которую он отбывал в 1820—1826 годах на юге России и в псковском сельце Михайловское, неоднократно появлялся в Москве, и не исключено, что на каком-то из вечеров в литературных салонах, скажем, княгини Зинаиды Волконской (находившемся на Тверской), мог видеть и Дмитрия Ознобишина. Возможно, что Николай Языков, сосед Ознобишина по симбирскому имению, мог рассказывать о поэте-земляке Пушкину. Одобрительные отзывы о поэзии Дмитрия Петровича Александр Сергеевич мог слышать из уст историка и литератора Михаила Погодина или братьев Киреевских, тоже хорошо знавших поэта, переводчика и издателя альманахов “Новые Аониды” (1823 г.) и “Северная лира” (1827 г.).

Но только в 1827 году, познакомившись с содержанием “Северной лиры”, изданной Дмитрием

Петровичем в содружестве с С.Е. Раичем, Пушкин в критических заметках на альманахах отметил: “Несколько приятных стихотворений, любопытные прозаические переводы с восточных языков, имена Баратынского, Вяземского ручаются за успех “Северной лиры”, первенца Московских альманахов”.¹ Правда, в этих же заметках Александра Сергеевича говорится, что “Абр. Норову не должно было бы переводить Данте, а г-ну Ознобишину — Андрея Шенье”, но оценку переводов г-на Делибюрардера (псевдоним Д.П. Ознобишина. — Ж.Т.) Пушкин предоставил “арабским журналистам”. А “переводы с восточных языков” ему все же понравились. Небезынтересно и то, что в статье Ознобишина внимание Александра Сергеевича привлекла история древнегреческого барда Ариона, чудесная сила искусства которого спасла его от смерти. Некоторые литературоведы полагают, что прочтение этой статьи в “Северной лире” оживило в пушкинской памяти античный миф и в той или иной мере повело к созданию стихотворения “Арион”.²

Уместно также напомнить, что Пушкин так и не обнародует критические заметки об альманахе “Северная лира”. Наконец, будучи в сентябре 1833 года в Казани, в салоне поэтессы Александры Андреевны Фукс, он просил показать стихи, написанные ею, Баратынским, Языковым и Ознобишиным, и “читал их всем сам вслух”.³ Это свидетельство А.А. Фукс, опубликованное еще в 1844 году, говорит о том, что Александр Сергеевич проявлял должное внимание к творчеству Ознобишина.

¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10 томах. Т. Уп. Л., 1983. — С. 10.

² Пушкин, Исследования и материалы. Т. XI. Л., 1983. — С. 10

³ Казанские губернские ведомости, 1844. — 10 января

Отношение Дмитрия Петровича к широко известному Пушкину, который к тому же был почти на пять лет старше его, с самого начала поэтической деятельности было уважительным. Более того, он и его товарищи по литературным кружкам Москвы всячески пропагандировали пушкинские новинки. Вот характерные примеры. Как только в руки Дмитрия Петровича попал рукописный отрывок из "Бахчисарайского фонтана", он отослал копию в Петербург Эрасту Перцову, а тот, поблагодарив в письме от 24 января 1824 года за любезный подарок, в свою очередь прислал текст пушкинского послания "Н.С. Алексееву" и выразил уверенность, что Дмитрию Петровичу доставят удовольствие "такие прекрасные характеристические стихи". В письме от 26 декабря, поздравляя Ознобишина с наступающим 1825 годом, Перцов цитирует стихи из "Евгения Онегина", готовые к печати, и делится впечатлением о новой пушкинской поэме "Цыганы": "она превосходна; цензура ее не пропустила и — мы много потеряли...". А 28 марта Перцов с удовольствием высылает Дмитрию Петровичу "Евгения Онегина", "Поэмы" Оссиана, арабскую хрестоматию и другие книги.¹

К сожалению, письма самого Дмитрия Петровича 1820-х годов, в которых он высказывал свое отношение к Пушкину и его творениям, до нас не дошли. В связи с этим, особую ценность представляет то немногое, что он выразил печатно. Так, в предисловии к своей книжечке "Селам, или Язык цветов", изданной в 1830 году в Петербурге, Озно-

¹ Известия Общества археологии... Казань, 1929. Т. 34. Вып. 3—4. — С. 180.

бишин, осудив “холодность русских стихотворцев к народным преданиям”, выделил пушкинские сказки, ожившие под “гармоническим пером любимого поэта, столь разнообразного и обворожительно-го во всех своих произведениях...”¹

Пушкин останется самым любимым поэтом Дмитрия Петровича на всю оставшуюся жизнь. Свое благоговейное преклонение перед его светлой личностью и гениальным талантом Ознобишин ярко выразил в 1841 году в таких строфах:

Полн тревоги, чувств, сомнений,
Был один — властитель дум;
Он в порыве вдохновений
Дивной силой песнопений
Волновал невольно ум.
Лишь рукой ударил в струны —
Русь откликнулась им,
И во гроб сошел он юный,
Как певец непобедим.
Сколько славы схоронил он!
Сколько ждать он мог венков!
И Россию как любил он!
Как громил клеветников!

Последующие строфы этого стихотворения, названного “Две могилы”, Дмитрий Петрович посвятил погибшему в том году юному Михаилу Лермонтову:

Струны звонкие дышали,
Чудной музыкой полны,
И во звуки воплощали
Вдохновительные сны.

Этот гимн во славу двух певцов, “светлой мысли исполинов”, поэт-симбирянин послал в Петер-

¹ Ознобишин Д.П. Стихотворения. Проза. — Т. 2. — С. 220.

бург знакомым литераторам для передачи в печать. Увы, из-за цензурных препон он увидел свет лишь... в 1972 году, в сборнике "Поэты 1820—1830-х годов", изданном в Ленинграде.

Чувства глубочайшего уважения к личности и творениям Пушкина Ознобишин выразил спустя четверть века в послании "Наталье Александровне Дубельт, урожденной Пушкиной" на русском и французском языках, преподнесенном ей в Петербурге 25 февраля 1867 года:

Как много в Вас блеска и неги, и света,
Властительной силой чарует Ваш взгляд!
Гляжу с восхищеньем на дочь я Поэта,
Чьи песни в России так сладко звучат.

А завершается послание мольбой, чтобы на ее долю жребий выпал счастливый, а избранник сердца сумел бы ценить ее, а также пожеланием:

Чтоб грустной тревоги не видели вечно,
Чтоб все Вы былое забыли, как сон,
И радость была бы Ваш спутник беспечный,
И был путеводной звездой Вам он!

Как случилось, что поэт открыто желает Наталье Александровне обрести более достойного спутника жизни, нежели Михаил Дубельт (сын главы жандармов России, с которым дочь Пушкина развелась)? Дело в том, что любимая племянница Д. Ознобишина Александра Ивановна Базилевская была замужем за Николаем Дубельтом и, вследствие этого, была связана семейственными узами с дочерью Пушкина. Благодаря семейственным узам, Дмитрий Петрович общался с Натальей Александровной в неофициальной обстановке и был, как

говорится, в курсе некоторых сторон ее семейной жизни и планов на будущее.

Отрадно, что добрые пожелания Дмитрия Петровича Наталье Александровне сбылись уже в 1868 году, когда она вышла замуж и стала графиней Меребенберг. Небезынтересно также, что именно она предоставила И.С. Тургеневу для опубликования письма отца к матери, два из которых были написаны Александром Сергеевичем в сентябре 1833 года в Языкове и Симбирске.

Ни один из приведенных мною фактов, имеющих отношение к теме “Дмитрий Ознобишин и Александр Пушкин”, не упомянут в публикации В.П. Юрлова “К воспоминаниям об А.С. Пушкине” в “Симбирских губернских ведомостях” от 26 мая 1899 года. Тем не менее, юрловские “воспоминания” и столетия спустя используются пушкинистами для обоснования личного общения Пушкина с Ознобишиным. Между тем документальная проверка показала, что В.П. Юрлов никогда не видел великого поэта, а его отец — не имел чести участвовать в званом обеде, якобы происходившем в доме Языковых по случаю приезда Александра Сергеевича в Симбирск в сентябре 1833 года и т.п. Злонамеренными измышлениями являются и юрловские пересказы того, что ему якобы рассказывали о Пушкине Д. Ознобишин и В. Соллогуб. И все же припомним некоторые из них.

“Я познакомился с Пушкиным, — говорил Д.П. Ознобишин, — у графа Виельгорского. Бывая на вечерах этого мецената муз и музыкального искусства, я заметил, к моему удивлению, что Пушкин не был ни музыкантом, ни даже любителем музыки, а,

между прочим, бывал на всех вечерах, даже исключительно музыкальных, и предпочитал музыке игру в карты и преимущественно в азартные игры...” (этот пассаж автобиографичен для В.П. Юрлова: в молодости он проигрывал в карты так много, что его отец публично объявил в Симбирске об отказе платить по долгам сына-поручика). Но, во-первых, Александр Сергеевич никогда не говорил о своем знакомстве с Д.П. Ознобишиным. И ни один мемуарист тоже не упоминал поэта-симбирянина в числе пушкинских знакомых. Во-вторых, А. Пушкин, посещая братьев Виельгорских, не раз помогал им при написании музыки на свои стихи, посещал вместе с ними концерты в домах В.В. Энгельгардта и Д.А. Нарышкина.¹ Наконец, в 1820—1830-х годах, когда Александр Сергеевич бывал у этих меценатов, Д. Ознобишин вообще не посещал их...

Злостными измышлениями В. Юрлова являются и следующие строки, выдаваемые им за слова Дмитрия Петровича относительно Пушкина: “Его суждения о писателях нередко отличались крайней горячностью и даже некоторой грубостью... Вероятно, эти обстоятельства и были причиной тому, что у него было очень много врагов... Все известные писатели того времени, — говорится далее в юрловской публикации, — удивлялись той снисходительности к Пушкину, которую проявлял к нему сам государь император Николай I, тем более, что было много примеров тому, что покойный государь карал строго некоторых писателей... Милости уже

¹ Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. — Л., 1988. — С. 70.

покойного государя к Пушкину были поистине великие”.

Полное неприятие вызывает и та часть “воспоминаний” Юрлова, где утверждается, будто “немало рассказов “о Пушкине он слышал из уст В.А. Соллогуба, и суть которых он свел к фразе: “Вращаясь в кругу аристократов по званию камер-юнкера, он, к сожалению, несправедливо (?) замечал как бы недостаток уважения к своей личности со стороны вельможных лиц, при этом, будучи очень ревнивым, вызвал на дуэль Дантеса”. Беспардонность этих измышлений опровергается воспоминаниями самого Соллогуба, который подчеркивал: “Пушкин находился в среде, над которой не мог не чувствовать своего превосходства, а между тем в то же время чувствовал себя почти постоянно униженным и по достатку и по значению в аристократической сфере... За это и он оказывал наружное небрежение к некоторым светским условностям”. В отличие от Юрлова, Соллогуб о вызове поэтом Дантеса, не судил столь примитивно. Пушкин, по его словам, “ревновал к жене не потому, что в ней сомневался, а потому, что страшился светской молвы”.

Можно было бы и не ворошить эти “юрловские” воспоминания”, если бы не одно “но”: в сборнике “Симбиряне в жизни и творчестве А.С. Пушкина”, вышедшем в Ульяновске в 2001 году, составители В.А. Сукайло и Е.К. Беспалова перепечатали публикацию В.П. Юрлова со своим заключением: “...эти воспоминания в краеведческом литературоведении должны остаться как один из важнейших и интереснейших симбирских пушкинских апокрифов...” Я же считаю своим долгом заметить, что

этот “апокриф” извращает факты биографий и Языковых, и Пушкина, и, в частности, относительно его знакомства с Ознобишиным. Убежден, что исследователи еще пополнят тему “Дмитрий Ознобишин и Александр Пушкин” новыми интересными и достоверными находками.

ДМИТРИЙ ОЗНОБИШИН И БРАТЯ НИКОЛАЙ И ИВАН ГОНЧАРОВЫ

Николай и Иван Гончаровы еще студентами Московского университета читали все сколько-нибудь известные столичные альманахи и литературные сборники начала 1830-х годов и, конечно же, обратили внимание на переводные и оригинальные стихотворения земляка — симбирянина Дмитрия Ознобишина. А личное знакомство братьев-книголюбцев с поэтом могло состояться в родном для них городе зимой 1834—35 года, когда Иван Александрович по приглашению губернатора А.М. Загряжского исполнял обязанности нештатного секретаря губернаторской канцелярии, а Дмитрий Ознобишин служил в то время почетным смотрителем Карсунского уездного училища и время от времени появлялся в тех же самых учреждениях, скажем, в мужской гимназии, и в местах общественного отдыха или дворянском собрании, где бывал и Иван Гончаров.

Но если знакомство поэта с будущим романистом носило мимолетный характер, то с его старшим братом оно было многолетним и порою довольно тесным. Ведь с 15 марта 1838 года Николай Гончаров, выпускник филологического факультета Московского университета, исполнял должность

помощника правителя канцелярии симбирского губернатора И.П. Хомутова. И через его руки 23 июня того же года прошла информация в “Симбирских губернских ведомостях”, что “титулярный советник Ознобишин, согласно избранию его здешним дворянством, Высочайше утвержден в звании почетного попечителя Симбирской гимназии на следующее трехлетие”. А от парадного крыльца гимназии до главного входа в губернаторский особняк, расположенный напротив через дорогу, было рукой подать — десятка три шагов, и в силу своей должности Дмитрий Ознобишин посещал губернатора, а тот, в свою очередь, являлся на торжественные акты в гимназии.

Нетрудно представить, что поэт и Николай Гончаров во время встреч не раз вспоминали общих московских преподавателей, обменивались впечатлениями о литературных новинках, включая и зарубежных авторов. Было о чем поговорить им и как лингвистам: Николай Александрович тоже свободно владел французским, немецким, английским и знал древнерусский, латинский и греческий. Дмитрию Петровичу пришелся по душе столь высокообразованный чиновник и, убедившись, что Гончаров, отказавшийся идти по пути отца-купца, не желает и чиновничьей карьеры, поддержал стремление Николая Александровича сменить службу и перейти в гимназию на преподавательскую должность. Для осуществления этого перехода необходимо было официальное ходатайство Д.П. Ознобишина, и уж вследствие него, 13 февраля 1839 года, Николай Гончаров приказом попечителя Казанского учебного округа был допущен к исправлению должности

младшего учителя русского языка в Симбирской гимназии. А с 12 декабря 1840 года, опять-таки при поддержке почетного попечителя, Николаю Александровичу было дозволено обучать воспитанниц Дома трудолюбия русской грамматике и словесности.¹

В 1844—1847 годах Д. Ознобишин по выбору губернского дворянства вновь являлся почетным попечителем мужской гимназии, то есть прямым начальником преподавателя Николая Гончарова. Это значит, что Дмитрий Петрович снова регулярно встречался за одним столом с Гончаровым на заседаниях педагогического совета, годовых и выпускных испытаниях, обсуждал с ним списки литературы, необходимой для фундаментальной и учебной библиотек. Недалеко друг от друга они находились во время торжеств по случаю открытия памятника Н.М. Карамзину. Вполне вероятно, что они обменивались визитами и в домашней обстановке, ибо их жены — Елизавета Александровна Ознобишина и Елизавета Карловна Гончарова (урожденная Рудольф) — живо интересовались беллетристикой, обе прекрасно играли на рояле и обладали хорошими голосами.

С начала 1847 года, в связи со смертью жены, Ознобишин почти год находился с сыном за границей, а затем подолгу обитал в столице и Смоленске. А вот со середины 1850-х годов сотрудничество поэта с Николаем Гончаровым возобновилось, и главным образом в “Симбирских губернских ведомостях”, неофициальную часть которых в 1855—1863

¹ ГАУО, Ф. 932, оп. 2, д. 191, л. 3.

годах редактировал Николай Гончаров. И именно в эту, далеко не простую для России эпоху, Дмитрий Петрович выступал в "Симбирских губернских ведомостях" с освещением проблем крестьянской реформы, по другим злободневным проблемам общественной и культурной жизни Симбирска. Так, 17 марта 1862 года в "Ведомостях" появилась большая статья Д. Ознобишина "Дворянские выборы в г. Симбирске", в которой говорилось о необходимости скорейшего изменения "веками сложившейся хозяйственно-экономической физиономии", перехода с барщины на оброк. В статье "Выставка сельских произведений в Симбирске", напечатанной 15 сентября того же года, Дмитрий Петрович выразил уверенность, что "после двухвекового несправедливо угнетавшего крестьян рабства" уйдет в прошлое и барство, над которым "посмеялся Грибоедов в своей бессмертной комедии!" Весьма показательным ознобишинское отношение к изменениям содержания "Симбирских губернских ведомостей": если во "время обломовщины" в них публиковались сухие официальные материалы, то теперь газета имеет неофициальную часть, отражающую общественную и частную жизнь.

Употребление поэтом-публицистом только что появившегося в печати слова "обломовщина", наверное, импонировало Ивану Гончарову, внимательно следившему даже в Петербурге за редакторской работой брата-учителя в "Симбирских губернских ведомостях". Это внимание усилилось после пребывания романиста в родном городе в мае-июле 1862 года. С учетом этих обстоятельств весной 1863 года по инициативе Николая Гончарова романист-

ту был послан материал Дмитрия Ознобишина для помещения в петербургской газете “Северная почта”. Ознакомившись с ним, Иван Гончаров 6 июля сообщил в Симбирск брату Николаю, что статью Д.П. Ознобишина напечатать было неудобно по причине ее опоздания, да к тому же он более не редактирует “Северную почту”.¹

По странному стечению обстоятельств Николай Гончаров тоже оставил работу в газете, а с его уходом перестали появляться публикации Дмитрия Ознобишина в “Симбирских губернских ведомостях”. Основным местом их встреч стал теперь не губернаторский дворец, а Карамзинская общественная библиотека, особенно в период ее восстановления (после пожара 1864 года) и подготовки к 100-летию со дня рождения Н.М. Карамзина.

И в том, что уже в 1865 году, задолго до окончательной отделки главных помещений Дома дворянского собрания, комнаты Карамзинской общественной библиотеки смогли разместить свои фонды и началось обслуживание читателей, есть заслуга и Д.П. Ознобишина, являвшегося членом комитета по восстановлению Дома дворянского собрания, и Николая Гончарова — члена комитета Карамзинской общественной библиотеки. Знаменательно, что они оказались в центре торжеств, проводившихся в Симбирске по случаю 100-летия со дня рождения Н.М. Карамзина: 1 декабря на литературном чтении в Доме дворянского собрания Николай Гончаров с глубоким чувством прочел известные языковские “Стихи на объявление па-

¹ Новое время, 1912, №13038. Приложение.

мятника историографу Николаю Михайловичу Карамзину”, а затем Дмитрий Ознобишин — свое стихотворение, написанное специально для этого знаменательного юбилея великого земляка.¹

Н. Гончаров и Д. Ознобишин как члены губернского статистического комитета приняли участие в подготовке “Сборника исторических и статистических материалов Симбирской губернии”, вышедшего в свет в 1868 году. Николай Александрович сумел-таки уговорить брата-романиста написать автобиографию (правда, без подписи и от третьего лица). Думается, что это он сподвиг и Дмитрия Петровича на точно такой же шаг. Но по каким-то причинам ознобишинский текст не попал в “Сборник” и вышел отдельной брошюрой в Петербурге уже в 1878 году, на следующий год после его смерти.

Примечательно, что в числе основных жертвователей в пользу Карамзинской общественной библиотеки за 1868 год опять оказались семья Языковых, И.А. Гончаров и Д.П. Ознобишин. Иван Александрович той весной прислал в дар родной библиотеке “Обломова”, “Фрегат “Палладу”, “Обыкновенную историю”, а затем еще два ящика книг и журналов. А Дмитрий Петрович передал публичке комплекты газет “С.-Петербургские ведомости”, “Самарские губернские ведомости”, “Русский инвалид”, “Акционер”, “Северные цветы”, “Северная пчела” и “Север” (на французском языке).

¹ Симбирский юбилей Н.М. Карамзина. — Симбирск, 1867. — С. 8.

У Д. Ознобишина и И. Гончарова имелись общие знакомые в столичных литературных кругах. Так, еще во время учения в московском Благородном пансионе Дмитрий Петрович тесно дружил с Николаем Александровичем Степановым, увлекавшимся тогда поэзией, а впоследствии ставшим известным художником-карикатуристом и издателем. Наглядным свидетельством общения романиста с художником стала статуэтка И.А. Гончарова, выполненная Николаем Степановым из папье-маше в манере дружеского шаржа, экспонирующаяся в Ульяновском музее И.А. Гончарова.

В 1862 году, когда Иван Александрович являлся редактором петербургской газеты "Северная почта", его помощником являлся Юрий Михайлович Богушевич. А через пять лет, когда этот молодой журналист и библиограф редактировал "Литературную библиотеку", он по рекомендации П.А. Вяземского тесно сотрудничал с Д.П. Ознобишиным и охотно публиковал его публицистические статьи.

Еще в начале своей литературной деятельности Дмитрий Петрович общался в литературной среде с Ф.И. Тютчевым и П.А. Вяземским. Небезынтересно, что в конце 1868 года, когда столичные литераторы обратились к И.А. Гончарову с просьбой познакомить их с главами романа "Обрыв", Иван Александрович в числе первых своих слушателей хотел увидеть именно П.А. Вяземского и Ф.И. Тютчева.

В "Автобиографии", опубликованной в "Сборнике исторических и статистических материалов Симбирской губернии" 1868 года, Иван Гончаров упоминает "о том, что в 1852 году он по предложению бывшего министра народного просвещения

Абрама Сергеевича Норова был прикомандирован в качестве секретаря к начальнику кругосветной экспедиции вице-адмиралу Е.В. Путятину и отправился с ним на фрегате “Паллада” в трехлетнее путешествие. А когда в январе 1869 года А.С. Норов скончался, Дмитрий Ознобишин, знавший его с юношеских времен как путешественника и литератора, почтил память почившего стихотворением:

Угас паломник наш, участник грозной битвы,
Безногий юноша с полей Бородина!..
Он, чья душа была святилище молитвы,
Сердечной теплотой вся речь оживлена!
В кругу друзей навек его замолкла лира,
Но к славе Родины любовью он горел,
И старец, видя блеск картин “Войны и мира”,
Как лебедь песнь-свою прощальную воспел.¹

15 декабря 1873 года И.А. Гончаров (вместе с Н.А. Некрасовым, А.А. Краевским, А.В. Никитенко и др.) был избран в редакционно-издательский комитет по подготовке литературного сборника “Складчина”, весь доход от которого поступит на нужды голодающих крестьян Самарской губернии. Иван Александрович отдал в “Складчину” свой очерк “Через двадцать лет”, и, думается, не без его участия в сборник была включена одна из ознобишинских “народных реляций” из Французско-прусской войны — “22 августа 1870 года” (“Чернь ворвалась в палаты...”). Уместно вспомнить, что 26 августа 1870 года И.А. Гончаров в письме к С.А. Никитенко сообщал: “Наполеон в плену, во Франции республика... Наполеон, этот автор Крымской войны и польского восстания, опротивел не одним нам,

¹ Ознобишин Д.П. Стихотворения. Проза. Т. 2. — С. 576.

а всем... У нас теперь столпотворение: кто за французов, кто за пруссаков..."¹

Нетрудно заметить, что взгляды И.А. Гончарова и Д.П. Ознобишина на Крымскую и Французско-прусскую войны, другие важные международные события 1850—1870-х годов во многом совпадают. И совсем поразительное сходство обнаруживается во взглядах писателей-земляков на некоторые злободневные проблемы русской жизни. Одной из них в начале 1870-х годов стала судьба гимназического образования. Министр народного просвещения Д.А. Толстой и другие столпы реакции ратовали за усиление роли древних языков (латыни и греческого) в программе мужских (классических) гимназий, причем даже в ущерб изучению истории, русского языка и русской литературы, естественных наук.

Дмитрий Ознобишин в связи с этим писал 5 августа 1872 года в Петербург бывшему симбирскому педагогу А.П. Крыжину: "Относительно возникшей в наше время борьбы между классическим и реальным образованием, я могу только скорбеть, что она могла возникнуть... Мне кажется, — продолжал поэт, — все происходит от взаимных с обеих сторон увлечений, а главное от недоразумения. Безумно было бы в наше время опровергать необходимость и очевидную пользу классического образования. Всякий благоразумный человек вполне убежден в этом; но вместе с тем он не может отрицать необходимость и реальных школ. Остается только примирить оба эти условия образования.

¹ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 8. М., 1959. — С. 408.

Предоставьте открытыми для классицизма все университеты со всеми их учеными степенями и привилегиями, но не закрывайте же наглухо дверь служебной карьеры для реалистов! Ведь в технологическом усовершенствовании не только наши фабрики, наполненные англичанами, немцами и французами, но и все ремесленные заведения сильно нуждаются и страдают от отсутствия природных русских усердных деятелей! Не оправдываю Краевского (Евгения Андреевича, публициста газеты "Голос". — Ж.Т.) в его грубых нападках на распоряжения нашего энергичного графа Д.А. Толстого (министра народного просвещения. — Ж.Т.), но думаю, что огульное обвинение реалистов в безверии и нигилизме едва ли имеет достаточное основание. Надобно доискиваться корня этого зла не в изучении естественных наук, а гораздо глубже!.. Преследование и гонение только сильнее возбуждают страсти..."¹

Насколько эти суждения поэта созвучны взглядам И.А. Гончарова, легко убедиться, заглянув в воспоминания романиста "В университете", где поясняется, почему он не получал наслаждения от чтения древних авторов: "Читая французские, немецкие и английские книги, мы будто слушаем и видим живого француза, немца и англичанина, ловим звуки, интонации, словом, — нам говорит живой человек. Мы слышим говор с печатным словом, чуем живой дух и всегда в состоянии сделать надлежащую аналогию. По-латыни и по-греческому этого нет. Я вовсе не отвергаю полезности изучения древ-

¹ ЦАРФ, Ф. 1096, оп. 3, д. 10856, л. 3.

них языков, — продолжал Гончаров, — такой ереси я проповедывать не хочу. Пусть желающие учатся им до самых корней, пусть “наслаждаются” преодолением филологических трудностей... Я только — как почти и все общество — против принудительного изучения этих языков в ущерб другим знаниям, иногда даже и знанию своего отечественного языка. Но, кажется, этот вопрос, если еще не разрешился, то решается уже в желательном для большинства смысле — и ломать копыя против подавляющего натиска классицизма не приходится.¹

Эти мудрые суждения Ивана Александровича были опубликованы в апрельской книжке столичного “Вестника Европы” за 1887 год, то есть через 15 лет после схожих высказываний Ознобишина. И в том, что “натиск классицизма” в мужских гимназиях России все же будет отбит передовой общественностью, есть вклад наших выдающихся симбирян.

ОЗНОБИШИНСКИЕ МЕСТА СИМБИРСКА

В отличие от других литераторов-симбирян, более старших по возрасту (Н.М. Карамзина, И.И. Дмитриева, Н.М. Языкова) или моложе его (И.А. Гончарова, Д.Н. Садовникова, Д.Д. Минаева), Дмитрий Ознобишин более 20 лет состоял в отчем крае на государственной или земской службе, был членом различного рода общественных организаций. Столь деятельное и продолжительное учас-

¹ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 7. — С. 235.

тие в жизни города предопределило посещение Дмитрием Петровичем многих общественных зданий Симбирска. И несмотря на то, что уже минуло более 125 лет с тех пор, как поэт проживал в нашем городе, до наших дней сохранилось немало зданий, в которых он бывал. Уместно вкратце сказать и о тех, которые уже исчезли с лица земли, но они запечатлены на фотографиях.

Вот известное всем ульяновцам здание Симбирской губернской (мужской) гимназии. Сначала Дмитрий Петрович бывал здесь, исполняя обязанности почетного смотрителя Карсунского уездного училища: эта должность обязывала его проявлять заботу о воспитанниках, которые после окончания училища поступали в Симбирскую мужскую гимназию. Кроме того, директор этой гимназии по совместительству возглавлял губернский училищный совет, в работе которого принимал участие и Ознобишин. В июле 1838 года губернское дворянство избрало его почетным попечителем губернской гимназии. Теперь поэт бывал в гимназии как в будни, так и на всех торжественных актах, в том числе и на выпускных экзаменах. Добросовестное выполнение Дмитрием Петровичем своих служебных обязанностей было оценено симбирским дворянством, и оно в 1844 году избрало его почетным попечителем еще на одно трехлетие.

В самом центре города сохранились здания Мариинской женской гимназии и Елизаветинского пансиона. Здесь, на пересечении Покровской и Большой Саратовской улицы (ныне ул. Л. Толстого и Гончарова), часто бывал поэт. Известно, что он присутствовал в 1860-х годах на торжественных

выпускных актах. А после того, как его 32-летний сын, Иван Дмитриевич Ознобишин, занимавший с 1865 года должность почетного смотрителя Карсунского уездного училища, был назначен в феврале 1870 года почетным блюстителем Симбирской Мариинской гимназии, Дмитрий Петрович не пропускал торжественных актов женской гимназии и пансионá. Здания Мариинской гимназии и пансионa долгое время занимала средняя школа № 3 имени Анны и Ольги Ульяновых. Об этом напоминает мемориальная доска с барельефом сестер. Сейчас здесь располагается гимназия № 3 г. Ульяновска. Думается, что в вестибюле школы могли бы быть портреты Дмитрия Петровича и его сына Ивана Дмитриевича Ознобишиных.

Старожилы Ульяновска до сих пор называют ул. III Интернационала Александровской площадью. Когда-то это было место отдыха горожан: кроме больничного ансамбля, здесь находился Александровский сад. Дмитрий Петрович бывал здесь не только ради прогулок — он встречался со старшим врачом, доктором медицины Александровской больницы Николаем Александровичем Глассоном, с которым поэта связывали дружеские отношения. Сохранились документальные свидетельства того, что Д.П. Ознобишин, чей дом в 1864 году сгорел во время пожара, проживал “в квартире главного доктора Александровской больницы г. Глассона”. В своем очерке о пожаре в Симбирске в августе 1864 года Дмитрий Петрович с горечью описывал площадь, где тысячи погорельцев с жалкими остатками своего имущества бедствовали под открытым небом. Здание Александровской больницы сохра-

нилось, и оно сейчас является восточным в ансамбле из трех корпусов Ульяновской областной клинической больницы № 1, выходящих на бывшую Александровскую площадь.

На месте, где ныне стоит старый корпус Суворовского училища, попробуем представить великолепное строение — так называемый дворец Пустынникова (дом, принадлежавший купцам Твердышевым). Здание, к сожалению, не сохранилось, но вошло в историю тем, что в нем останавливалась Екатерина II, здесь же граф Панин допрашивал плененного Емельяна Пугачева. Неоднократно бывал здесь в 1830—40-х годах и Ознобишин: в бывшем дворце Пустынникова находилось в то время Дворянское собрание. Дмитрий Петрович вместе с женой Елизаветой Александровной бывали в театре, располагавшемся в Доме дворянского собрания. Здесь проводились балы и маскарады, а также съезды дворян губернии, на которых поэт, конечно же, присутствовал. Позднее на Венце было выстроено новое здание Дворянского собрания, в котором в 1848 году была открыта Карамзинская общественная библиотека. Здесь Д.П. Ознобишин бывал регулярно на протяжении почти 30 лет. Ныне в этом здании располагается областная научная библиотека им. В.И. Ленина.

Известно, что Д. Ознобишин был заядлым театралом и любителем музыки. И можно не сомневаться, что он бывал в 1830-х годах на спектаклях, ставившихся зимой в бывшем доме Пустынникова, а летом — в специально выстроенном “вокзале” (в юго-восточной части Александровского сада). С постройкой кондитером А.М. Слепнёвым в 1846-м

году деревянного здания в южном конце Большой Саратовской улицы, Дмитрий Петрович вряд ли пропускал здешние премьеры, которые, кстати, посещали И.А. Гончаров, В.А. Соллогуб, Д.И. Минаев. Если учесть, что спонсором Слепнёва выступал гвардии полковник губернский предводитель дворянства М.М. Наумов, которому Ознобишин посвящал стихи, то можно считать, что поэт не раз наблюдал за лицедейством из ложи Наумова.

Что касается дома Бычковых (ныне здесь на ул. Кузнецова действует гарнизонная поликлиника), находившегося рядом с домом Пустынникова, то в нем в послепожарный период располагалась губернаторская резиденция, в которой поэт бывал не единожды в году. А до и после пожара 1864 года он регулярно заходил в основной Губернаторский дом, стоявшийся рядом со зданием мужской гимназии.

Одной из достопримечательностей Симбирска являлась Сборная ярмарка, на которой в 1833 году побывало 25 тысяч покупателей. Очевидно, в их число входил и Д.П. Ознобишин. Но если он и пропустил ярмарку общероссийского масштаба, то не раз бывал в Гостином дворе, причем не только по хозяйственным проблемам, но и как страстный книголюб: здесь действовала книжная лавка. Да и по должности почетного попечителя мужской гимназии он принимал участие в пополнении книжных фондов гимназии.

На перекрестке Большой Саратовской и Московской улиц до наших дней сохранились: дом, в котором родился И.А. Гончаров, и здание губернской типографии. Д.П. Ознобишин бывал в обоих зданиях. В типографии он держал корректуру

своих статей, печатавшихся в “Симбирских губернских ведомостях”, и своих отчетов по народному образованию. В доме же Гончарова в те времена находился магазин Юргенса, где продавались и музыкальные инструменты, и учебники, и канцелярские принадлежности.

Вполне возможно, что еще в 1830-х годах Д.П. Ознобишин бывал в доме удельной конторы, располагавшейся на Московской улице: ведь после пожара 1864 года в этом особняке находилась резиденция сенатора Жданова, возглавлявшего расследование по делу о пожарах. Поэт очень тщательно вникал во все детали этого бедствия. Думается, что он заходил сюда для наведения тех или иных справок. В этом здании теперь расположен фармацевтический колледж.

Все именитые симбиряне решение своих имущественных и иных проблем находили в здании Симбирского окружного суда, расположенного на перекрестке Большой Саратовской и Дворцовой улиц. Д.П. Ознобишин оформлял здесь не только личные документы, но и решал служебные вопросы в те годы, когда являлся почетным мировым судьей. С той же целью ему неоднократно приходилось бывать в здании Городской управы в “Доме городского общества” (ныне здание музыкального училища на улице Гимова).

Одной из главных достопримечательностей Ульяновска является дом Языковых на ул. Советской, 22 (бывшей Спасской). Несомненно, Д.П. Ознобишин бывал в этом доме: с братьями Языковыми его связывали дружеские отношения и страстное увлечение фольклором. Наверное, он появлялся здесь

и в торжественные дни. Например, во время открытия памятника Карамзину и пребывания здесь М. Погодина, ведь Ознобишин находился в дружеских отношениях с будущим академиком еще в годы учения в Благородном пансионе, а затем и во время своей службы в Москве. Дмитрий Петрович поддерживал добрые отношения с детьми Петра Михайловича Языкова — Александром и Василием, активными членами комитета Карамзинской общественной библиотеки и земских учреждений.

Одним из старинных строений Симбирска является здание губернских присутственных мест (ныне главный корпус сельхозакадемии). Во времена общественной деятельности Д.П. Ознобишина здесь находилась казенная палата, губернское правление и другие учреждения, которые поэт посещал в связи со своими должностными обязанностями.

Видное место среди симбирского дворянства занимали семьи Ермоловых и Бычковых, владевшие особняками в центральной части города. После августовского пожара 1864 года в доме Ермоловых на Московской улице (ныне ул. Ленина, здание облвоенкомата) более двух с половиной лет размещалось губернское дворянское собрание, в котором по долгу службы бывал Ознобишин.

Недалеко от дома Ермоловых, на бывшей Панской (ныне Энгельса) до пожара стоял собственный дом Д.П. Ознобишина. Если учесть, что за год до этой катастрофы внезапно скончалась жена поэта Таисия Константиновна, то нетрудно понять, почему он не стал восстанавливать городское жилище, и превратился в постоянного жителя своего села Троицкое.

Конечно, время от времени Дмитрию Петровичу придется по земским и иным делам навещать Симбирск и останавливаться в гостиницах. Известно, например, что в 1870-х годах поэт обитал в гостинице фабриканта М. В. Андреева, находившейся на углу Дворцовой и Спасской улиц, напротив Дома городского общества и Карамзинского сквера.

Не перечесть всех домов и улиц Симбирска, где бывал Ознобишин в течение жизни. Самым же любимым местом его всегда оставался высокий Венец с великолепным видом на величавую ма-тушку-Волгу и живописные окрестности, не единожды воспетые замечательным поэтом.

Указатель некоторых имен, встречающихся в тексте

Аксаков Николай Тимофеевич (1797—1882) — брат писателя С.Т. Аксакова, губернский предводитель дворянства, сосед и приятель Д.П. Ознобишина.

Андреев Михаил Васильевич (1810—1880) — владелец чугунолитейного завода и гостиницы.

Арсеньев Константин Иванович (1789—1865) — историк, географ, статистик, профессор Петербургского университета, домашний учитель Д.П. Ознобишина.

Астраханцев Александр Александрович (1800—1871) — помещик, коллега Д.П. Ознобишина по работе в различных организациях, руководитель комитета по восстановлению Дома дворянского собрания в 1865—1868 годах.

Ауновский Владимир Александрович (1835—1875) — инспектор мужской гимназии, краевед, этнограф, коллега Д.П. Ознобишина по работе в статистическом комитете.

Базилевский Иван Федорович (1791—1876) — муж сестры Д.П. Ознобишина Варвары Петровны, предприниматель, общественный деятель.

Баратаев (Бараташвили) Михаил Петрович (1784—1856) — князь, губернский предводитель симбирского дворянства, поэт, ученый нумизмат.

Баратынский Евгений Абрамович (1800—1844) — известный поэт, знакомый Д.П. Ознобишина.

Баюшев Василий Иванович (1818—1885) — князь, симбирский помещик, краевед, автор статей о Д.И. Минаеве, Д.П. Ознобишине и др.

Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848) — великий критик.

Бензема Иван Адольфович (1815—1860) — академик архитектуры, автор проектов Дома дворянского со-

брания и гимназического пансиона, других построек в Симбирске.

Белокрысенко Арсений Федорович (1818—1885) — управляющий симбирской удельной конторой, коллега Д.П. Ознобишина по членству в губернских училищном совете и статистическом комитете, краевед.

Бестужев (псевдоним Марлинский) Александр Александрович (1797—1837) — писатель, литературный критик, издатель (совместно с К.Ф. Рылевым) альманахов “Полярная звезда” и “Звездочка”, декабрист.

Богушевич Юрий Михайлович (1835—1901) — библиограф, журналист и издатель, с которым Д.П. Ознобишин сотрудничал в “Литературной библиотеке” в 1860-х годах.

Бодэ Александр (Адольф) Карлович (1790—1861) — барон, поэт, домашний учитель А.С. Пушкина и Д.П. Ознобишина.

Болдырев Алексей Васильевич (1780—1842) — профессор Московского университета, автор учебников по персидскому и арабскому языкам, один из наставников Д.П. Ознобишина.

Булдаков Николай Михайлович (1802—1849) — симбирский губернатор.

Варваций Иван Андреевич (1732—1825) — дед поэта по матери, грек-миллионер, герой Чесменского сражения, поручик русской армии, известный благотворитель Астрахани и Таганрога.

Варламов Александр Егорович (1801—1848) — композитор, романсы и песни которого пользовались успехом в семье Д.П. Ознобишина.

Веневитинов Дмитрий Владимирович (1805—1827) — поэт и критик, с которым Д.П. Ознобишин дружески общался в Москве в 1820-х годах.

Виельгорский Михаил Юрьевич (1788—1856) — граф, хозяин музыкального салона в Петербурге.

Вяземский Петр Андреевич (1793—1878) — князь, поэт и критик, адресат писем Д.П. Ознобишина.

Гальберг Самуил Иванович (1787—1839) — академик, автор памятника Н.М. Карамзину в Симбирске.

Гербель Николай Владимирович (1827—1883) — поэт и переводчик, составитель популярных школьных хрестоматий, адресат писем Д.П. Ознобишина.

Глассон Николай Александрович (1830—1880) — доктор медицины, старший врач симбирской Александровской больницы, в квартире которого Д.П. Ознобишин нашел приют после пожара 1864 года.

Гольц Татьяна Матеевна (1931—2001) — журналист, востоковед, автор книг о Д.П. Ознобине и его творчестве.

Гончаров Иван Александрович (1812—1891) — знаменитый романист.

Гончаров Николай Александрович (1808—1873) — учитель гимназии, редактор “Симбирских губернских ведомостей”, коллега Д.П. Ознобишина по службе в гимназии.

Горизонтов Алексей Петрович (1828—1918) — педагог, автор учебника “Естественная история”, коллега Д.И. Ознобишина по общественной деятельности в Симбирске 1870-х годов

Грибоедов Александр Сергеевич (1795—1829) — выдающийся писатель и дипломат.

Державин Николай Александрович (1888—1928) — краевед, автор статей о литераторах Симбирска.

Давыдов Денис Васильевич (1784—1839) — герой Отечественной войны 1812 года, поэт и военный писатель.

Дмитриев Иван Иванович (1760—1837) — поэт, баснописец, государственный деятель.

Дмитриев Михаил Александрович (1796—1866) — племянник И.И. Дмитриева, поэт, мемуарист, товарищ Д.П. Ознобишина по литературным кружкам 1820-х годов в Москве.

Дмитриев Федор Михайлович (1829—1894) — профессор, юрист, коллега Д.П. Ознобишина по работе в губернском земском собрании.

Дубельт Наталья Александровна (1836—1913) — дочь А.С. Пушкина, близкая знакомая Д.П. Ознобишина.

Дуров Дмитрий Николаевич (1791—1867) — генерал-майор, симбирский помещик, пожертвовавший капитал на народную школу в селе Покровском.

Евланов Василий Федотович (1819—1866) — врачебный инспектор симбирского губернского правления, герой стихотворения Д.П. Ознобишина “Холера” (1866 год).

Ермолов Александр Иванович (1810—1892) — отставной штабс-капитан, губернский предводитель дворянства, родственник поэта Н.М. Языкова, близкий знакомый Д.П. Ознобишина в 1860—1870-х годах.

Ермолов Алексей Петрович (1777—1861) — участник суворовских походов, герой Отечественной войны 1812 года, наместник Кавказа, родственник поэта Н.М. Языкова, герой стихотворения Д.П. Ознобишина.

Жданов Семен Романович (1790—1865) — сенатор, занимавшийся расследованием причин августовского пожара 1864 года, истребившего лучшую часть Симбирска.

Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) — выдающийся поэт, переводчик и общественный деятель.

Загряжский Александр Михайлович (1796—1883) — симбирский губернатор (1831—1835), дальний родственник А.С. Пушкина.

Зотов Александр Иванович (1811—1881) — известный в Поволжье изобретатель-самоучка и производитель сельскохозяйственных машин и орудий, симбирский городской голова в 1865—1866 годах, попечитель народных школ города, герой очерков Д.П. Ознобишина.

Ивашев Василий Петрович (1797—1840) — ротмистр, декабрист, умер на поселении в Сибири

Извеков Егор Николаевич (1799—1872) — симбирский губернатор в 1858—1861 годах

Казадаев Александр Васильевич (177?—1854) — командир “горного кадетского корпуса”, сенатор, писатель. В его доме жил и воспитывался Д.П. Ознобишин.

Карамзин Александр Николаевич (1815—1888) — сын Н.М. Карамзина, литератор, участник торжеств в Симбирске по случаю открытия памятника историографу государства Российского в 1845 году.

Карамзин Андрей Николаевич (1814—1854) — сын Н.М. Карамзина, полковник, участник торжеств в Симбирске по случаю открытия памятника историографу государства Российского.

Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) — поэт, писатель, историк, глава литературной школы, которую прошел Д.П. Ознобишин.

Киндяков Александр Львович (1805—1884) — подполковник, предводитель дворянства Симбирского уезда, краевед, адресат писем Д.П. Ознобишина, библиофил.

Киреевский Петр Васильевич (1808—1856) — фольклорист, археограф, друг Н.М. Языкова, адресат Д.П. Ознобишина.

Крылов Николай Александрович (1830—1907) — симбирский помещик и земский деятель, публицист, единомышленник Д.П. Ознобишина по проведению в жизнь крестьянской реформы, отец советского академика-кораблестроителя А.Н. Крылова.

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841) — великий поэт.

Ложкина Елена Васильевна (1889—1961) — библиограф, краевед, автор статей о Д.П. Ознобишине.

Максимович Михаил Александрович (1804—1873) — поэт, фольклорист, историк, издатель, знакомый Д.П. Ознобишина по литературным кружкам Москвы 1820—1850-х годов.

Мещеринов Петр Петрович (1813—1875) — симбирский дворянин, друг детских и юношеских лет М.Ю. Лермонтова, его родственник, близкий знакомый Д.П. Ознобишина по службе и общественной деятельности в Симбирске 1860-х годов.

Минаев Дмитрий Иванович (1807—1876) — подполковник, поэт и этнограф, знакомый Д.П. Ознобишина по общественной деятельности в Симбирске.

Модзалевский Борис Львович (1874—1928) — литературовед, первым описал личный архив Д.П. Ознобишина, поступивший в Пушкинский Дом, автор библиографической справки о Д.П. Ознобишине для “Русского биографического словаря” 1905 года.

Морозов Павел Тимофеевич (1807—1881) — воспитанник благородного пансиона Московского университета, где познакомился с Д.П. Ознобишиным, президент Общества сельского хозяйства Юго-Восточной России, автор книги “Метеорологические очерки”, близкий знакомый Д.П. Ознобишина и его семьи в 1840-1870-х годах.

Норов Авраам Сергеевич (1795—1869) — писатель, переводчик, библиограф, инвалид Отечественной войны 1812 года, в 1850-х годах — министр народного просвещения, адресат писем Д.П. Ознобишина.

Оболенский Василий Иванович (1790—1847) — учитель и надзиратель в Благородном пансионе Московского университета, литератор и переводчик, адресат писем Д.П. Ознобишина.

Одоевский Владимир Федорович (1803—1859) — князь, писатель, критик, близкий товарищ Д.П. Ознобишина по литературным кружкам Москвы 1820-х годов.

Ознобишин Иван Дмитриевич (1837—1896) — сын поэта, служивший после окончания Царскосельского лицея в Симбирской губернии мировым посредником и почетным попечителем женской гимназии.

Ознобишин Иван Петрович (180?—1823) — старший брат поэта, поручик.

Ознобишин Петр Никанорович (17??—1813) — отец поэта, владделец имения в Симбирской и Пензенской губерниях, директор банка в Астрахани, где после смерти и похоронен.

Ознобишина Александра Ивановна (177?—1813) — урожденная Варвацы, мать поэта.

Ознобишина Варвара Петровна (1808—1892) — сестра поэта, жена И.Ф. Базилевского.

Ознобишина Елизавета Дмитриевна (1863—1899) — дочь поэта от второго брака, супруга Д.Н. Малевинского.

Ознобишина Елизавета Петровна (1806—1899) — сестра поэта, жена Волкова.

Ознобишина Софья Дмитриевна (184?—19??) — урожденная Толбузина, жена И.Д. Ознобишина, сына поэта

Ознобишин Дмитрий Иванович (1870—1956) — внук поэта, воспитанник Царскосельского лицея, с 1903 года служил в Париже, куда перевез реликвии семейной библиотеки Ознобишиных.

Парни Эверест-Дезире (1753—1814) — французский поэт, чьи стихи переводил на русский Д.П. Ознобишин.

Погодин Михаил Петрович (1800—1875) — историк, писатель, профессор Московского университета, издатель альманахов и журналов. Д.П. Ознобишин поддерживал с ним дружеские отношения до конца жизни.

Поливанов Владимир Николаевич (1848—1915) — археолог, публицист, председатель Симбирской губернской ученой архивной комиссии.

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — величайший поэт России.

Раич (Амфитеатров) Семен Егорович (1792—1855) — поэт, переводчик, издатель, руководитель литературных кружков в Москве, близкий знакомый Ф.И. Тютчева, Д.П. Ознобишина, учитель М.Ю. Лермонтова.

Сенявин Дмитрий Николаевич (1763 — 1831) — флотоводец, один из создателей Черноморского флота, дед второй жены Д.П. Ознобишина Таисии Константиновны Кадомцевой.

Сосницкий Иван Иванович (1794—1871) — актер Александринского театра, домашний учитель Д.П. Ознобишина во время его жизни в доме Казадаевых.

Столыпин Александр Алексеевич (1774—1846) — адъютант А.В. Суворова, попечитель Симбирской мужской гимназии.

Татаринов Александр Николаевич (1810—1861) — автор воспоминаний о поэте Н.М. Языкове, единомышленник Д.П. Ознобишина по подготовке крестьянской реформы 1861 года.

Татаринов Константин Николаевич (1812—1867) — отставной лейтенант флота, коллега Д.П. Ознобишина по проведению в жизнь крестьянской реформы 1861 года.

Титов Владимир Павлович (1807—1891) — товарищ Д.П. Ознобишина по учебе в Благородном пансионе Московского университета, литератор, дипломат.

Толстой Алексей Николаевич (1817—1875) — поэт, драматург.

Тютчев Федор Иванович (1803—1873) — гениальный поэт, дипломат, близкий знакомый Д.П. Ознобишина.

Ульянов Илья Николаевич (1831—1886) — руководитель начальной школы Симбирской губернии в 1869—1886 годах, знакомый Д.П. Ознобишина по работе в губернском статистическом комитете, других учреждениях и организациях.

Фукс Александра Андреевна (1805—1853) — казанская поэтесса, знакомая Н.М. Языкова, А.С. Пушкина, Д.П. Ознобишина.

Чарыков Валерий Иванович (1817—1879) — симбирский вице-губернатор, один из инициаторов издания “Сборника исторических и статистических материалов Симбирской губернии” 1868 года, в подготовке которого участвовал и Д.П. Ознобишин.

Черников Василий Васильевич (1821—1885) — владелец типографии, музыкальный деятель, композитор, член комитета Карамзинской общественной библиотеки, редактор “Симбирской земской газеты”.

Шевырев Степан Петрович (1806—1864) — поэт, критик и историк, знакомый Д.П. Ознобишина по литературным кружкам Москвы 1820-х годов.

Шидловский Дмитрий Николаевич (1810—1870) — помещик, ярый крепостник.

Щепкин Александр Михайлович (1828—1885) — сын великого актера, знакомый Д.П. Ознобишина по Симбирску.

Юрлов Владимир Петрович (1830—1903) — подпоручик, журналист, автор надуманных “воспоминаний” об общении Д.П. Ознобишина с А.С. Пушкиным.

Языков Александр Михайлович (1799—1874) — брат поэта, знакомый А.С. Пушкина, один из инициаторов сооружения памятника Н.М. Карамзину и создания Карамзинской общественной библиотеки, близкий знакомый Д.П. Ознобишина в Симбирске.

Языков Александр Петрович (1831—1896) — племянник поэта, председатель комитета Карамзинской общественной библиотеки, коллега Д.П. Ознобишина по Обществу сельского хозяйства.

Языков Василий Петрович (1829—1890) — племянник поэта, коллега Д.П. Ознобишина по земской деятельности.

Языков Николай Александрович (1835—1881) — племянник поэта, коллега Д.П. Ознобишина по земской деятельности.

Языков Николай Михайлович (1803—1846) — выдающийся поэт, близкий знакомый Д.П. Ознобишина.

Языков Петр Михайлович (1798—1851) — старший брат поэта, известный геолог, первый председатель комитета Карамзинской общественной библиотеки, знакомый и адресат Д.П. Ознобишина.

Языкова (урожденная Наумова) Наталья Александровна (1811—1878) — жена А.М. Языкова, адресат Д.П. Ознобишина.

Яровой Александр Павлович (1831—1878) — ученый землемер, помещик, общественный деятель, автор очерков о симбирских деятелях культуры, близких знакомых Д.П. Ознобишина.

Список основных произведений Ж.А. Трофимова

1. И.Н. УЛЬЯНОВ В ПЕНЗЕ. Документальные очерки (в соавторстве с О.М. Савиным). Приволжск. кн. изд-во, Саратов, 192 с., илл. Тираж 15 тыс. экз.
2. ГИМНАЗИСТ ВЛАДИМИР УЛЬЯНОВ. Документальные очерки. Приволжск. кн. изд-во, Саратов. 1976. 200 с., илл. Тираж 20 тыс. экз.
3. И.Н. УЛЬЯНОВ (рисунки Б.И. Лебедева). М., «Советская Россия», 1976, 104., илл. Тираж 50 тыс. экз.
4. УЛЬЯНОВЫ. Поиски, находки, исследования. Саратов, 1978, 216 с., илл. Тираж 25 тыс. экз. 2-е изд. 1989.
5. ВЕЛИКОЕ НАЧАЛО. Художественно-документальные очерки о гимназических годах В.И. Ленина. М., «Молодая гвардия», 1979, 239 с., илл. Тираж 75 тыс. экз.
6. ОТЕЦ ИЛЬИЧА. Документальные очерки. Саратов, 1981, 191 с. Тираж 10 тыс. экз.
7. ИЛЬЯ НИКОЛАЕВИЧ УЛЬЯНОВ (в соавторстве с Ж.Б. Миндубаевым). М., «Молодая гвардия» (ЖЗЛ), 1981, 223 с., илл. Тираж 150 тыс. экз. (Переиздана в 1985-1990 гг. на арабском, испанском, молдавском, украинском и казахском языках).
8. И.Н. УЛЬЯНОВ В ПЕНЗЕ (рисунки Б.И. Лебедева). М., «Советская Россия», 1981, 48 с., илл. Тираж 75 тыс. экз.
9. ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СИМБИРСКИЙ МОЛОДОГО ЛЕНИНА. Саратов, 1984, 176 с. Тираж 10 тыс. экз.
10. МАТЬ ИЛЬИЧА. Документальный очерк. М., «Советская Россия», 1985, 144 с., илл. Тираж 68,3 тыс. экз.

11. ДУХ РЕВОЛЮЦИИ ВИТАЛ В ДОМЕ УЛЬЯНОВЫХ. Симбирские страницы биографии В.И. Ленина. М., Политиздат, 160 с., илл. Тираж 200 тыс. экз. + 100 тыс. экз.

12. КАЗАНСКАЯ СХОДКА. М., «Молодая гвардия», 1986, 208 с., илл. (Молодогвардейская лениниана). Тираж 75 тыс. экз.

13. САМАРСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ. М., «Молодая гвардия», 1988, 238 с., илл. (Молодогвардейская лениниана). Тираж 65 тыс. экз.

14. СТАРШИЙ БРАТ ИЛЬИЧА. Документальное повествование об А. Ульянове. М., «Советская Россия», 1988, 256 с., илл. Тираж 50 тыс. экз.

15. Д.Д. МИНАЕВ И СИМБИРСК. Документальный очерк, Саратов, 1989, 50 стр. Тираж 3 тыс. экз.

16. ВЕЛИКОЕ НАЧАЛО. М., «Молодая гвардия». 1990, 333 (3) с., илл. (Молодогвардейская лениниана). Тираж 50 тыс. экз.

17. СИМБИРСКИЙ ПАМЯТНИК Н.М. КАРАМЗИНУ. Известное и неизвестное. М., Издат. центр «Россия молодая». 1992, 40 с. Тираж 15 тыс. экз.

18. СИМБИРСКАЯ КАРАМЗИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА. Исторический очерк. М., Издат. центр «Россия молодая», 1992, 48 с. Тираж 5 тыс. экз.

19. ЛЕНИН-КРУПСКАЯ-АРМАНД — ЛЮБОВНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК? Ульяновск, «Народная газета», 1993, 32 с. Тираж 25 тыс. экз.

20. СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ СИМБИРСКОГО ТЕАТРА. Документальный очерк. Ульяновск, «Симбир. книга», 1994, 60 с. Тираж 1 тыс. экз.

21. В.Н. АНДРЕЕВ-БУРЛАК. ПАМЯТЬ И НАСЛЕДИЕ. Ульяновск, «Симбир. книга», 1995, 254 с., илл. Тираж 1 тыс. экз.

22. ВОЛКОГОНОВСКИЙ ЛЕНИН (Критический анализ книги Д. Волкогонова «Ленин»). Ульяновск, «Симбир. книга», 1995, 90 с. Тираж 5 тыс. экз. (В 1997 г. в Москве вышло 2-е издание).

23. МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА УЛЬЯНОВА. Документальное повествование. Ульяновск, «Россы», 1996, 190 с., илл. Тираж 2 тыс. экз.

24. СИМБИРСК И СИМБИРЯНЕ. Исторические и литературные поиски. Ульяновск, «Симбир. книга», 1997, 362 с. Тираж 1 тыс. экз.

25. ПОЭТ-СИМБИРЯНИН НИКОЛАЙ ЯЗЫКОВ. Ульяновск, «Печатный двор», 1998, 215 с., илл. Тираж 2 тыс. экз.

26. СИМБИРСКИЕ ДНИ ПУШКИНА. Исследования и находки. 1999.

27. СИМБИРСК ЛИТЕРАТУРНЫЙ. Поиски, находки, исследования. 1999.

28. УЛЬЯНОВЫ И ИХ СОВРЕМЕННОКИ. Поиски, находки, исследования. 2000.

29. ИЗВЕСТЕН ВСЕЙ РОССИИ. Очерки жизни и деятельности И.Н. Ульянова. 2002.

30. НИКОЛАЙ БЛАГОВ, ПОЭТ И ГРАЖДАНИН. Биографический очерк. 2003.

РУКОПИСИ И КНИГИ Ж.А. ТРОФИМОВА
по краеведению, готовые к изданию в 2005 году.

1. СИМБИРСКИЕ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ ДЕНИСА ДАВЫДОВА.
2. И.А. ГОНЧАРОВ И СИМБИРСК. Поиски, находки и исследования. 12 печ. листов.
3. ПОЭТЫ МИНАЕВЫ, ОТЕЦ И СЫН. 14 печ. листов.
4. Н.М. КАРАМЗИН И ОТЧИЙ КРАЙ. 12 печ. листов.
5. СИМБИРСК И СИМБИРЯНЕ. Том 2-й, 15 печ. листов.
6. СИМБИРСК ЛИТЕРАТУРНЫЙ. Том 2-й, 15 печ. листов.
7. НИКОЛАЙ ЯЗЫКОВ И РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ XIX в.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
-----------------	---

Часть I

Детство и юность.	21
Поэт и полиглот	34
По законам гражданственности	47
Тяжкий удар судьбы	57
Крутые перемены	68
Вклад поэта в проведение крестьянской реформы 1861 года	78
В роли историка Симбирска	95
Пришла беда — отворяй ворота	106
Под знаком карамзинского юбилея	117
Народные училища — основа материального преуспеяния	131
“Тружусь усердно я...”	144
“Жил и умер джентльменом-поэтом”	157
Найти могилу поэта!	168

Часть II

“Биография Д.П. Ознобишина” — это автобиография поэта	179
Дмитрий Ознобишин и Александр Пушкин ..	190
Дмитрий Ознобишин и братья Николай и Иван Гончаровы	199
Ознобишинские места Симбирска	209
Указатель некоторых имен, встречающихся в тексте	217
Список основных произведений Ж.А.Трофи- мова	227

Трофимов Жорес Александрович

Жил и умер джентльменом-поэтом
Документальные очерки о Д.П. Ознобишине

Книга издана в авторской редакции.

Набор выполнен в Ульяновской
областной научной библиотеке.

Ответственная за выпуск *Л.В. Белозёрова*

Компьютерный набор *О.В. Храмова*

Идея обложки *Е.Г. Чичнёва*

Верстка типографии.

Подписано в печать 7.04.05. Формат 70х100¹/₃₂.

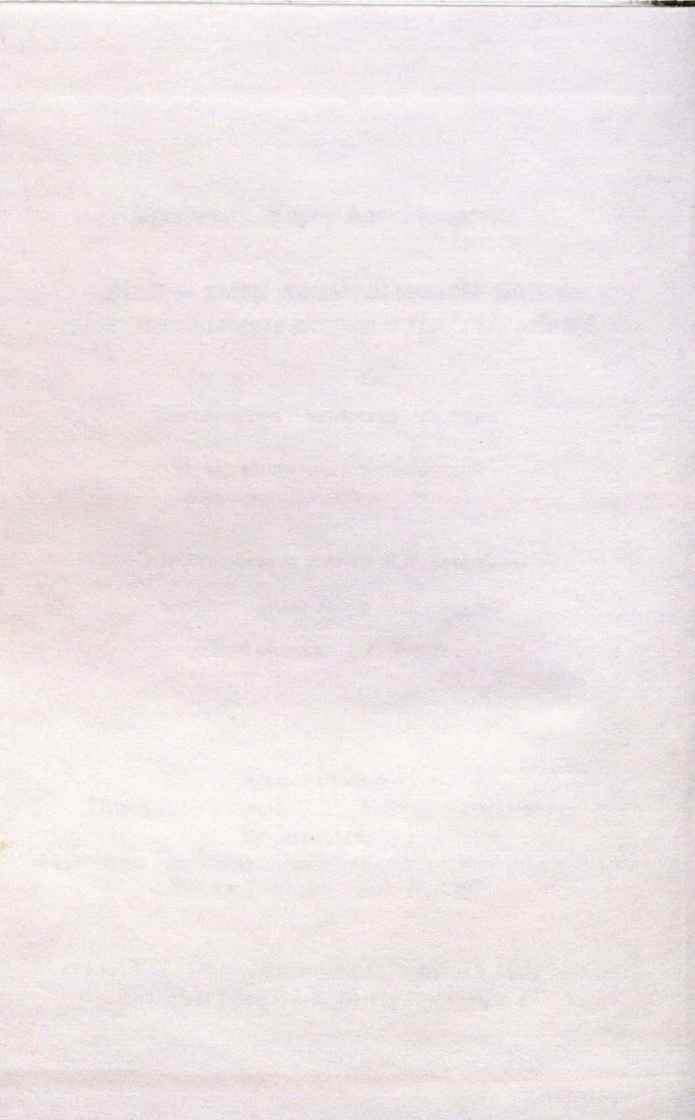
Бумага офсетная.

Гарнитура Тип Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,43.

Тираж 1000 экз. Заказ № 4207.

ОГУП "Облтипография "Печатный двор".

432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарёва, д. 27.

hp20la
95=

up 2020

Kp

